

ISSN 2686-7753

КРИМИНАЛИСТЪ

2024 № 3(48)

Санкт-Петербург
Литейный, 44

СОБЫТИЯ

19 апреля 2024 года в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации состоялась ежегодная Всероссийская научная конференция «Постклассические исследования права» на тему «Антропология права как постклассическая научно-исследовательская программа».

В работе конференции приняли участие студенты, магистранты, аспиранты и профессорско-преподавательский состав Института, ведущие крупнейшие теоретики права страны, специалисты между-

народного права и отраслевых юридических наук из Санкт-Петербургского государственного университета, Московского городского педагогического университета, Воронежского государственного университета, Российского государственного гуманитарного университета, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Северо-Западного института управления РАНХиГС и других вузов страны.

В рамках конференции были рассмотрены вопросы: каковы содержание и институциональная форма антропологии права; сохраняет ли свое значение человекомерность права в ситуации постгуманизма; каково соотношение человека и правового статуса в конструкции субъекта права; каковы перспективы антропологической методологии в исследовании конкретных юридических проблем и др.

Особый интерес вызвали доклады профессоров А. В. Полякова, Я. И. Гилинского, П. Н. Дудина, Р. А. Ромашова, доцентов Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева, М. А. Беляева, Л. А. Харитоновой, Н. В. Малиновской.

СОБЫТИЯ

25 сентября 2024 года в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации состоялась III Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовный процесс: от истоков к современности (проблемы поддержания государственного обвинения)».

В работе конференции приняли участие практические работники органов прокуратуры, судейского сообщества, представители ведущих юридических вузов России: Института государства и права Российской академии наук, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Балтийского федерального университета

им. И. Канта, Воронежского государственного университета, Московского государственного юридического университета (МГЮА) им. О. Е. Кутафина, Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург); Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации; Московской академии Следственного комитета Российской Федерации им. А. Я. Сухарева; Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, Восточно-Сибирского института МВД России и других органов и организаций, а также профессорско-преподавательский состав филиалов Университета прокуратуры Российской Федерации, аспиранты, слушатели факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Института.

В ходе научно-практической конференции участники представили доклады, посвященные актуальным вопросам и проблемам, связанным с поддержанием государственного обвинения. Докладчики предложили пути дальнейшего изучения и развития этой важной области прокурорской деятельности, а также способы совершенствования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

КРИМИНАЛИСТЪ

2024 № 3 (48)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2008 года Санкт-Петербургским юридическим институтом (филиалом)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Учредитель Университет прокуратуры Российской Федерации

Главный редактор А. П. Спиридонов, директор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

А. Ю. Захаров, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации; Н. Е. Солнышкина, начальник управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе; Т. А. Ашурбеков, доктор юридических наук; Е. Е. Амлеева, кандидат юридических наук, доцент; И. А. Антонов, доктор юридических наук, профессор; Е. В. Болотина, доктор юридических наук; Н. А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор; И. В. Гончаров, доктор юридических наук, профессор; Л. В. Готчина, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор; Н. А. Данилова, доктор юридических наук, профессор; А. А. Дорская, доктор юридических наук, профессор; И. Г. Дудко, доктор юридических наук, профессор; Е. В. Емельянова, доктор юридических наук, профессор; Е. Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор; Г. П. Ермолович, доктор юридических наук, профессор; В. Н. Исаенко, доктор юридических наук, профессор; А. С. Карцов, доктор юридических наук; Н. П. Кириллова, доктор юридических наук; О. Н. Коришунова, доктор юридических наук, профессор; Э. К. Кутуев, доктор юридических наук, профессор; В. В. Лавров, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент; Ю. В. Мишальченко, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор; Н. С. Нижник, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор; М. Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор; А. Н. Попов, доктор юридических наук, профессор; С. М. Прокофьева, доктор юридических наук, профессор; Е. Н. Рахманова, доктор юридических наук; Р. А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор; Е. Б. Серова, кандидат юридических наук, доцент; С. А. Смирнова, доктор юридических наук, профессор; Ю. А. Тимошенко, доктор юридических наук; Н. И. Уткин, доктор юридических наук, профессор; О. В. Чельшева, доктор юридических наук, профессор; Ю. Б. Шубников, доктор юридических

наук, профессор; В. С. Шадрин, доктор юридических наук, профессор; В. Ф. Щепельков, доктор юридических наук, профессор; А. А. Эксархонццо, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия

А. П. Спиридонов (главный редактор), доктор юридических наук, профессор; Р. Д. Шаранов (заместитель главного редактора), доктор юридических наук, профессор; М. А. Григорьева (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; О. А. Гуреева, кандидат юридических наук; Е. В. Елагина, кандидат юридических наук, доцент; Д. Ю. Краев, кандидат юридических наук, доцент; Е. Л. Никитин, кандидат юридических наук, доцент; Т. Г. Николаева, доктор юридических наук, профессор; А. А. Сапожков, кандидат юридических наук, доцент; И. Л. Честнов, доктор юридических наук, профессор

Адрес редакции:

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: kriminalist_institut@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76805 от 16.09.2019. Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4

Подписано в печать 30.09.2024. Печ. л. 21,5. Формат 60x84/8. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–155). Заказ 24/24.

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации
191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: rio-procuror@yandex.ru

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных материалах несут авторы. Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
НАУКИ**

- Васкэ Е. В.* Механизмы формирования мотивации оговора у несовершеннолетних потерпевших по уголовным делам о половых преступлениях 3
- Глушков М. Р.* Зарубежный опыт применения тактических приемов допроса. Часть 3. Оценка валидности утверждений 11
- Давлетов А. А.* Список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание со стороны защиты — «мертвая» норма в уголовном процессе.....19
- Дроздов Д. Е.* Особенности современной латентной преступности.....25
- Карпов В. О.* Криминологическая характеристика насильственных преступлений с эгоистической мотивацией.....31
- Кравченко Р. М.* Уголовно-правовая оценка подделки процессуальных документов 39
- Назаров А. Д., Минеев М. А.* Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве 45
- Петрова Д. С.* Ограничение и лишение родительских прав как способы противодействия домашнему насилию 50
- Попова Ю. П.* Тренеры и спортсмены как субъекты нарушения антидопинговых правил.....58
- Равинская А. В.* Особенности первоначального этапа расследования преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних 64
- Руденко Д. А.* О необходимости внедрения концепции электронного уголовного дела в российское уголовное судопроизводство.....71
- Селиверстова М. А.* Проблемы освобождения от уголовной ответственности по специальным основаниям.....79
- Страхова С. В.* Следственная группа как форма организации расследования преступлений в условиях чрезвычайной ситуации.....87
- Суходолов А. С.* Проблема изменения вида уголовного преследования в суде..96
- Чебуренков А. А.* Криминологический анализ провокационной деятельности,

осуществляемой при раскрытии и расследовании преступлений коррупционной направленности 105

Ялышев С. А. Из истории российской криминалистики 113

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ)
НАУКИ**

- Никитин Е. Л.* Участие органов прокуратуры в правотворческом процессе в сфере оперативно-разыскной деятельности.....117
- Чепенко Я. К.* Конституционно-судебные поручения законодателю: вопросы теории и практики 126

**ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ
(ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ**

- Васильчикова Н. А.* Актуальные вопросы участия в деле прокурора в порядке ч. 3 ст. 45 ГПК РФ.....131
- Кузбагаров Э. А., Максимов В. А.* Генезис и практика применения последствий недействительности сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка.....137

**РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ,
МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ**

- Честнов И. Л.* Обзор Всероссийской научно-теоретической конференции «Постклассические исследования права» на тему «Антропология права как постклассическая научно-исследовательская программа».....146

**ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В СФЕРЕ
ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

- Кондратьев П. Б.* Учет лакунарных особенностей юридической терминологии при переводе в языковой паре английский — русский 155

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

- Волошин П. В., Симонова Ю. И.* Практико-ориентированный подход в подготовке юристов уголовно-правового профиля: компетентностные маркеры как критерий эффективности 162

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.95

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ ОГОВОРА У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Екатерина Викторовна ВАСКЭ

*Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, 1269724@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы, связанные с психологическими механизмами формирования мотивации оговора у несовершеннолетних потерпевших при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Представлена дополненная новыми видами психологическая типология «мнимых» потерпевших. Показана значимость критической оценки следователем сведений, предъявляемых ребенком (подростком) и ретранслируемых психологом.

Ключевые слова: несовершеннолетний потерпевший, сексуальное насилие, психолог, достоверность показаний, мотивации оговора

Для цитирования: Васкэ Е. В. Механизмы формирования мотивации оговора у несовершеннолетних потерпевших по уголовным делам о половых преступлениях // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 3–10.

Original article

MECHANISMS FOR THE FORMATION OF MOTIVATION FOR THE RESERVATION OF MINOR VICTIMS IN CRIMINAL CASES OF SEXUAL CRIMES

Ekaterina V. VASKE

*St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg,
Russia, 1269724@gmail.com*

Abstract. The article deals with topical issues related to the psychological mechanisms of the formation of motivation for a reservation in a minor victim in the investigation of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual. The psychological typology of «imaginary» victims is presented, supplemented by new types. The importance of the investigator's critical assessment of the information presented by a child (teenager) and relayed by a psychologist is shown.

© Васкэ Е. В., 2024

Keywords: minor victim, sexual violence, psychologist, reliability of testimony, motivation of the reservation

For citation: Vaske E. V. Mechanisms for the formation of motivation for the reservation of minor victims in criminal cases of sexual crimes. *Criminalist*. 2024;3(48):3-10. (In Russ).

Расследование преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних неизбежно сопровождается определенными проблемами. Это и отсутствие прямых (материальных) доказательств, когда речь идет, например, о внутрисемейном насилии, и отсроченный период совершения преступления и подачи заявления, и сложность установления эпизодов при их множественности, и проблемы, связанные с квалификацией действий обвиняемого. Особое место в череде этих проблем занимает оценка следователем сведений, полученных от несовершеннолетнего, когда в ситуации расследования слово потерпевшего — против слова обвиняемого. Как показывает практика, сложность представляет не только оценка полноты, достоверности и адекватности сведений, полученных от ребенка (подростка), но и сам процесс их получения.

Проведенные нами исследования в 2022 — 2024 годах показали, что подавляющее большинство следователей с разным опытом работы стремятся избежать вступления в контакт с ребенком (подростком) первыми, полагая, что психолог или педагог-психолог сделает это лучше и эффективнее. В результате первоначальные сведения от несовершеннолетнего получает не следователь, а не уполномоченное на это лицо, не имеющее процессуального права. Таким образом, следователь оказывается в роли адресата вторичных сведений, а психолог — в роли ретранслятора: ребенок что-то рассказал психологу, под его влиянием или самостоятельно, а тот пересказал (ретранслировал) данную информацию следователю. Причем ретранслировал так, как он, психолог

(педагог-психолог), ее понял и воспринял исходя из своих собственных субъективных убеждений и ощущений, в то время как следователь ориентируется на эту информацию как на объективный источник.

Так, 94 % (235 человек) из 250 опрошенных следователей со стажем работы до пяти лет и 58 % (145 человек) — более пяти лет, отвечая на вопрос о функциях психолога, привлекаемого к участию в допросе несовершеннолетнего потерпевшего в соответствии со ст. 191 УПК РФ, утверждали, что именно психолог должен: 1) определить, есть ли у ребенка (подростка) склонность к фантазированию, и, соответственно, дать ответ на вопрос, правду или неправду он говорит¹; 2) сказать, было или нет событие преступления, исходя из знания детской психологии; 3) установить контакт с несовершеннолетним (если ребенок отказывается идти на контакт, ему надо пообщаться с педагогом-психологом); 4) первым пообщаться с несовершеннолетним перед допросом (опросом)² и передать полученную информацию следователю; 5) задавать вопросы несовершеннолетнему в ходе допроса и (или) опроса, поскольку психолог владеет особыми профессиональными методами работы с детьми.

Более того, 23 % опрошенных (58 человек) утверждали, что «психологу при опросе целесообразно задавать все во-

¹Констатация психологом наличия или отсутствия у малолетнего «склонности к фантазированию» не несет значимой смысловой нагрузки для доказательной базы и не имеет ни малейшего отношения к достоверности (правдивости, искренности) показаний.

²В данном случае и далее «опросом» мы условно обозначаем процесс получения сведений от несовершеннолетнего в ходе проверки по заявлению о совершении преступления.

просы несовершеннолетнему», «фактически он может вести допрос малолетнего», «психолог или педагог-психолог знает детскую психологию, поэтому он и должен получить всю информацию от ребенка». Однако, как показывает практика, многие психологи и педагоги-психологи, профессиональная деятельность которых не связана с уголовным процессом, сведения, полученные ими от детей, интерпретируют в двух противоположных вариантах: 1) априори ребенок говорит правду, потому что он — ребенок, 2) ребенок говорит неправду, потому что того, что он рассказывает, быть не может («Как это возможно, чтобы отец насильничал собственную дочь?!» и т. п.).

При этом суждения психологов при ответах на вопросы о достоверности («врет/не врет») показаний несовершеннолетнего и утверждения о наличии или отсутствии самого события преступления («было/не было») есть не что иное, как грубейший выход за пределы их профессиональной компетенции. Более того, в принципе, делать какие-либо однозначные выводы, основываясь лишь на информации, полученной от ребенка (подростка), категорически недопустимо.

Нередки ситуации, когда следственные органы показания малолетних потерпевших не оценивают критически, в то время как дети моделируют ситуацию деликта в соответствии со своим детским восприятием, замещая происшедшее вымышленными образами, «разукрашивая», «расцвечивая» излагаемые ими события. С каждым новым вопросом, при постановке уточняющих вопросов, исходящих от психолога, участвующего в допросе, зачастую и под его влиянием, ребенок может давать все новые и новые сведения, которые следователь ошибочно принимает за результат продуктивных детских воспоминаний, что также категорически неверно.

Весьма распространенной стала вредоносная для следствия «тактика»

психологов, когда наводящая на ответ информация внедряется несовершеннолетнему допрашиваемому (опрашиваемому) с помощью вопросов с альтернативами и недостоверными сведениями, с использованием давления, формирования мнимой доверительности, посредством инструктирования ребенка с побуждением представить себе, что могло случиться, его мотивирования подумать и рассказать, что же могло произойти, опроса в контексте игры, побуждения пофантазировать, через постановку многократно повторяющегося вопроса, манипуляции с анатомическими куклами, когда дети дошкольного возраста могут включать в свои воспоминания полностью вымышленные события, но рассказывать о них как о реальных. В таких случаях происходит умышленное или неумышленное искажение предъявляемой ребенком информации, создание им вымышленных ситуаций, продуцирование «ложных воспоминаний» [1].

Справедливости ради необходимо отметить, что, как в любой сфере профессиональной деятельности, ключевую роль играет так называемый «человеческий фактор». Нередки случаи, когда психологи, прошедшие профессиональную подготовку для участия в следственных действиях с несовершеннолетними (в порядке ст. 191 УПК РФ, ст. 425 УПК РФ) или не имеющие таковой, являясь сотрудниками различных социальных и образовательных учреждений, оказывают неоценимую помощь пострадавшим от насилия детям и способствуют дальнейшему расследованию преступления, оставаясь в пределах своей профессиональной компетенции.

На фоне роста числа преступных посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних растет и количество оговоров, исходящих от несовершеннолетних разных возрастных периодов, в том числе и малолетних детей, указывающих как на знакомых, реально существующих лиц, так и на вы-

мышленных «персонажей». Более того, все чаще встречается оговор группой малолетних детей (малой или средней численности), что существенно осложняет критическое восприятие следователем и иными взрослыми (родителями, психологами, социальным работником) данной информации («Если все дети говорят, значит, было, значит, это правда»).

Научно-практический опыт работы автора с несовершеннолетними потерпевшими от сексуального насилия (более 500 человек) со всей очевидностью продемонстрировал появление новых мотиваций оговора, дополнивших психологическую типологию несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия, внедренную в практику работы правоохранительных органов Российской Федерации в 2011 году. Так, до настоящего времени кластер «мнимые потерпевшие» включал в себя, за редким исключением, девочек старшего пубертатного и младшего юношеского возраста (14–17 лет) с сохранной способностью к оказанию активного сопротивления виновному при понимании внешней и внутренней стороны ситуации, составляющей основу уголовного дела.

Встречались случаи, когда уголовные дела возбуждались, но в ходе предварительного расследования истина по делу была установлена и уголовное преследование в отношении обвиняемых прекращалось за отсутствием в деянии состава преступления в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, ч. 1 п. 2 ст. 27 УПК РФ. В единичных случаях, когда возраст потерпевших переходил границу 16 лет, в соответствии с ч. 1 ст. 20 УК РФ ложь выступала обязательным признаком преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 306 и ч. 2 ст. 307 УК РФ, и действия несовершеннолетних квалифицировались как заведомо ложный донос или заведомо ложные показания, соединенные с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления [2].

В настоящее время возраст «оговаривающих» существенно снизился и в среднем составляет 5–12 лет, в связи с чем существенное значение для распознавания оговора имеет анализ жизненного опыта ребенка, от которого могут зависеть содержание и продуктивность его воображения, но который не всегда находит отражение в уголовном деле. Сейчас дети более информированы в вопросах половых отношений, чем 5–10 лет назад, и их информированность беспрецедентно повышается в связи с феноменом «цифрового детства», доступностью для детей социальных сетей и различных интернет-сервисов, содержащих сексуальный контент [3].

Рамки написания данной статьи ограничивают нас в детальном анализе мотиваций оговора «мнимыми» потерпевшими¹, в связи с чем дадим их краткий обзор.

1. Мотивация удовлетворения материальных потребностей.

Этот тип мотивации поведения «мнимых» потерпевших характерен для двух подтипов несовершеннолетних женского пола младшего юношеского возраста (16–17 лет). К первому относятся несовершеннолетние, выявляющие признаки активно провоцирующего поведения при взаимодействии с сексуальным партнером. После добровольного полового контакта несовершеннолетние требуют компенсации², в случае отказа шантажируя половых партнеров подачей заявления об «изнасиловании несовершеннолетней» в правоохранительные органы. При этом формирование данной мотивации может быть ситуационно обу-

¹ Указанная психологическая типология мотиваций виктимного поведения несовершеннолетних включает «истинных» потерпевших (жертв сексуального насилия) и «мнимых», оговаривающих реальных или вымышленных субъектов.

² В зависимости от личности сексуального партнера несовершеннолетней требуемые «компенсации» могут быть различными (денежная сумма, сотовый телефон, украшения и т. п.).

словленным, связанным с субъективной оценкой несовершеннолетней личности сексуального партнера.

В ходе проведения допросов ведут себя уверенно, эмоционально, легко аффектируются, пытаются доказать совершение изнасилования, а используемая ими ложь носит характер наступательной и спланированной при устойчивой мотивации оговора своих сексуальных партнеров.

Ко второму подтипу относятся несовершеннолетние потерпевшие, которые дают ложные показания под прямым влиянием взрослых, поведение которых детерминировано корыстными мотивами, мотивами мести или самоутверждения. При проведении допросов такие «мнимые» потерпевшие с работниками следственных органов общаются крайне неохотно, на вопросы отвечают односложно, прямо или косвенно апеллируя к законным представителям, которые, проявляя высокую речевую активность, нередко сопряженную с вербальной агрессией, пытаются отвечать на поставленные следствием вопросы за несовершеннолетних, стремясь управлять коммуникативным процессом.

2. Мотивация избежания наказания.

Данный кластер, являясь самым многочисленным в группе «мнимых» потерпевших, включает в себя две подгруппы несовершеннолетних, преимущественно женского пола: предпубертатного/пубертатного (10–12 лет) и раннего юношеского (16–17 лет) возраста. В большинстве своем потерпевшие этой категории — подростки из социально благополучных семей, их родители прилагают все усилия для правильного, в их понимании, воспитания своего ребенка, которое протекает преимущественно по типу авторитарного — доминирующей гиперпротекции.

Девочки старшей возрастной группы, воспитывающиеся в жестких условиях, ограничивающих проявление их свободы и самостоятельности, испытывают

непреодолимое желание «вырваться» из-под контроля родителей, стремятся к автономии и независимости, что под влиянием референтной группы способствует легкому вступлению в добровольные сексуально окрашенные или собственно сексуальные отношения, как правило, с лицами мужского пола незначительно старше себя по возрасту. Разоблачение дочери происходит всегда неожиданно как для подростка, так и для родителей, но разрешается стереотипно: авторитарный прессинг со стороны взрослых — оборонительная спонтанно возникающая ложь детей. Несовершеннолетняя признается родителям в сексуальной связи, объясняя ее принуждением со стороны полового партнера.

Подобная мотивация оговора, несмотря на ситуационную обусловленность формирования, под влиянием внешних (поведение значимых взрослых в неожиданной сложившейся конфликтной ситуации) и внутренних (индивидуальные характеристики подростка) факторов, приобретает устойчивый характер практически мгновенно. Страх наказания со стороны родителей за добровольные сексуальные отношения при осознании его неотвратимости выступает доминантной мотивацией при выборе линии поведения подростка, направленной на избежание негативных последствий конфликта любой ценой, независимо от дальнейшего развития следственной ситуации. Значимые же для подростка взрослые (в подавляющем большинстве случаев — матери) без какого-либо критического осмысления ситуации принимают версию дочери и в дальнейшем занимают активную обвинительную позицию по отношению к «виновному», не приемля никаких объективных доводов со стороны следствия, идущих вразрез с их сформировавшимися установками¹.

¹ Механизмы переноса, проекции и вытеснения, являясь неосознаваемыми, направлены на защиту собственного «Я», личностного репутации матери: «Моя дочь не могла вступить в

С работниками следственных органов несовершеннолетние потерпевшие с рассматриваемой мотивацией поведения общаются неохотно, путаются в показаниях, выявляя признаки личностной зависимости от законных представителей, в том числе обращаясь к ним с просьбой ответить на поставленные вопросы.

Мотивация оговора по типу «избежания наказания» у несовершеннолетних младшей возрастной группы обусловлена аналогичными факторами, за исключением того, что субъект «насилия» является вымышленным («Дядька пристал ко мне около лифта», «Мужчина стоял у детской площадки с расстегнутой ширинкой, я очень испугалась» и т. п.). Данная мотивация оговора часто носит групповой характер, спонтанно возникнув у одного «поштрафившегося перед родителями» подростка, девочки или мальчика (например, за опоздание домой из школы). В кратчайшие сроки происходит сговор с другими детьми и рождается вымышленная история, которая, как правило, охотно, согласованно и без тени смущения транслируется взрослым («Мы шли втроем из школы, у подъезда стоял дядька с расстегнутой ширинкой и на нас смотрел, мы испугались, а он побежал за нами...»).

Аналогичным образом ведут себя «мнимые» потерпевшие данного типа и с сотрудниками следственных органов. При предъявлении же фактов, опровергающих их показания (сведения) (например, записи с видеорекамера наблюдения у подъезда), достаточно легко признаются во лжи, по-разному эмоционально реагируя (одни дают слезливые реакции, другие — реакции смущения).

3. Мотивация реализации отмщения.

Мотивация реализации отмщения встречается у несовершеннолетних женского пола младшего юношеского возраста (16–17 лет) из социально благополучных семей. Они характеризуются

добровольный сексуальный контакт, потому что я ее так не воспитывала» и т. п.

исключительно с положительной стороны. Будучи полностью осведомленными в вопросах сексуальных отношений и паттернах полоролевого поведения, вступают в добровольный сексуальный контакт, выявляя признаки активно провоцирующего поведения на еще начальных этапах взаимодействия с потенциальным сексуальным партнером. Являясь личностями эгоцентричными, стремящимися к сексуальной востребованности и признанию их половым партнером незаурядной личностью, девушки соответствующим образом «рисуют» в своем воображении и предвещающий сексуальный контакт. Не получив желаемого результата от интимной близости, ощущая себя униженной и оскорбленной «особью женского пола», несовершеннолетние разрабатывают план отмщения «обидчику» («Я всегда представляла первый половой акт как в сказке, а ничего этого не было», «Все было мерзко, он меня даже не поцеловал ни разу»).

Таким образом, формирование мотивации оговора у «мнимых» потерпевших с данным типом мотивации происходит на высоте негативных эмоций, вызванных крушением ожиданий, а иногда — при обнаружении последствий половой связи (заражение венерическим заболеванием, наступление беременности). Мотивы, входящие в структуру психологической мотивации предъявления ложных сведений, являются для несовершеннолетних равными по своей значимости: мотивы мести сексуальному партнеру, мотивы самоутверждения и мотивы избежания раскрытия истинной информации значимыми взрослыми о добровольном вступлении подростка в сексуальный контакт. При этом первоначально предъявление ложных сведений значимым взрослым (родителям) происходит в бесконфликтной ситуации, а ложь несовершеннолетних носит ярко выраженный наступательный характер и всегда бывает спланированной.

Потерпевшие данного круга при общении как с работниками предварительного следствия, так и со значимыми для них взрослыми (в первую очередь, родителями), демонстрируют произвольность действий при хорошем самоконтроле поведения. При допросах занимают активную обвинительную позицию, охотно контактируют со следователем, подробно, в деталях, очень эмоционально излагают все нюансы «криминальной» ситуации, легко управляя своим поведением. С присущим им макиавеллизмом несовершеннолетние данного типа используют разнообразные алгоритмы поведения — от демонстрации роли «жертвы злой воли» при наличии слезливых реакций до принятия образа «ожесточенного мстителя» с дисфороподобными проявлениями в ответ на выражение сомнений в правдивости их показаний.

4. Мотивация эротичной самопрезентации.

Кластер включает девочек младшего и среднего пубертатного возраста с формирующимся истероидным компонентом и нарастающим стремлением нравиться лицам противоположного пола, быть замеченной и выделенной ими как эротически притягательный объект. При этом они не живут еще половой жизнью, не имеют сексуальных контактов. Достаточно часто мотивация оговора формируется спонтанно, будучи обусловленной сиюминутной эротичной самопрезентацией, нередко в группе, в том числе где есть мальчики («Вот тот мужик проходил мимо меня и потрогал за грудь», «Отчим все время ко мне пристает взглядом, смотрит так на меня, дотрагивается будто незаметно» и т. д.).

Достаточно часто взрослым «о происшедшем» сообщают младшие члены группы, в которой находится сама «жертва» (например, гуляющие дети находящихся вместе на празднике родителей), посчитав необходимым сообщить

об услышанном родителям или другим взрослым. С работниками следственных органов девочки данного типа общаются крайне неохотно, не хотят отвечать на уточняющие вопросы, путаются при изложении событий, дают противоречивые сведения.

5. Мотивация привлечения внимания («геройская»).

К категории «мнимых» потерпевших, мотивацией поведения которых является привлечение внимания, относятся малолетние дети 6—11 лет, не понимающие внутреннего, глубинного смысла сексуальных отношений и их социального значения. Как правило, о криминальном событии ребенок узнает из уст других детей или взрослых, случайно. Не имея умысла оговорить кого-либо, не осознавая последствий своих действий, ребенок спонтанно предъявляет сведения, имеющие уголовно-релевантное значение, позиционируя себя еще большей жертвой преступления, чем истинная («Я его тоже видела, меня он еще сильнее напугал», «А вот мне он тоже показал...», «Меня он тоже потрогал за попу и даже еще больней» и т. п.).

При опросе «мнимые» потерпевшие данной категории в большинстве своем ведут себя растерянно, путаются при изложении сведений, стараются не отвечать на вопросы, невербально выражая готовность сказать правду. Однако, как показывает практика, психологи, проявляющие сверхактивность в своем стремлении получить от ребенка максимально полные сведения, мотивируют их на дальнейшие ответы. Направляя, закрепляя и «закольцовывая» сведения, предъявляемые ребенком, убеждая его в необходимости «все точно и правильно вспомнить», психологи (педагоги-психологи) предоставляют следователю полученную ими не имеющую под собой реальной основы, искаженную информацию, формируя тем самым искусственные доказательства.

6. Мотивация «влияния взрослых».

Подобная мотивация формируется у несовершеннолетних среднего пубертатного возраста (12–14 лет) под влиянием взрослых, как правило, матери и (или) психолога. Изначально у несовершеннолетнего мотивации предъявления ложных сведений нет, но под мощным прессингом, в большинстве случаев двух взрослых — матери и психолога, ребенок (подросток) начинает моделировать ситуацию, дополняя ее все новыми вымышленными деталями. При этом взрослые, формирующие у несовершеннолетнего данную мотивацию, искренне уверены в правильности своих догадок, будучи погруженными в тематику «педофилов», «сексуального насилия», «сексуального злоупотребления».

Со следователем «мнимые» потерпевшие с данным типом мотивации контактируют охотно, демонстрируя полную зависимость от позиции законного представителя (как правило, матери, реже — отца), который проявляет сверхактивность и напористость в своей обвинительной позиции.

Все явления в мире связаны между собой, развиваются и изменяются через взаимодействие противоположно-

стей, в том числе и преступление как исторически изменчивое социальное и уголовно-правовое негативное явление. Оговор лица в совершении тяжкого преступления — тоже преступное деяние. Как показано выше, мотивация оговора у несовершеннолетнего формируется под влиянием различных факторов: внешних, обусловленных влиянием ближайшего окружения и социума в целом, и внутренних, детерминируемых его личностными особенностями.

В этой связи, во избежание создания искусственных доказательств, наряду с повышением критичности следователя к показаниям (сведениям), исходящим от несовершеннолетнего и иных лиц, привлекаемых к участию в следственных действиях, выявление природы появления первоначальных сведений (что, где, когда, кому, при каких условиях впервые сказал ребенок (подросток), какие обстоятельства этому предшествовали, что было дальше) считаем необходимым и обязательным условием эффективного расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Список источников

1. Особенности расследования преступлений с участием несовершеннолетних: допрос несовершеннолетнего, назначение судебно-психологической экспертизы : практ. пособие / Е. В. Васько, Е. Е. Леоненко, Е. В. Минаева, А. А. Плахина, Т. Н. Секераж. Санкт-Петербург : С.-Петерб. акад. Следственного комитета Российской Федерации, 2023. 132 с.
2. Васько Е. В. Несовершеннолетние жертвы сексуального насилия : учеб. пособие для ВУЗов. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2020. 134 с.
3. Васько Е. В. Психолог в расследовании преступлений: возможности и ограничения, иллюзии и реальность // Коченовские чтения — 2022. Психология и право в современной России : Всерос. конф. по юрид. психологии, Москва, 9–11 ноября 2022 г. : сб. тезисов / Московский гос. психолого-педагог. ун-т. Москва : МГППУ. С. 13–15.

Информация об авторе

Е. В. Васько — профессор кафедры управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор психологических наук, кандидат философских наук, доцент.

Information about the author

E. V. Vaske — Professor at the Department of investigative management (Higher academic courses) of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Science (Psychology), Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.985

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ДОПРОСА. ЧАСТЬ 3. ОЦЕНКА ВАЛИДНОСТИ УТВЕРЖДЕНИЙ

Максим Рудольфович ГЛУШКОВ

*Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, glushkov.mr@skspsba.ru.*

Аннотация. В статье показаны базовые положения метода оценки валидности утверждений (ОВУ), созданного в середине прошлого века в Германии для проверки показаний несовершеннолетних, пострадавших от преступлений против половой неприкосновенности. В основе метода лежит гипотеза психолога Удо Ундойча о том, что правдивый рассказ неизбежно содержит больше подробностей, чем ложный. Метод предполагает проверку показаний на предмет соответствия 19 критериям, также оценивается корректность самой процедуры допроса. Точность метода признается специалистами весьма высокой, и в ряде юрисдикций заключения экспертов, выполняющих ОВУ, допускаются в уголовный процесс в качестве доказательств.

Ключевые слова: достоверность показаний, гипотеза Ундойча, признаки правды, контент-анализ, вербальные признаки правды, 19 критериев оценки, неструктурированное изложение

Для цитирования: Глушков М. Р. Зарубежный опыт применения тактических приемов допроса. Часть 3. Оценка валидности утверждений // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 11 – 18.

Original article

FOREIGN EXPERIENCE IN USING TACTICAL INTERROGATION TECHNIQUES. PART 3. STATEMENT VALIDITY ASSESSMENT

Maxim R. GLUSHKOV

*St. Petersburg Academy of Investigative Committee of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, glushkov.mr@skspsba.ru*

Abstract. The article shows the basic provisions of the method statement validity assessment (SVA), created in the middle of the last century in Germany to verify the testimony of minors who suffered from crimes against sexual integrity. The method is based on the hypothesis of psychologist Udo Undeutsch that a true story inevitably contains more details than a false one. The method involves checking the testimony for compliance with 19 criteria, and the correctness of the interrogation procedure itself is also evaluated. The accuracy of the method is assessed by experts as very high, and in a number of jurisdictions, the conclusions of experts performing the SVA are admitted in criminal proceedings as evidence.

Keywords: reliability of testimony, Undeutsch hypothesis, signs of truth, content analysis, verbal signs of truth, 19 evaluation criteria, unstructured narration

---

© Глушков М. Р., 2024

For citation: Glushkov M. R. Foreign experience in using tactical interrogation techniques. Part 3. Statement validity assessment. *Criminalist*. 2024;3(48):11-18. (In Russ.).

В отличие от большинства методик допроса, методика оценки валидности утверждений (ОВУ) нацелена не столько на получение показаний, сколько на оценку уже имеющихся. Упомянутые в ее названии «утверждения» это и есть показания, а под валидностью в данном случае понимается достоверность.

Методика зародилась в середине 1950-х годов в Федеративной Республике Германии, где суды стали сталкиваться с проблемой дефицита доказательств по уголовным делам о сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних. Не сопровождаемые физическим насилием, эти преступления обычно не оставляют объективных следов, вследствие чего складывается хорошо известная и нашим правоохранителям следственная ситуация «показания (потерпевшего) против показаний (подозреваемого)».

По одному уголовному делу Верховный суд ФРГ пригласил психолога для работы с четырнадцатилетней потерпевшей. При этом судьи были поражены тем, насколько эффективнее оказались его подходы к допросу, нежели юристов — следователей и судей. Поэтому с 1955 года было предписано привлекать специалистов для психологического интервьюирования и оценки достоверности показаний потерпевших по всем уголовным делам упомянутой категории. Постепенно эта практика распространилась за пределы Германии, и к концу 1980-х годов западноевропейскими психологами были проведены десятки тысяч таких интервью [1, с. 143]. Накопленный опыт позволил выработать ряд общепринятых критериев достоверности показаний. Процедуру их применения стали называть оценкой валидности утверждений. Под этим названием ме-

тодика получила дальнейшее развитие и немалый авторитет — вплоть до того, что некоторые суды (в Нидерландах и США) с конца 1990-х годов принимают заключения экспертов, применяющих ОВУ, в качестве доказательств по уголовным делам¹.

Оценка валидности утверждений опирается на гипотезу Ундойча², согласно которой утверждение о реально произошедшем событии будет качественно и содержательно отличаться от показаний о событии вымышленном. Отличаться, прежде всего, наличием деталей — в правдивом повествовании их всегда больше, поскольку реальность неизбежно наполняется массой мелких и, как правило, случайных обстоятельств. В то время как вымысел (рассказ о том, чего не было) чаще типичен и в силу своей абстрактности тяготеет к обобщенной схеме³. Для того чтобы выдумать происшествие в деталях, лжесвидетелю, скорее всего, не хватит воображения, к тому же он не подозревает, что именно они станут предметом внимания следователя. Насыщать ложь подробностями не стремятся вдобавок из боязни запутаться, а также из опасения, что следствие возьмет и проверит показания.

То есть ОВУ нацелена на выявление деталей события как признаков правды, в противоположность большинству ме-

¹ Есть данные о том, что методика получила признание также в уголовном судопроизводстве Швеции, Швейцарии и Германии [2].

² Удо Ундойч это как раз тот психолог, который выступал в Верховном суде ФРГ.

³ Не вполне ясно, почему назвали гипотезой эту, в общем, бесспорную и давно известную истину о том, что правда богаче вымысла («Вы скажете, что это очень странно, Но правда всякой выдумки странней...» — стих 101 песни 14 поэмы Дж. Г. Байрона «Дон Жуан», перевод Т. Гнедич).

тодик допроса, фиксирующих внимание на маркерах лжи.

Структуру ОВУ составляют три этапа: 1) интервью, 2) контент-анализ и 3) оценка контент-анализа.

Каких-то специальных правил проведения допроса (интервью) ОВУ не предполагает. Вместе с тем, учитывая то значение, которое в данной методике придается деталям, надо понимать, что это в любом случае должен быть подробный допрос. На какие обстоятельства требуется обращать особое внимание, будет видно в дальнейшем.

Центральное место методики занимает контент-анализ, состоящий собственно в оценке достоверности показаний. Для большей убедительности его выполняют независимо друг от друга двое экспертов, причем это не те специалисты, которые проводили интервью. В рамках ОВУ исследуются только вербальные признаки, т. е. исключительно содержание показаний, поэтому верификаторы знакомятся с протоколом допроса (стеннограммой интервью). Никакие другие носители информации, например аудиозапись или видеозапись, им не предъявляются, поскольку считается, что запечатленные там невербальные признаки могут дезориентировать эксперта.

Контент-анализ представляет собой проверку показаний на соответствие системе из девятнадцати критериев. Все они приводятся ниже и снабжены кратким пояснением [1]. Каждый критерий – это признак достоверности, чем больше их будет зафиксировано, тем более правдоподобными можно считать показания.

1. Логическая структура. Показания должны быть связными и логичными, различные их сегменты не могут противоречить друг другу.

2. Неструктурированное изложение информации. Под влиянием эмоций допрашиваемый обычно «скачет» по сю-

жету излагаемой им истории, то забегая вперед, то возвращаясь к уже рассказанному¹. По понятным причинам значение этого критерия велико на первом допросе и постепенно сходит на нет при последующих.

3. Количество подробностей.

4. Контекстуальные вставки. Преступление часто вплетается в канву повседневных событий, действий и привычек. Например, преступник быстро скрылся из виду, затерявшись в толпе, которая как раз в это время («час пик») скапливается у метро.

5. Описание взаимодействия. Редкое преступление обходится без воздействия преступника и жертвы друг на друга. Оно может быть каким угодно (вербальная коммуникация, зрительный контакт, движение тела), важно, что это воздействие конкретно и несводимо к обобщениям типа «избил», «изнасиловал», «нахамил», «отобрал» и т. д.

6. Воспроизведение разговоров. Хороший признак достоверных показаний – воспроизведенная допрашиваемым прямая речь участников событий. Здесь важны не содержание беседы («Дальше они говорили о футболе»), а именно цитаты: «Ну, „Факел“, прямо скажем, отскочил сегодня [избежал поражения], отскочил...».

7. Неожиданные затруднения во время происшествия. Например, развязался шнурок у преступника, сумка, отбираемая у жертвы, зацепилась за пуговицу.

8. Необычные подробности. Здесь опять хорошо видна ориентированность ОВУ на детали. Необычны, как правило, особые приметы: преступник, например, картавит, у одного из очевидцев в ухе серьга, у другого татуировка и т. п.

¹ В рамках одного исследования психологи, опираясь только на этот критерий неструктурированного изложения информации, смогли распознать 90 % правдивых утверждений и вычислить 70 % сфабрикованных [1, с. 170].

9. Избыточные подробности. Допрашиваемый может остановиться на обстоятельствах, не имеющих отношения к событию преступления. В первую очередь это касается детей, под которых, напомним, и создавалась в свое время методика ОВУ и которые часто не знают, что относится к преступлению, а что нет. Например, ребенок сообщает на допросе, как преступник, сетуя на аллергию, до начала сексуальных действий выдворил из комнаты кошку.

10. Точно воспроизведенные, но неверно истолкованные подробности. Этот критерий еще более, чем предыдущий, специфичен и ориентирован на детей — именно они в силу возраста подчас не могут верно объяснить происходящее. Например, ребенок, описывая поведение взрослого во время сексуальных действий, объясняет его чиханием или болью, не зная, что такое половое возбуждение или оргазм.

11. Внешние обстоятельства, имеющие отношение к делу. Такими, например, будут отношения насильника с другими женщинами, о которых он по какой-то причине рассказал потерпевшей, а та, в свою очередь, сообщила впоследствии на допросе.

12. Сведения о психическом состоянии допрашиваемого. Маловероятно, чтобы реальный участник происшествия не был вовлечен в него эмоционально. Поэтому добросовестный допрашиваемый может сообщить об испуге, который овладел им во время преступления, облегчении, наступившем после, о возмущении действиями преступника и т. п. Этим же критерием охватываются когнитивные процессы, например мысли потерпевшей о побеге.

13. Объяснение психического состояния нападавшего. Те или иные переживания преступник испытывает в любом случае, и не исключено, что допрашиваемый сможет их заметить: «Он боял-

ся не меньше нашего, у него даже руки тряслись».

14. Внесение коррективов по собственной инициативе. Один из признаков правдивого рассказа о преступлении — сбивчивость (см. критерий № 2), поэтому допрашиваемый, скорее всего, будет время от времени поправлять сам себя: «Это было часа в два... хотя нет, постоит, темнеть же стало потом, то есть попозже все-таки, ближе к четырем».

15. Признание обрывочности собственных воспоминаний. Суждение соответствует этому критерию, если допрашиваемый инициативно (не в ответ на вопрос следователя) признает: «Этого я не могу вспомнить», «Не запомнил», «Вылетело из головы» и т. д.

16. Выражение сомнения в собственных показаниях тоже характерно для добросовестного допрашиваемого, он осторожнее в высказываниях, нежели лжец, отсюда оговорки типа «мне кажется», «на мой взгляд», «я не уверен», «возможно, я ошибаюсь» и т. д.

17. Самоосуждение, как и предшествующие три критерия, говорит о том, что допрашиваемый не претендует на непогрешимость: «Не нужно было соваться в эту историю», «Нечего было снимать столько денег в банкомате» и т. п. Понятно, что не каждый правдивый потерпевший захочет себя критиковать, зато этого точно не сделает лжец. Он как раз жаждет, чтобы в его историю поверили (для этого она и сочинялась), ему и в голову не придет бросать на нее тень — в отличие от говорящего правду, который к своему рассказу относится менее трепетно.

18. Извинение преступника («Его же посадят», «Бедные родители!» и т. п.) соседствует с самоосуждением и тоже не укладывается в схему (см. выше), к которой, скорее всего, прибегнет лгуний, — не для того он оговаривает человека, чтобы тут же смягчать его участь и сеять сомнения.

19. Подробности, характеризующие совершенное преступление. О наличии этого критерия можно говорить в случаях, когда допрашиваемый описывает событие в полном соответствии с тем, как, по имеющимся у полиции данным, было совершено преступление. То есть это проверяемые подробности. Как видим, критерий не характеризует показания сами по себе, а обретает смысл лишь в контексте совершенного преступления. Поэтому некоторые авторы исключают его из перечня критериев контент-анализа (имеющего своим предметом содержание показаний) и рассматривают в рамках следующего этапа.

Оценка контент-анализа проводится с помощью Проверочного листа, включающего одиннадцать пунктов, на соответствие которым (точнее, на несоответствие) проверяется уже не содержание показаний, а сама процедура допроса. Этот этап ОВУ некоторые исследователи не считают обязательным. Упомянутые пункты приводятся ниже, первые три из них касаются личности допрашиваемого.

1. Неадекватность языка и знаний — допрашиваемый выходит за рамки своего возраста, образования и жизненного опыта. Это может свидетельствовать о том, что он подготовился к допросу с помощью третьих лиц.

2. Неадекватность аффекта — ожидается, что жертва будет ярко проявлять свои эмоции (это тоже касается первых допросов и характерно больше для преступлений против личности). Надо отметить, что этот пункт, как и следующий — самые неоднозначные в Проверочном листе и ставятся иногда под сомнение [1, 177–178].

3. Внушаемость, присущая опять-таки в большей степени детям, может быть проверена прямо на допросе. Для этого ставятся наводящие вопросы. Например, следователь намекает, что в комнате находился аквариум (которого на самом

деле не было). Если ребенок поддается на такую провокацию, это может указывать на его повышенную внушаемость. Поскольку прием не способствует установлению доверительных отношений, его можно применять только в конце допроса.

Следующие два пункта касаются стиля и манеры проведения интервью.

4. Убеждающая, наводящая или принуждающая манера задавать вопросы.

5. Несоответствие допроса общим требованиям к его проведению. Например, неразъяснение допрашиваемому его прав или порядка проведения допроса.

Следующие три пункта касаются мотивации допрашиваемого.

6. Ненадежная мотивация — зависит от взаимоотношений участников конфликта. Например, во время бракоразводных процессов стороны нередко стремятся оклеветать друг друга, рассчитывая таким образом выиграть спор о праве на опеку, для чего ребенок подстрекается к лжесвидетельству.

7. Ненадежный контекст первоначального рассказа — предыстория и причины обращения в полицию очень важны.

8. Давление, побуждающее к даче ложных показаний. Этот пункт перекликается с п. 6 и отличается от него тем, что предполагает наличие конкретной информации о подстрекательстве, а не потенциально опасной ситуации (как в случае бракоразводных процессов).

Последние три пункта называют исследовательскими.

9. Несопоставимость с законами природы.

10. Несовместимость с другими показаниями.

11. Несовместимость с другими доказательствами.

Наконец, некоторые психологи считают, что в Проверочный лист должен быть включен критерий № 19 контент-анализа (см. выше), в котором речь

идет о правдоподобных деталях показаний.

Основу ОВУ, напомним, составляет второй этап, на котором проводится контент-анализ. Его эффективность неоднократно замерялась в «полевых условиях», т. е. на основе материалов уголовных дел. Первое и самое известное такое исследование было осуществлено уже в 1988 году, его итоги признаны ошеломляющими, «слишком хорошими, чтобы быть правдой» [1, 164].

Аналізу подвергались утверждения 40 детей, предположительно перенесших сексуальное насилие. Половина из них считались подтвержденными (другими доказательствами), остальные — сомнительными. Контент-анализ утверждений проводил эксперт, незнакомый с этим делением, в его распоряжении находились только стенограммы интервью, которые последовательно проверялись на соответствие каждому из девятнадцати критериев. Несоответствие критерию оценивалось в 0 баллов, соответствие — в 1, высокая степень соответствия — в 2.

Таким образом, суммарный показатель утверждения мог находиться в пределах от 0 до 38. Когда были подведены итоги контент-анализа, оказалось, что правдивые показания набрали в среднем 24,8 балла, а сомнительные — 3,6. Причем оба множества даже не пересеклись — среди правдивых утверждений наихудший показатель составил 16 баллов, в то время как в сомнительной группе максимум достигал только 10.

Справедливости ради нужно отметить, что эти замеры подвергались критике за не вполне корректную процедуру (например, дети, вошедшие в группу подтвержденных случаев, были в среднем на два года старше своих визави), а позднейшие исследования, хотя и подтверждали в целом гипотезу Ундойча, не были столь впечатляющими — заведомо

правдивые утверждения набирали там гораздо меньше баллов¹.

Как видим, достоинствами ОВУ являются логичность и простота. Едва ли кто-то станет оспаривать тот факт, что в правдивых показаниях больше подробностей².

Однако практическое ее применение сопряжено с рядом трудностей. Эта методика хороша для сравнения, когда требуется понять, какое из утверждений более правдиво, а какое — менее (как это делали во время научных исследований). Если же (по реальному уголовному делу) имеется единственное утверждение, то не вполне ясно, какую сумму баллов оно должно набрать, чтобы считаться правдивым. Каких-либо пороговых значений, своего рода «планки», для этой суммы не существует, тем более что все применяемые в ОВУ критерии имеют разные значение и вес.

Еще меньше ясности в вопросе о том, в какой степени будут дискредитированы показания, если процедура допроса получит отрицательную оценку по какому-то из пунктов Проверочного листа.

В отсутствие стандартизации разные авторы предлагают свои подходы. Одни считают, что утверждение можно считать правдивым, если оно удовлетворяет первым пяти критериям из девятнадцати плюс еще любым двум. Другие полагают, что необходимо соответствие первым трем критериям плюс еще четверем из оставшихся. Третьи — что достаточно любых пяти критериев [1, 180].

¹ В некоторых отечественных источниках в подтверждение надежности ОВУ не вполне объективно приводятся только результаты испытаний 1988 года [3, с. 64].

² Один из научных экспериментов, подтверждающих его, проведен психологами Санкт-Петербургского университета в 2014–2015 годах: ими было установлено, что показания лжецов содержат меньше деталей (в соотношении примерно 88/113) и занимают в полтора раза меньше времени (20/29) [4, с. 49, 51].

Далее психологи отмечают выраженный субъективизм методики. У каждого эксперта может оказаться собственное мнение насчет, допустим, необычности некоторых деталей.

Наконец, не исключено, что ложная история может оказаться полна необычных деталей — из-за богатой фантазии лжеца или потому, что он построил вымысел на основе реальных событий (например, передав в точности обстоятельства грабежа и заменив только фигуру преступника).

По этим (и не только) причинам результаты ОВУ не могут претендовать на роль доказательств по уголовному делу. Считается, что эта методика не является судебно-экспертной, разрабатывалась для решения других задач и не позволяет получить достоверные, верифицируемые данные, которые могли бы иметь доказательственное значение [5, с. 95].

Существует и другая точка зрения. В одной из монографий приводятся ни много ни мало фрагменты экспертных заключений, которые, судя (опять-таки) по обилию подробностей, давались по реальным уголовным делам. Одно выполнено по методу контент-анализа и завершается выводом о том, что показания свидетеля «соответствуют критериям психологической достоверности», поскольку отмечено соответствие утверждения четырнадцати критериям из девятнадцати [6, с. 187].

Вторая экспертиза проводилась по методике «Проверочный лист валидности» и содержит тот же вывод: показания соответствуют критериям психологической достоверности [6, с. 197]¹. Сложно

¹ Оба эти фрагмента со ссылкой на первоисточник приводят представители дальневосточной психологической школы [7, с. 25, 28]. В научно-практическом пособии, изданном ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А. И. Бурназяна и Академией СК России, тоже утверждается о практической эффективности ОВУ [3, с. 66]. Тем не менее говорить о том, что она получи-

сказать, откуда авторы взяли эту «методику», поскольку О. Фрай (а именно его работу [1] они показывают как главный источник при написании параграфа про ОВУ) упоминает Проверочный лист только как способ выяснить, насколько корректно проходил допрос.

Еще ряд недостатков подхода, предложенного этими авторами, приводится в совместном Информационном письме РФЦСЭ при Минюсте России и ФМИЦПН имени В. П. Сербского Минздрава России². Сам подход в целом признается эклектичным (пример с Проверочным листом это, казалось бы, подтверждает) и научно необоснованным, поскольку установление достоверности показаний путем проведения судебной экспертизы на научной основе в настоящее время невозможно. К тому же такое установление фактически представляет собой оценку доказательств, на которую эксперт уголовно-процессуальным законом не уполномочен.

Сказанное, однако, не означает несостоятельности ОВУ. Не будучи доказательством, эта оценка тем не менее может сыграть свою роль как ориентирующая информация, значение которой в некоторых следственных ситуациях может быть очень велико.

Следовательно не обязательно применять ОВУ в том виде, в котором она описана выше. Достаточно помнить главную идею методики, которую авторы рассредоточили по девятнадцати позициям, но сути подхода это не изменило.

ла распространение в нашей стране, едва ли возможно, поэтому методика рассматривается именно как зарубежный опыт.

² Информационное письмо : утв. Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, протокол № 6 от 15 июня 2016 г., Ученым советом ФГБУ «ФМИЦПН имени В. П. Сербского» Минздрава России, протокол № 7 от 20 июня 2016 г.) // Центр медицинских экспертиз : сайт. URL: <https://medeksp.ru/informpismo-dostovernost-pokazany/> (дата обращения: 14.03.2024).

Учитывая, что «правда богаче вымысла», следователь должен стремиться к выяснению деталей. Не столь важно, будут это избыточные подробности или необычные, связанные с речью участников происшествия или с их взаимодействием, важно, чтобы они были. Нацеленность на них следователю лучше лишней раз не демонстрировать, поскольку недобросовестный допрашиваемый, уловив ее, может начать придумывать детали. С таким оппонентом правильнее будет ориентироваться скорее на тактику свободного рассказа, нежели на постановку вопросов.

Перечисленные выше критерии контент-анализа и пункты Проверочного листа, в общем, дают представление о том, как должен быть построен допрос, предваряющий оценку валидности.

Признаваемая даже критиками точность ОВУ (согласно упомянутому Информационному письму, надежность дифференциации воспроизведения «пережитых» и «не пережитых» событий составляет от 70 до 90 %) говорит о том, что это весьма эффективное средство верификации показаний.

Список источников

1. Фрай О. Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца, как обмануть детектор лжи. Санкт-Петербург : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 288 с.
2. Холевчук А. Г. Использование новейших методик проверки информации с использованием «мониторинга реальности»: целесообразно ли внедрение в криминалистическую деятельность РФ? // Инновационная наука. 2016. № 1. С. 143 – 148.
3. Методика выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеоматериалам следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий) : науч.-практ. пособие / А. М. Багмет, А. Н. Гусев, В. Ф. Енгальчев [и др.]. Москва : ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А. И. Бурназяна ФМБА России ; Акад. СК России, 2017. 130 с.
4. Протестное поведение молодежи. Причины и профилактика / С. Гуриева, Н. Кропачев, А. Мальцева [и др.] ; отв. ред. А. В. Шаболтас. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. 186 с.
5. Волохова Л. А., Секераж Т. Н. Производство судебных психологических экспертиз видеозаписей оперативный и следственных действий (по материалам обобщения экспертной практики) // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4 (40). С. 88 – 97.
6. Енгальчев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий) : монография. Москва : Юрлитинформ, 2016. 328 с.
7. Кадыров Р. В., Калита В. В. Судебная экспертиза по выявлению психологических признаков достоверности/недостоверности информации по видеозаписям следственных действий : метод. рек. Ульяновск : Зебра, 2017. 74 с.

Информация об авторе

М. Р. Глушков – заведующий лабораторией по исследованию проблем процессуальной деятельности следственных органов Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Information about the author

M. R. Glushkov – Head at the Laboratory for the study of problems in the procedural activities of the investigative bodies of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.135

СПИСОК ЛИЦ, ПОДЛЕЖАЩИХ ВЫЗОВУ В СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СО СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ – «МЕРТВАЯ» НОРМА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Ахтям Ахатович ДАВЛЕТОВ

Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия,
ekb@advokat66.su

Аннотация. Нормы о лицах, подлежащих вызову в судебное заседание со стороны защиты, содержащиеся в ст. 217, 220, 231 УПК РФ, понимаются юристами неоднозначно. Эти положения были введены в УПК РФ с целью реализации принципа состязательности сторон в стадии предварительного расследования, но в их практическом воплощении оказались бесполезными, так как не согласуются с действующими правовыми механизмами уголовно-процессуальной деятельности. Стороне защиты следует не ориентироваться на указанные нормы, а решать вопросы о допросе лиц в судебном заседании путем непосредственного обращения к суду.

Ключевые слова: окончание предварительного расследования, сторона защиты, обвинительное заключение, лица, подлежащие вызову в судебное заседание

Для цитирования: Давлетов А. А. Список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание со стороны защиты – «мертвая» норма в уголовном процессе // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 19–24.

Original article

THE LIST OF PERSONS TO BE SUMMONED TO COURT FOR THE DEFENCE IS A «DEAD» NORM IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Akhtyam A. DAVLETOV

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia, ekb@advokat66.su

Abstract. The rules on the list of persons to be summoned to court trial by the defense, that are found in Articles 217, 220, 231 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, are understood ambiguously by lawyers. These provisions were introduced into the CCP of the Russian Federation in order to implement the principle of adversarial nature of the parties at the stage of preliminary investigation, but in their practical realization turned out to be useless, since they do not comply with the current legal mechanisms of criminal procedural activity. The party for the defense should not rely on these norms, but rather decide on the interrogation of persons at a court hearing by directly addressing the court.

Keywords: the end of the preliminary investigation, the party for the defense, the indictment, the persons to be summoned to the court session

For citation: Davletov A. A. The list of persons to be summoned to court for the defense is a «dead» norm in criminal proceedings. Criminalist. 2024;3(48):19-24. (In Russ.).

© Давлетов А. А., 2024

Стремление авторов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) реализовать принцип состязательности в досудебном производстве путем расширения возможностей стороны защиты выразилось, в частности, в появлении нормы, ранее неизвестной уголовно-процессуальному законодательству. Согласно ч. 4 ст. 217 УПК РФ «по окончании ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела следователь выясняет... какие свидетели, эксперты, специалисты подлежат вызову в судебное заседание для допроса и подтверждения позиции стороны защиты». Далее, в ст. 220 УПК РФ, посвященной обвинительному заключению, определено, что в нем должен быть указан «перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткое изложение их содержания» (п. 6 ч. 1), а также приложен список «подлежащих вызову в судебное заседание лиц со стороны обвинения и защиты с указанием их места жительства и (или) места нахождения» (ч. 4). И наконец, в п. 4 ч. 2 ст. 231 УПК РФ закреплено, что судья при назначении судебного разбирательства должен решить вопрос «о вызове в судебное заседание лиц по спискам, предложенным сторонами».

Исходя из прямого толкования этих положений, некоторые авторы считают, что норма ч. 4 ст. 217 УПК РФ носит императивный характер, поэтому следователь обязан указать в обвинительном заключении любых лиц, которые, по мнению защиты, подлежат вызову в судебное заседание, независимо от того, допрашивались они в ходе предварительного расследования или не допрашивались, а суд, в свою очередь, обязан допросить их в судебном следствии [1; 2; 3]. При этом исследователи не аргументируют свою позицию, в частности не проводят системного анализа этих норм в их практической реализации,

видимо, полагая, что одного закрепления правила в законе достаточно для его воплощения в жизнь.

Между тем даже при поверхностном взгляде на формулировку ст. 217 УПК РФ она вызывает недоумение. Как показывает практика, на вопрос следователя, какие свидетели, эксперты, специалисты подлежат вызову в судебное заседание для допроса, защитники отвечают: «Таких лиц нет», поскольку для разумного адвоката этот вопрос касается тех свидетелей, экспертов и специалистов, которые фигурируют в уголовном деле. Значит, все они выступают источниками доказательств стороны обвинения и, вероятно, будут внесены следователем при составлении обвинительного заключения в список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание. Кроме того, эксперты и специалисты, участвовавшие в предварительном расследовании, как правило, в судебное заседание для допроса не вызываются. Но если такая необходимость возникает, то любая сторона заявляет соответствующее ходатайство и явившееся в судебное заседание лицо допрашивается.

Отсюда можно полагать, что норма ст. 217 УПК РФ не касается тех свидетелей, экспертов, специалистов, которые стали участниками уголовного дела в ходе предварительного расследования. Тогда остается второй вариант — в указанных положениях речь идет о тех свидетелях, экспертах, специалистах, сведений о которых в деле нет, но они известны защите как носители ценной доказательственной информации, поэтому их следует вызвать в судебное заседание. Именно так считает Е. А. Рубинштейн: «...на этапе ознакомления с материалами уголовного дела защитник имеет безусловное право на включение в список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание для допроса, свидетелей стороны защиты... Закон не обязывает сторону защиты при формировании

списка свидетелей защиты, приложенного к обвинительному заключению, указывать на обстоятельства, которые свидетели защиты могут представить или опровергнуть в судебном заседании» [4].

Однако такая ситуация выглядит еще более нелепой, чем первая. По этому поводу Р. П. Чернов пишет: «Представим себе ситуацию, что защитник при выполнении ч. 4 ст. 217 УПК РФ указывает в качестве свидетеля защиты, скажем, Папу римского, вписывая анкетные данные последнего в протокол ознакомления с материалами дела... Следователь обязан в соответствии с ч. 4 ст. 220 УПК РФ включить Папу в свидетели защиты, суд, руководствуясь п. 4 ч. 2 ст. 231 УПК РФ, обязан вызвать Папу любым удобным для него способом... Абсурд? Нет, строгое следование букве закона» [5].

Действительно, рассматриваемые положения УПК РФ изложены так, что их можно истолковать настолько вольно. Но тут возникает множество вопросов: почему известные адвокату свидетели остались неизвестными органам предварительного расследования; почему защитник не заявил ходатайство о допросе такого нового свидетеля, а главное, действительно ли эти лица могут выступать свидетелями или специалистами, т. е. располагают ли они сведениями, имеющими значение для данного уголовного дела?

Необходимо также иметь в виду, что квалифицированные следователи требуют от адвоката изложить свое обращение со списком лиц в форме мотивированного ходатайства с указанием тех обстоятельств уголовного дела, которые могут подтвердить новые свидетели, эксперты, специалисты, а также адресов их проживания или места нахождения. Такое требование основано на положениях ч. 4 ст. 217 УПК РФ, где обращение защитника о лицах, подлежащих вызову в судебное заседание, связано с ходатай-

ствами и заявлениями по окончании ознакомления с материалами уголовного дела.

После получения такого ходатайства (если, конечно, адвокату удалось его вразумительно изложить) следователю не составляет труда отказать в удовлетворении прошения защитника, так как аргументов для этого вполне достаточно. В первую очередь следователь указывает на отсутствие обстоятельств, имеющих значение для дела, которые могут подтвердить названные защитником лица. Кроме того, следователь отмечает, что адвокат-защитник вправе самостоятельно опрашивать лицо с его согласия и привлекать специалиста (п. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ), а также согласно ч. 4 ст. 271 УПК РФ может допросить в судебном заседании лицо в качестве свидетеля и специалиста, явившееся в суд по инициативе стороны защиты.

Таким образом, и первый и второй вариант представления защитой списка лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, практически нереализуемы. Учитывая такую перспективу и используя свои полномочия, адвокат-защитник действует следующим образом.

Обнаружив лицо, располагающее сведениями в пользу защиты (а это имеет место чаще всего уже при окончании предварительного расследования, на этапе ознакомления с материалами дела в порядке ст. 217 УПК РФ), адвокат опрашивает лицо с его согласия в соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ, затем заявляет ходатайство следователю о допросе данного лица в качестве свидетеля, приложив к ходатайству текст опроса лица. Точно так же поступает адвокат в случае привлечения специалиста, предоставив следователю его заключение.

Тем самым защитник, во-первых, действует в рамках своих полномочий; во-вторых, передает следователю информацию, относящуюся к расследуемому уголовному делу, т. е. имеющую по нему доказательственное значение; в-третьих, делает это посредством ходатайства, что позволяет следователю разрешить обращение защитника по своему усмотрению, руководствуясь положениями ст. 38 и 159 УПК РФ.

Однако все эти действия защиты на завершающем этапе предварительного расследования, как правило, влекут отказ следователя удовлетворить ходатайство, поскольку расследование считается оконченным, а сведения, полученные при опросе лица или содержащиеся в заключении специалиста, несущественными, т. е. не имеющими значения для дела.

Получив такой отказ, защитник обращается с тем же ходатайством к суду, который уже обязан допросить нового свидетеля или специалиста, явившегося в судебное заседание по инициативе стороны защиты, согласно ч. 4 ст. 271 УПК РФ.

Проведенный нами опрос адвокатов, следователей, прокуроров и судей показал, что норма о списке свидетелей со стороны защиты практически не работает. Редкие попытки защитников прибегнуть к этому полномочию пресекаются следователем или судом. Но если следователь не отказал в удовлетворении ходатайства о внесении в обвинительное заключение «виртуальных свидетелей» и указал их в списке лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, то для него могут возникнуть последствия, подобные тем, которые имели место в следующей ситуации.

Таганский районный суд г. Москвы возвратил уголовное дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ на том основании, что органом предварительного следствия были нарушены требования

п. 6 ч. 1 ст. 220 УПК РФ, в соответствии с которыми в обвинительном заключении приводится перечень доказательств, на которые ссылается защита. Апелляционный суд оставил решение без изменения. Московский городской суд, рассматривавший уголовное дело в кассационном порядке, также признал решение суда первой инстанции законным и указал: «По данному уголовному делу при ознакомлении с его материалами стороной защиты было заявлено ходатайство о допросе в качестве свидетелей защиты П. Ю., П. Т., Ф. Н. и Ц. С., при этом следователь, удовлетворив данное ходатайство, включил данных лиц в список лиц, подлежащих вызову в суд в качестве свидетелей стороны защиты, указав о них в обвинительном заключении. Указанные свидетели не допрашивались в ходе предварительного расследования, соответственно, их анкетные данные, как и содержание их показаний, в обвинительном заключении не приведены. При изложенных обстоятельствах суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о том, что уголовное дело подлежит возвращению прокурору в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ, для устранения препятствий его рассмотрения судом в связи с допущенными нарушениями закона, а именно права обвиняемого на защиту от предъявленного обвинения, при этом указанные недостатки создают предпосылки для возникновения догадок и предположений относительно значимых по делу обстоятельств, подлежащих установлению органом предварительного следствия»¹.

Представляется, что суды, разрешившие данную ситуацию, неверно истолковали положения УПК РФ, касающиеся списка свидетелей со стороны защиты. В результате, во-первых, на орган предварительного следствия суд возложил

¹ Постановление Московского городского суда от 27 мая 2019 г. № 4у-1943/2019. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

обязанность производить процессуальные действия в интересах противоположной стороны, что никак не согласуется с принципом состязательности и равноправия сторон; во-вторых, суд сам мог разрешить вопрос о допросе лиц, подлежащих вызову в судебное заседание; в-третьих, отсутствие показаний тех лиц, которые не были допрошены следователем, но должны быть, по мнению защитника, допрошены, свидетельствует о неполноте предварительного расследования, но не о нарушении права на защиту, как посчитал суд, возвративший уголовное дело прокурору.

Данная проблема, к сожалению, не стала предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. Лишь в одном определении Конституционный Суд Российской Федерации затронул ее, но развернутого решения не дал.

Заявитель, кстати, бывший следователь, утверждал, что положения ч. 4 ст. 217 УПК РФ и ч. 4 ст. 220 УПК РФ «не обязывают следователя включать свидетелей, на вызове которых настаивает обвиняемый и его защитник, в список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание». Конституционный Суд Российской Федерации ограничился констатацией того, что указанные нормы УПК РФ содержат законные требования, и далее отметил: «Каких-либо положений, допускающих освобождение следователя от выполнения этих обязанностей, указанные нормы уголовно-процессуального закона не содержат, а значит, не могут расцениваться как нарушающие права заявителя»¹.

Итак, при системном анализе норм УПК РФ обнаруживается полная бес-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Токманцева Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 октября 2009 г. № 1258-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

полезность так называемого «списка свидетелей со стороны защиты». Такого списка у защитника быть не может, поскольку он не имеет права проводить «параллельное адвокатское расследование», создавая реальную конкуренцию доказательствам, собранным органом предварительного расследования [6]. Опрос лица и привлечение специалиста, т. е. те возможности, которыми в настоящее время обладает адвокат, не только не порождают полноценных доказательств (показаний, заключения эксперта), но и не влекут появления по делу свидетелей или специалистов. И доказательства, и соответствующие процессуальные статусы лиц — источников сведений оформляются в своей юридической сущности исключительно органами уголовного производства.

Оценивая ситуацию в целом, необходимо отметить, что она явилась результатом искусственного внедрения авторами — разработчиками УПК РФ элементов состязательности в предварительное расследование, где нет равноправных сторон обвинения и защиты, а следователь является полновластным «хозяином» дела. Кроме того, адвокат-защитник ошибочно представлен в этих положениях УПК РФ как субъект самостоятельного собирания доказательств, а значит, располагающий своим списком свидетелей, специалистов, экспертов.

В реально действующих механизмах уголовно-процессуальной деятельности адвокату-защитнику на этапе окончания предварительного расследования не следует ориентироваться на указанные нормы УПК РФ, а надлежит, во-первых, максимально использовать свои правомочия по заявлению ходатайств и жалоб, во-вторых, все вопросы, возникающие в связи с вызовом в судебное заседание свидетелей, специалистов и экспертов, решать не со следователем, а с судом.

Список источников

1. Машовец А. О. Проблема обеспечения фактического равенства сторон на стадии судебного следствия в уголовном процессе // Российский судья. 2017. № 11. С. 33–36.
2. Рагулин А. В. Право адвоката-защитника на ознакомление с материалами уголовного дела после завершения предварительного расследования: проблемные вопросы регламентации и практической реализации // Адвокат. 2012. № 4. С. 16–25.
3. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. Москва : Проспект, 2011. 464 с.
4. Рубинштейн Е. А. Включение в список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, свидетелей стороны защиты как способ представления защитником показаний свидетелей в суде первой инстанции // Адвокатская практика. 2015. № 1. С. 22–29.
5. Чернов Р. П. Свидетельские показания как источник доказательств // Адвокат. 2005. № 5. С. 95–100.
6. Давлетов А. А. Адвокатское расследование: миф или реальность? // Российская юстиция. 2017. № 6. С. 41–43.

Информация об авторе

А. А. Давлетов – профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. A. Davletov – Professor at the Department of judicial activity and criminal procedure of the Ural State Law University, Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Денис Евгеньевич ДРОЗДОВ

*Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, Россия,
хааб@mail.ru*

Аннотация. Латентная преступность на современном этапе развития общественных отношений приобретает новые качественные и количественные характеристики, некоторые из них обусловлены появлением технологий, позволяющих совершать преступления удаленным способом, с использованием сети «Интернет». Условия, влияющие на латентность преступлений, распределены на три основных группы. К первой отнесены характеризующие лицо, совершившее преступление, ко второй — относящиеся к жертве преступления или общественным отношениям, на которые направлено преступное посягательство, к третьей — характеризующие особенности совершенного преступления.

На основе фактических данных, полученных эмпирическим путем в рамках социологического исследования, проанализированы сведения о состоянии латентности. Обобщенные результаты анкетирования позволили подтвердить высокий уровень латентности некоторых видов неоконченных преступлений, в том числе связанных с осознанием жертвой противоправного характера совершенных действий. Оценено влияние родственных и иных связей между жертвой и лицом, совершившим преступление, на латентность бытовой преступности.

Ключевые слова: преступность, латентность, форма вины, неоконченное преступление, жертва преступления, правоохранительный орган, резонанс

Для цитирования: Дроздов Д. Е. Особенности современной латентной преступности // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 25–30.

Original article

FEATURES OF MODERN LATENT CRIME

Denis E. DROZDOV

Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia, хааб@mail.ru

Abstract. Latent crime at the present stage of the development of public relations is acquiring new qualitative and quantitative characteristics, some of which are due to the emergence of technologies that allow crimes to be committed remotely using the Internet. The conditions bearing on the latency of crimes are divided into three main groups. The first category includes data characterizing the person who committed the crime. The second is referred to the victim of the crime or the social relations that are the target of the criminal encroachment. The third one includes information characterizing the features of the crime committed.

Based on the empirical evidence obtained in the framework of a sociological research, information about the state of latency was obtained and analyzed. The generalized results of the survey allowed us to confirm the high level of latency of some types of inchoate crimes, including those

---

© Дроздов Д. Е., 2024

related to the victim's awareness of the illegal nature of the actions committed. The influence of family and other ties between the victim and the person who committed the crime on the latency of domestic crime is estimated.

Keywords: crime, latency, form of guilt, inchoate crime, victim of a crime, law enforcement agency, resonance

For citation: Drozdov D. E. Features of modern latent crime. *Criminalist*. 2024;3(48):25-30. (In Russ.).

В основе существования и трансформации преступной деятельности, с момента ее появления, лежит условие скрытности факта совершения преступления или личности лица, его совершившего, либо создания обстоятельств, затрудняющих привлечение виновного к установленной ответственности. Скрытность либо ее разновидность в виде инсценировки преступного деяния под иное подразумевает отсутствие очевидцев и свидетелей его совершения, явных следов, нежелание или невозможность обращения потерпевшего за защитой своих законных прав, не в полной мере отвечающая требованиям законодательства деятельность правоохранительных органов, к компетенции которых относится формирование и ведение уголовной статистики, и др.

Не все, однако подавляющее большинство преступлений совершаются в условиях скрытности. Исключениями являются те, где лицо, их совершившее, действует, к примеру, из кровной мести, чтобы подтвердить ее осуществление определенной социальной группе, или совершенные в интересах преступной группы, для устрашения населения и воздействия на принятие решения органами государственной власти в случае осуществления террористического акта. Разновидность очевидных (демонстративных) преступлений существенна, однако их можно признать единичными. В свою очередь, это не исключает, что лицо совершившее такое преступление, не предпринимает меры к сокрытию следов его совершения, созданию условий, исключających

установление его личности или привлечение к ответственности. К числу демонстративно-протестных преступлений, а соответственно, обладающих низкой латентностью, относятся преступления, предусмотренные ст. 205.2, 212, 212.1, 213, 214, 236 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), и др. [1, с. 389]. В этом случае акценты правоприменительной деятельности смещаются с выявления этих преступлений на документирование преступной деятельности и доказывание вины лиц, их совершивших.

Наказание как определенная законодателем мера ответственности за совершенное деяние, выражающаяся в ограничении или лишении прав, возложении дополнительных (неблагоприятных) обязанностей, на всех этапах исторического развития побуждало преступников скрывать свою деятельность. Можно утверждать о существовании трех форм преступности. Во-первых, деяния, когда лица, их совершившие, установлены (раскрытая преступность). Во-вторых, деяния, когда лица, их совершившие, не установлены (нераскрытая преступность). В-третьих, деяния, скрытые от учета (латентная преступность), которые также являются нераскрытыми. Массив раскрытых преступлений отражает эффективность деятельности правоохранительных органов, используется для трансформации уголовной политики, проведения научных исследований. Нераскрытая преступность в большей мере интересна криминалистам для разработки оптимальной методики расследования отдельных видов преступлений. Латент-

ная преступность интересует криминологов, начиная с познания ее причин и заканчивая обоснованием мер по ее сокращению.

Осознавая преступность социальным негативным явлением, сопровождающим любое общество, следует признать и ее отдельные свойства, в том числе латентность. В связи с чем обоснованным является определение латентной преступности как неотъемлемой части реальной преступности, которая характеризуется массовостью, исторической изменчивостью и др. [2, с. 7]. Традиционно латентную преступность разделяют на искусственную и естественную. Искусственная обусловлена различными недостатками в деятельности правоохранительных органов, связанными с регистрацией, учетом и разрешением заявлений и сообщений граждан. Естественная латентность имеет место в случае, когда пострадавшие от преступлений в правоохранительные органы с заявлениями и сообщениями не обращались [3, с. 10–11]. Проблема противодействия искусственной латентности располагается в сфере управленческой деятельности правоохранительных органов. Естественная латентность обширна и вытекает из комплекса условий, находящихся в прямой зависимости от категории и вида совершенного преступления. Низкий уровень латентности (как искусственной, так и естественной) проявляется в преступлениях, относящихся к категории тяжких и особо тяжких, что связано с характером причиненного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, способом совершения преступления, наступившим общественным резонансом и т. д. Современные исследователи относят к таким преступлениям акты терроризма, изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг [4, с. 124], причинение тяжкого вреда здоровью, разбойные нападения [5, с. 75–76].

В. В. Лунеев обосновал прямую зависимость между увеличением категории преступления и снижением коэффициента его латентности [6, с. 384].

Влияние оказывает и вид совершенного преступления, в связи с чем С. М. Иншаков обоснованно выделил группы особо высоколатентных, высоколатентных, среднелатентных и низколатентных преступлений, определив конкретные виды, относящиеся к каждой группе [7, с. 5–10]. Классификация опосредованно подтверждает комплекс условий, влияющих на латентность. Э. Г. Юзиханова к числу причин, влияющих на латентность, относит деятельность лиц, совершивших преступление, позицию потерпевших, не сообщающих о совершенных преступлениях, иных лиц, ставших свидетелями или очевидцами, а также деятельность правоохранительных органов [8, с. 251–257].

Специфика латентности как объективной действительности обуславливает выделение трех блоков, включающих в себя:

- лицо, совершившее преступление;
- лицо или общественные отношения, которым в результате совершения преступления причинен вред;
- особенности совершенного общественно опасного деяния как акта поведения.

Данные элементы по отдельности или в совокупности, дополняя друг друга, в разной мере оказывают влияние на латентность, усиливая ее или ослабляя.

Для лица, совершившего преступление, важно, как оно воспринимало деяние. Осознавало ли его как преступное либо ошибочно заблуждалось относительно правомерности или противоправности своих действий или бездействия. В одном случае деяние не является преступным. В другом налицо преступление, и если в ходе его совершения вред причинен только охраняемым общественным отношениям, выявить его правоохранительным органам маловероятно. Особую

актуальность осознание преступного поведения приобретает при совершении деяния с неосторожной формой вины в виде небрежности, когда лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий, однако должно было и могло их предвидеть, проявив внимательность и предусмотрительность. По актуальным статистическим данным, за последние 10 лет показатели неосторожной преступности возросли с 5 до 12 %, в структуре преобладают деяния, в результате совершения которых наступают наиболее тяжкие последствия. Исследованиями подтверждается высокий уровень их латентности, сохраняющийся на уровне 20 %, что совершенно верно обосновывается случайностью обнаружения последствий, описанных в диспозиции статьи особенной части УК РФ [9, с. 336, 341]. Следовательно, форма вины оказывает воздействие на латентность преступлений. Латентность неосторожных преступлений выше, чем умышленных. Активные действия по сокрытию преступления, придание мнимой правомерности, инсценировка дополняют форму вины как причинный комплекс, влияющий на уровень латентности.

К числу характеристик лица, пострадавшего от преступления, кроме осознания преступности совершенного деяния, относится желание привлечь виновного к ответственности, например исходя из субъективной оценки причиненного вреда с позиции значительности или малозначительности, родственных или дружеских отношений с преступником, уверенности в неэффективности деятельности правоохранительных органов, желания сокрытия фактов уголовного, аморального или иного своего поведения. Если потерпевший в силу разных причин не осознал противоправность поведения преступника, причинившего ему вред или создавшего угрозу его причинения, вероятность выявления деяния становится незначительной и сводится к случайности. И в

случае отсутствия потерпевшего, его смерти, нахождения в бессознательном состоянии латентность преступлений возрастает.

К особенностям совершенного деяния относятся факторы, которые вызвали общественный резонанс, когда следы преступления сохранились на различных материальных носителях, имеются свидетели и очевидцы совершенного преступления, причиненный вред является значительным, освещение деяния в СМИ.

В целях определения влияния на латентность неоконченного преступления, восприятия преступного поведения потерпевшим, отсутствия непосредственного взаимодействия между преступником и жертвой в апреле 2023 года проведено анкетирование 918 совершеннолетних жителей Калужской области, из которых 434 (47 %) — мужчины и 484 (53 %) — женщины. Перед респондентами ставились вопросы, ограниченные временными рамками года, предшествующего исследованию.

Свидетелями преступления или потерпевшими в течение года стали 246 (26,8 %) лиц, из которых 134 (54 %) — мужчины и 112 (46 %) — женщины.

Насильственные преступления совершены в отношении 38 лиц, из них 22 (58 %) — мужчины и 16 (42 %) — женщины. Корыстные преступления совершены в отношении 80 лиц, из которых 29 (48 %) — мужчины и 51 (50 %) — женщины. Количество корыстных преступлений превышает количество насильственных почти в два раза. В том числе с использованием сети «Интернет» — 69, из которых 30 (43 %) совершены в отношении мужчин и 39 (57 %) — в отношении женщин. Последние являются традиционно наиболее виктимной группой.

В полицию с заявлением обратилось 85 лиц (9 % от общего числа опрошенных и 35 % от общего количества потерпевших и свидетелей). В иные правоохрани-

нительные органы обратилось 14 (6 %). На вопрос, если случайно станут свидетелем преступления, сообщат ли о нем в правоохранительные органы, 727 (79 %) человек ответили утвердительно, из которых 331 (46 %) – мужчины и 396 (54 %) – женщины. Из них 182 (25 %) пострадали от преступлений в текущем году.

Установленная активная позиция предполагаемых свидетелей, в сопоставлении с данными о фактическом обращении опрошенных в правоохранительные органы, свидетельствует о том, что почти 2/3 принявших участие в социологическом исследовании граждан не обращались в правоохранительные органы в связи с совершенными преступлениями. Полученный вывод согласуется с ранее проведенными исследованиями латентной преступности в Московской области, где в ходе изучения материалов 178 уголовных дел было установлено, что 239 граждан в правоохранительные органы не обращались по различным причинам, основной из которых являлась отрицательная оценка возможности установления виновных лиц [3, с. 15]. Таким образом, одной из характеристик современной латентной преступности остается сохранившаяся тенденция низкой активности граждан по обращению в правоохранительные органы.

По результатам исследования, 509 человек (55 % от общего числа опрошенных) на вопрос, пресекали ли они попытки мошеннических действий в сети «Интернет» в отношении себя, ответили утвердительно, из них 237 (47 %) – мужчины и 272 (53 %) – женщины. Следовательно, определенная существенная часть населения не осознает как преступление мошеннические действия, если они были пресечены потерпевшим на стадии покушения, а лицо, его совершившее, не завладело имуществом. Согласно официальным статистическим

данным МВД России, в 2023 году органами внутренних дел выявлено только 6,1 %, или 110, 67 тыс., преступлений на стадии приготовления и покушения¹.

Кроме того, 154 лица (16,7 % от общего числа опрошенных) пресекали иные попытки противоправного поведения в отношении себя и только 61 (40 %) воспринимал себя потерпевшим или свидетелем. В полицию и иные правоохранительные органы за защитой своих прав обратилось 27 (18 %) респондентов из числа лиц, которые пресекали противоправную деятельность.

Вместе с тем 44 (5 %) гражданам поступали предложения об участии в незаконном обороте наркотиков, 11 (25 %) из которых обратились в полицию или иные правоохранительные органы.

Отдельным блоком социологического исследования являлись вопросы влияния связей преступника и жертвы на самостоятельную защиту прав. Только 263 (28,6 %) респондента обратятся с заявлениями в полицию, если преступление небольшой тяжести в отношении его совершит родственник или иное близкое лицо. Это подтверждает высокий уровень латентности преступлений, совершенных в семейно-бытовой сфере.

Таким образом, эмпирическими данными подтверждается, что существенно увеличивается латентность в случаях:

неоконченной преступной деятельности, при отсутствии причиненного ущерба, поскольку она не воспринимается жертвой в качестве таковой;

наличия родственных и иных связей между жертвой и преступником.

Складывающиеся общественные отношения влияют на современную преступность. Процессы, происходящие в обществе, определяют ее качественные и

¹ Статистические сведения о состоянии преступности в 2023 году // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 07.03.2024).

количественные характеристики. Являясь негативным социальным явлением, которое порицается законопослушной частью общества, преступность приобретает свойство латентности. Причинный комплекс, влияющий на уровень латентности, определяется не только видом и способом совершенного преступления, но и широким перечнем условий, которые можно представить в виде блоков: лицо совершившее преступление; лицо или общественные отношения, которым в результате преступления причинен вред; особенности совершенного общественно опасного деяния как акта поведения. Каждый из блоков состоит из совокупности взаимосвязанных и зачастую взаимообусловлен-

ных признаков. Существенное влияние на латентность отдельных видов преступлений оказывают осознание противоправности поведения жертвой, ее связь с лицом, совершившим преступление.

Полученные в рамках исследования данные не только дополняют существующую криминологическую характеристику латентной преступности, но и выступают предпосылками для совершенствования деятельности по предупреждению, выявлению и пресечению отдельных видов преступлений, а также подтверждают значимость системной и плановой работы по повышению доверия населения к правоохранительным органам.

Список источников

1. Ильин И. С. Теоретические основы криминологического анализа и предупреждения демонстративно-протестной преступности : специальность 00.00.00 «Другие специальности» : дис. ... д-ра юрид. наук / Ильин Илья Сергеевич. Санкт-Петербург, 2023. 489 с.
2. Кривенцов П. А. Латентная преступность в России: криминологическое исследование : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Кривенцов Павел Алексеевич. Москва, 2015. 26 с.
3. Торопин Ю. В. Латентная преступность и использование ее показателей в деятельности органов внутренних дел (по материалам Центрального федерального округа) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Торопин Юрий Викторович. Москва, 2013. 32 с.
4. Иншаков С. М. Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 1 (16). С. 107 – 130.
5. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология. Общая часть : учебник. Томск : ДиВо, 2007. 238 с.
6. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии. Учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть. Москва : Юрайт, 2011. 1002, [1] с.
7. Иншаков С. М. Исследование криминальной латентности и парадоксы социального отрицания преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2008. № 4. С. 5 – 10.
8. Юзиханова Э. Г. Латентная преступность: возможность измерения // Наука и современность. 2011. № 9-2. С. 251 – 257.
9. Криминология. Общая и Особенная части : учебник / В. Б. Клишков, А. Ю. Сагайдак, Я. Л. Алиев [и др.] ; под общ. ред. Н. А. Корсиковой, В. В. Пасынкова. Санкт-Петербург : С.-Петербург. ун-т МВД России, 2022. 380 с.

Информация об авторе

Д. Е. Дроздов – доцент кафедры юриспруденции Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, кандидат юридических наук.

Information about the author

D. E. Drozdov – Associate Professor at the Department of jurisprudence of the Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.971

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ЭГОИСТИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИЕЙ

Владимир Олегович КАРПОВ

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, vlaka92@mail.ru*

Аннотация. В статье автором осуществляется криминологический анализ насильственных преступлений с эгоистической мотивацией. Автор приводит определение, основные характеристики эгоистического насилия, обосновывает важность изучения такого феномена в отечественной криминологии. В статье указывается, что эгоистическая мотивация у преступника формируется не только из-за социальных деструктивных факторов, но и биологических. Автор вырабатывает основные направления предупреждения эгоистической преступности для работы с ними субъектами профилактики.

Ключевые слова: эгоистическая мотивация, серийные преступления, особая жестокость, психологические деструктивные особенности, насильственные преступления

Для цитирования: Карпов В. О. Криминологическая характеристика насильственных преступлений с эгоистической мотивацией // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 31 – 38.

Original article

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF VIOLENT CRIMES WITH SELFISH MOTIVATION

Vladimir O. Karpov

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, vlaka92@mail.ru

Annotation. In the article, the author carries out a criminological analysis of violent crimes with selfish motivation. The author provides a definition, the main characteristics of selfish violence, and substantiates the importance of studying such a phenomenon in domestic criminology. The article indicates that the egoistic motivation of a criminal is formed not only due to social destructive factors, but also biological ones. The author develops the main directions for preventing selfish crime for the subjects of prevention to work with them.

Keywords: egoistic motivation, serial crimes, special cruelty, psychological destructive characteristics, violent crimes

For citation: Karpov V. O. Criminological characteristics of violent crimes with selfish motivation. Criminalist. 2024;3(48):31-38. (In Russ.).

Насильственно-эгоистическая преступность: понятие и объект криминологического исследования. Насилие

встречается в любом обществе вне зависимости от уровня социальной и психологической просвещенности, а также

© Карпов В. О., 2024

исторических особенностей. Многими исследователями в области криминологии и социологии предлагаются определения понятия насилия, причем как в широком смысле, так и узком. В целом мы солидарны с позицией И. С. Колесникова, определившего насилие как противоправное общественно опасное внешнее со стороны других лиц умышленное воздействие на человека или группу лиц помимо или против его (их) воли [1, с. 118]. При этом необходимо понимать, что характер законности насилия зависит от конкретной исторической эпохи, в которой отдельные его элементы являлись законными, а в другом — опасными или особо опасными преступлениями (например, торговля людьми (рабами, крепостными); пытки (железный бык Фаларида)).

Насильственная преступность как одна из форм насилия представляет собой опасную, достаточно распространенную форму криминального поведения и является существенным критерием нравственного здоровья общества [2, с. 67]. В криминологии традиционно выделяют два основных вида насильственной преступности: корыстно-насильственная (инструментальные преступления, т. е. служат способом решения тех или иных проблем) и насильственно-эгоистическая (процессуальные преступления, т. е. приносят удовлетворение самим процессом их совершения) [3, с. 65].

В первом случае мотив преступления обусловлен желанием преступника удовлетворить имущественные или экономические потребности с применением насилия (грабежи, разбой, вымогательство, убийства, совершенные по найму, и т. д.).

Совершение же преступлений с эгоистической мотивацией осуществляется в целях личностно-психологического и (или) сексуального удовлетворения преступника, а именно из гедонистических,

сексуальных, хулиганских, ревностных, сострадательных и иных внутриличностных побуждений. В. В. Лунеев указывает, что все эти мотивы формируются в процессе межличностного, как правило, конфликтного взаимодействия [4, с. 65]. К таким проявлениям относятся насильственные преступления, обусловленные желанием совершить свои деяния исключительно исходя из внутренних психологических деструктивных особенностей с целью получения удовлетворения. Эти преступления лишены корыстного мотива, не могут быть совершены по принуждению или приказу, по неосторожности. Лицо умышленно совершает противоправные действия в целях получения удовлетворения от содеянного.

На практике встречаются случаи неочевидности эгоистической мотивации. Распространенным примером является похищение серийным эгоистическим убийцей той или иной личной вещи жертвы. С одной стороны, данное действие может быть обусловлено желанием преступника незаконно обогатиться либо одарить близкого человека, т. е. похищение вещи с целью дальнейшего ее потребления (траты) или сбыта, с другой — присвоение преступником вещи убитого в качестве фетиша с целью получения личного удовольствия. В первом случае вещь является целью преступления (корыстное или корыстно-эгоистическое насилие), во втором — неким символом, который будет напоминать преступнику об убийстве и (или) жертве убийства (эгоистическое насилие).

Отмечаются случаи эгоистической мотивации и в террористических преступлениях, когда совершение террористического акта основано исключительно на внутриличностных мотивах преступника при отсутствии мотивов материального обогащения. Например, К. А. в здании УФСБ по Хабаровскому

краю совершил террористический акт, убив нескольких людей. Преступник считал себя неонацистом и совершил преступление в день рождения Гитлера¹.

С учетом вышеизложенного под насильственными преступлениями с эгоистической мотивацией понимаются противоправные действия, направленные на применение физического и (или) психического воздействия на потерпевших в целях получения преступником личностно-психологического и (или) сексуального удовлетворения от причиненного вреда.

Изучение эгоистической мотивации преступников в криминологии довольно актуально. Количественные характеристики некоторых видов насильственных эгоистических преступлений на сегодняшний день демонстрируют, что необходимо развитие новой системы их профилактики ввиду отсутствия или неоднозначности подходов к их превенции [5, с. 81]. К наиболее опасным проявлениям эгоистического насилия в современном обществе мы относим:

рост числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними, включая появление новых деструктивных форм преступности (преступная субкультуризация [6, с. 61], массовые убийства в образовательных организациях);

стабильность числа особо опасных насильственных преступлений (серийные убийства, изнасилования, в том числе педофильской направленности);

развитие насильственной эгоистической преступности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (доведение до самоубийства, сексуальные преступления).

Смысл эгоистической мотивации. Для установления наличия у каждого преступника эгоистической мотивации

¹ Стрельбу в приемной УФСБ в Хабаровске открыл несовершеннолетний нацист. URL: <https://rg.ru/2017/04/23/reg-dfo/strelbu-v-priemnoj-ufsb-v-habarovske-otkryl-nesovershennoletnij-nacist.html> (дата обращения: 15.02.2024).

и особенностей ее формирования необходим детальный и всесторонний анализ с применением познаний в области психологии, криминологии, социологии и иных дисциплин. Сложность понимания эгоистической мотивации связана также с тем, что психологические особенности у каждого человека индивидуальны и проявления такой мотивации у всех лиц различны. Глубина эгоистического мотива обусловлена первичными (низменными) потребностями человека, выраженными:

в получении личностного удовлетворения (сексуальные преступления, убийства или причинение вреда здоровью, доведение до самоубийства исходя из необходимости получения удовлетворения от содеянного);

личностно-психологической самозащите от внешней провокационной или негативной ситуации (убийства или причинение вреда здоровью в ответ на оскорбления, вызывающее поведение со стороны потерпевшего; также к провокационным факторам относят насилие, издевательство, тяжкое оскорбление, аморальные действия (бездействие), систематическое противоправное или аморальное поведение потерпевшего и иные противоправные деяния [7, с. 215]).

Исходя из вышеизложенного, мы наблюдаем различные механизмы формирования эгоистической мотивации: спонтанное формирование и запланированное.

Спонтанное формирование эгоистического насилия предопределено в каждом случае с учетом особенностей развития психики преступника. Здесь необходимо говорить об особенностях темперамента, характера, уровне психической устойчивости лица. Одна и та же стрессовая ситуация может влиять на каждую личность абсолютно по-разному. При этом необходимо учитывать, что на формирование умысла может влиять и длительность психотравмирующей ситуации. Например, супруга в течение

двух месяцев общалась с другим женщиной, чем вызывала ревность супруга. Однажды она назвала его чужим именем. Далее, 18 декабря 2021 года на даче супруги в присутствии ребенка начали выяснять отношения. В ходе выяснения отношений супруг умышленно произвел один выстрел в область лица и левой руки, один выстрел в область рта и один выстрел в область левой голени супруги. Сочетанная травма (сочетанное пулевое огнестрельное ранение головы) послужила непосредственной причиной смерти пострадавшей¹. В данном случае мы отмечаем, что окончательным условием убийства послужила ссора, эгоистическая мотивация же сформировалась по таким причинам, как ущемление мужского самолюбия, ревновность, потеря контроля.

Указанный пример демонстрирует, что формирование эгоистического мотива сугубо индивидуально для каждой личности исходя из ее психических особенностей. Такие же психотравмирующие ситуации для других субъектов могли вызвать абсолютно иные реакции: а) игнорирование ситуации; б) убийство большего количества лиц; в) самоубийство и др.

Именно поэтому вопрос размытости в понимании спонтанного формирования эгоистического насилия является причиной того, что многие преступники, чьи действия квалифицируются в соответствии с ч. 1 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, сообщают о том, что убийство совершено ими в состоянии аффекта. При аффекте наблюдается торможение сознательной интеллектуальной деятельности, а также преобладание динамического компонента над смысловым содержанием действий виновного лица [8, с. 327]. Именно сужение способностей лица к

¹ Уголовное дело № 1-267/2022 // Архив Ярославского районного суда Ярославской области. 1922 г.

понимаю своих действий и осознанию их общественной опасности является основанием отнесения такого состава преступления к привилегированному с точки зрения законодательства.

Для запланированного формирования эгоистической мотивации характерно отсутствие признаков аффективной реакции на психотравмирующую ситуацию. Здесь необходимо говорить о подготовке преступника к совершению преступления. Эгоистическая мотивация при запланированном ее формировании проявляется в получении удовлетворения в момент подготовки и совершения преступления. Формирование эгоистической мотивации может осуществляться как реакция на провокационное поведение жертвы (точно так же, как и при спонтанном способе, за исключением того, что формирование умысла на совершение преступления носит плановый характер) либо при отсутствии явного (видимого) провоцирующего фактора (формируется в мыслительной деятельности преступника самостоятельно). В. В. Лунеев совершенно верно отмечает, что в мотивах таких преступлений преломляются предшествующие взаимодействия субъекта как с потерпевшим, так и с другими людьми, отношения с которыми могут быть перенесены на потерпевшего [4, с. 224].

На наличие эгоистического мотива при совершении насильственного преступления может указывать и самоубийство преступника после совершения преступления, что происходит часто при массовых эгоистических убийствах. Так, 18 июня 2020 года 21-летний Севастьян Путинцев совершил убийство своей бывшей девушки, которая отказалась с ним встречаться, а также двух ее родственников, после чего совершил самоубийство. Известно, что молодой человек после расставания на постоянной основе преследовал девушку, писал ей угрожающие смс-сообщения, следил за

ней¹. К причинам самоубийства относят: чувство стыда и боязнь последующего порицания [9], нежелание находиться в дальнейшем в местах лишения свободы, признание совершения преступления как последнего акта в своей жизни.

Детерминанты формирования эгоистической мотивации. Важным аспектом в изучении формирования преступного поведения у рассматриваемых нами преступников является системное исследование детерминантов, включающих в себя совокупность множества факторов. Необходимо учитывать, что при изучении вопросов детерминации преступлений с эгоистической мотивацией важно акцентировать внимание на достижениях не только социологической школы, признающей социально-негативные факторы как единственные причины преступности, но и био-антропологической.

Так, по результатам изучения биографических сведений о серийных эгоистических убийцах и лицах, совершающих серийные половые преступления без причинения смерти потерпевшим, содержащихся в заключениях судебно-психиатрических экспертиз, проводимых специалистами НМИЦ психиатрии и неврологии имени В. М. Бехтерева, установлено, что только в редких случаях не обнаруживается та или иная психическая аномалия или расстройство сексуального влечения. В настоящее время существует множество исследований, посвященных влиянию деструктивных биологических факторов на формирование преступного поведения. Выделим наиболее часто встречающиеся из них в работах криминологов и медицинских работников: 1) психопатологическая отягченная наследственность; 2) патология беременности и родов или травма головного мозга в детстве; 3) аномалии

¹ СК возбудил дело по факту гибели четырех человек при стрельбе в Москве. URL: <https://rg.ru/2020/06/18/reg-cfo/sk-vozbudil-ugolovnoe-delo-posle-strelby-v-moskve.html> (дата обращения: 19.06.2020).

мозговых структур и черепа: поражения отделов мозга с локализацией в лобном и височном отделах; 4) психические расстройства; 5) наличие психопатии; 6) нарушение функционирования эндокринной системы [10, с. 18; 11, с. 58; 12, с. 43].

Вместе с тем мы полагаем, что биологические детерминанты не могут служить исключительными предпосылками совершения насильственных эгоистических преступлений, а должны рассматриваться в совокупности с социальными факторами. Понятно, что истоки эгоистичности в поведении любого человека кроются в особенностях его психики, в том числе в его животных инстинктах. Однако трансформация поведения в деструктивное происходит под влиянием внешних социальных факторов. Не вызывает сомнений, что человек даже с абсолютно, казалось бы, здоровой психикой, попадая в психотравмирующую ситуацию не только длительного, но и краткосрочного характера, имеет склонность к деформации поведения.

При анализе биографий серийных эгоистических насильственных преступников среди социальных факторов, деструктивно влияющих на поведение личности и формирующих аномальную эгоистическую мотивацию, нами выделены негативные отношения в семье будущих преступников. Установлено, что в 90 % случаев в семьях будущих преступников имели место следующие деструкты: жестокость членов семьи по отношению к детям; наличие сексуального насилия внутри семьи; асоциальный образ жизни родителей. Отметим, что в большинстве случаев будущие эгоистические насильственные преступники не преуспевали в учебе в детском возрасте, она им казалась неинтересной, скучной. Отношения с одноклассниками неустойчивые. Важно отметить, что по результатам изучения биографий массовых эгоистических убийц установлено, что буллинг или игнорирование со стороны сверстников по отношению к

таким подросткам отмечались в 100 % случаев. Такие подростки, как правило, выбирают деструктивные увлечения. Так, у серийных убийц в детстве наблюдалась склонность к зоосадизму, пиромании, энурезу, коллекционированию убитых животных. Наоборот, у массовых эгоистических убийц в детстве отмечаются склонность к времяпровождению в одиночестве, а также активная увлеченность видеоиграми и длительное использование сети «Интернет».

Таким образом, источниками преступного поведения эгоистических преступников служат как социальные, так и биологические детерминанты. Указанные детерминанты не являются исчерпывающими и выступающими абсолютным критерием, определяющим преступное начало только эгоистических преступников. Мы убеждены, что у будущих преступников проявление эгоистического деструктивного поведения берет начало именно с детского возраста.

Таким образом, знание таких детерминантов чрезвычайно важно для формирования базы предупреждения совершения таких преступлений.

Основные направления предупреждения насильственно-эгоистической преступности. Относительно предупреждения насильственных преступлений с эгоистической мотивацией предлагается в первую очередь усилить контроль именно в ювенальных направлениях.

По результатам изучения случаев совершения эгоистических насильственных преступлений тезисно выделим следующие направления, требующие соответствующей работы:

а) проведение профилактической работы с несовершеннолетними, имеющими проблемы с социальной адаптацией. Практика показала, что для насильственных преступников с эгоистической мотивацией характерна социальная деструктивность. На это могут указывать

следующие проявления: агрессивное поведение (применение насилия по отношению к сверстникам, животным, совершение поджогов и действий, направленных на разрушение объектов), изоляция от внешней среды (отсутствие общения со сверстниками, отстранение от школы), проявление асоциальности (побеги из дома, мелкие кражи, мелкие нарушения закона, бродяжничество, занятие проституцией, алкоголизм) [13, с. 168; 14, с. 61; 15, с. 307];

б) проведение психологических исследований в образовательных организациях на предмет выявления у подростков потенциальных деструктивных поведенческих черт и работа с такими лицами. Случаи совершения массовых насильственных эгоистических убийств в образовательных учреждениях показали, что такие подростки проявляли некоторые асоциальные черты, которые игнорировались педагогами, а работа школьными психологами практически не проводилась;

в) усиление профилактической работы, связанной с контролем участия подростков в видеоиграх с элементами жестокости и использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Несмотря на то что прямой корреляционной связи между увлечением подростками видеоиграми и совершением насильственных эгоистических преступлений нет, полагаем, что в ряде случаев данная проблема может выступать прямой или косвенной причиной совершения преступлений. Ярчайшим примером является случай, когда 9 января 2023 года 18-летний житель г. Уфы убил свою мать за то, что та выбросила лист, на котором были записаны пароли от интернет-аккаунтов преступника¹;

г) выявление и работа с лицами, имеющими психические аномалии, не исключающие вменяемости, склонными

¹ В Уфе местный житель обвиняется в убийстве матери. URL: <https://surb.sledcom.ru/news/item/1758071/> (дата обращения: 22.01.2023).

к совершению преступлений против личности.

Заключение. На основании вышеизложенного мы отмечаем, что эгоистическая мотивация в насильственных преступлениях является сложнообразуемым психологическим аспектом личности преступников. Несмотря на недостаточную изученность данного феномена в криминологической сфере, в статье доказана его высокая актуальность в современном обществе.

Установлено, что глубина эгоистической мотивации преступника зависит

от множества как внешних социально-деструктивных факторов, так и биологических и психологических деформационных особенностей.

Основным направлением профилактической работы по предотвращению таких преступлений является проведение работы с субъектами еще в детском возрасте с уделением внимания вопросам работы с несовершеннолетними, имеющими проблемы с социальной адаптацией, жизнедеятельности в образовательных организациях и др.

Список литературы

1. Колесников И. С. Уголовно-правовое понятие насилия // Ползуновский вестник. 2006. № 3-1. С.114 – 119.
2. Чочиева Л. А., Осипьян А. В. Криминологическая характеристика насильственной преступности в России // Вестник магистратуры. 2021. № 9-1 (120). С. 67 – 69.
3. Пестерева Ю. С., Чекмезова Е. И. К вопросу о понятии «насильственная преступность» // Сибирское юридическое обозрение. 2014. № 2 (23). С. 63 – 65.
4. Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения. Москва : Наука, 1991. 383 с.
5. Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Силовое противодействие преступности несовершеннолетних: преодолевая табу // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 3. С. 77 – 87.
6. Карпов В. О. Массовые убийства в образовательных организациях: криминологический анализ // Криминалистика. 2023. № 4 (45). С. 59 – 65.
7. Бугаев В. А., Мельников Д. В. Особенности квалификации убийства в состоянии аффекта // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4, № 1 (70). С. 213 – 216.
8. Чучелов Е. Н. Психологическая характеристика аффекта как сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 6. С. 326 – 328
9. Chokshi S. Why Spree Killers Kill Themselves. 2012. URL: <https://www.wired.com/2012/12/why-spree-killers-kill-themselves/> (дата обращения: 10.03.2024).
10. Бухановская О. А. Психические расстройства у лиц с серийными агрессивными сексуальными опасными действиями (клиника, динамика, систематика) : специальность 14.00.18 «Психиатрия» : автореф. дис. ... канд. мед. наук / Бухановская Ольга Александровна. Москва, 2003. 24 с.
11. Щербаков Г. В., Лаврентьева И. В. Биологическое, личностное и социальное в происхождении преступности // Прикладная юридическая психология. 2021. № 2. С. 50 – 64.
12. Дацковский И. Два различных состояния психики, обозначаемые одним термином «психопатия» // Психиатрия – проза и поэзия : материалы Рос. науч. конф., Ростов-на-Дону, 25 сентября 2021 года / Министерство здравоохранения Российской Федерации, Ростов. гос. мед. ун-т. Ростов-на-Дону : Ростов. гос. мед. ун-т, 2021. С. 40 – 44.

13. Пицхелаури Э. М., Оздеаджиева Э. М. Особенности взаимосвязи агрессивности и социально-психологической адаптации личности // Педагогика и психология: проблемы и перспективы : материалы третьей Всерос. науч.-практ. конф., Махачкала, 25 февраля 2016 года / под ред. Р. М. Рамазановой, Э. М. Пицхелаури, Б. А. Шихамировой. Вып. 3. Махачкала : АЛЕФ, 2016. С. 166 – 171

14. Беженцев А. А. Безнадзорность, беспризорность, бродяжничество и попрошайничество несовершеннолетних: стратегические направления минимизации в административной деятельности полиции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 56 – 65.

15. Лесников Г. Ю., Самойлова А. А. К вопросу о правовом воспитании несовершеннолетних осужденных // Право и управление. 2023. № 2. С. 305 – 308.

Информация об авторе

В. О. Карпов – аспирант Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Information about the author

V. O. Karpov – Postgraduate Student at the Herzen State Pedagogical University of Russia.

Научная статья
УДК 343.3/7

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПОДДЕЛКИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Роман Михайлович КРАВЧЕНКО

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, roman888rus2016@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу понятия и юридического содержания процессуальных документов. На основе свойств и признаков документов, используемых в процессе осуществления правосудия, автором продемонстрировано соотношение норм уголовного закона, предусматривающих ответственность за фальсификацию правоустанавливающих и информационно-удостоверительных документов. Сформулированы предложения по совершенствованию правоприменения в данной сфере.

Ключевые слова: подделка документов, фальсификация доказательств, преступления против правосудия, ст. 292 УК РФ, ст. 303 УК РФ

Для цитирования: Кравченко Р. М. Уголовно-правовая оценка подделки процессуальных документов // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 39 – 44.

Original article

CRIMINAL-LAW ASSESSMENT OF FORGERY OF PROCEDURAL DOCUMENTS

Roman M. KRAVCHENKO

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, roman888rus@rambler.ru

Abstract. The work is devoted to the analysis of the concept and legal content of procedural documents. Based on the properties and characteristics of the documents used in the process of administration of justice, the author demonstrates the correlation of the norms of the criminal law providing for liability for falsification of title establishing and informative and identifying documents. As a result of the work done, proposals have been put forward to improve law enforcement in this area.

Keywords: forgery of documents, falsification of evidence, crimes against justice, Article 292 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Kravchenko R. M. Criminal-law assessment of forgery of procedural documents. Criminalist. 2024;3(48):39-44. (In Russ.).

© Кравченко Р. М., 2024

Соблюдение установленного законом порядка делопроизводства является основой организации деятельности любого государственного и муниципального органа, организации, учреждения. Эффективная и оперативная реализация функций государственной власти и местного самоуправления немыслима без соблюдения правил создания, выдачи, заверения, хранения документов, в том числе официальных. Описанный факт учтен законодателем при конструировании достаточно широкого перечня норм об уголовной ответственности за фальсификацию документов (в частности, ст. 292, 303, 307, 327 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). Определение нормы, подлежащей применению при квалификации таких общественно опасных деяний, зависит в первую очередь от юридического содержания сфальсифицированного документа. Разница роли того или иного документа в порождении, изменении или прекращении правоотношений особенно наглядно представлена в сфере осуществления правосудия.

Результатом осуществления правосудия является вынесение процессуального решения, являющегося юридическим фактом, вызывающим возникновение, изменение или прекращение правоотношений, в которых субъекты процессуальной деятельности реализуют свои права и обязанности [1, с. 23]. При этом такое решение должно соответствовать критериям законности, обоснованности и мотивированности (ст. 6 АПК РФ, ст. 7 УПК РФ, ст. 9 КАС РФ, ст. 195 ГПК РФ). Данный принцип реализуется не только в соблюдении законодательно утвержденной формы и процедуры принятия процессуального решения, но и в соответствии итогового решения установленным фактическим обстоятельствам рассматриваемого дела, что в том числе обеспечивается надлежащим и досто-

верным оформлением процессуальных документов.

Процессуальный документ – это приобщенный к материалам судебного дела письменный документ, составленный на основании процессуального закона уполномоченным на то субъектом, в котором зафиксированы сведения, имеющие значение для материалов дела¹.

Письменные документы, составленные на основании процессуального закона уполномоченными на то субъектами, в которых зафиксированы сведения, имеющие значение для разрешения дела, можно разделить на три вида:

1) процессуальные документы властно-распорядительного характера (постановления, протоколы задержания подозреваемого, поручения и т. п.);

2) процессуальные документы информационно-удостоверительного характера (протоколы следственных и иных процессуальных действий, объяснения, уведомления, подписки, обязательства и т. п., а также имеющие информационно-удостоверительную цель заявления, сообщения, рапорты);

3) иные предусмотренные процессуальным законом документы (жалобы, представления, возражения, поручения о приглашении защитника, заявления об отводе, требования, ходатайства и т. п.) [2].

Фальсификация документов первой группы оказывает негативное влияние на интересы правосудия ввиду их правоустанавливающего характера (незаконное возбуждение или прекращение

¹ Перечень основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента : утв. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 26 ноября 2015 г. № 362. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

уголовного дела, вынесение неправосудного приговора, привлечение заведомо невиновного лица в качестве обвиняемого по уголовному делу). Такие документы напрямую влекут юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения обязанностей или освобождения от них, изменения объема прав и обязанностей.

В связи с этим законодателем установлены специальные основания уголовной ответственности за подделку таких документов (например, ст. 299, 300, 301, 306 УК РФ).

Так, наряду с другими преступлениями Б. признан виновным в служебном подлоге (ст. 292 УК РФ) и незаконном освобождении от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ). В рамках расследования уголовного дела Б. принял от обвиняемого М. подложную справку о нахождении его на стационарном лечении в наркологическом диспансере, на основании которой, приобщив ее к делу, вынес постановление о приостановлении производства по делу в связи с болезнью обвиняемого. После этого М. передал подложное свидетельство о своей смерти Б., который на основании указанного документа вынес постановление о прекращении уголовного преследования в связи со смертью обвиняемого М., незаконно освободив его от уголовной ответственности¹.

Принять любое решение в уголовном процессе можно только при наличии достаточных сведений о фактических обстоятельствах, с которыми закон связывает данное решение [3]. Вывод о том, каковы были обстоятельства дела в действительности, может быть сделан лишь на основе такой совокупности доказательств, которая собрана, проверена и оценена в рамках определенной процедуры с учетом дозволений и запретов, содержащихся в законе [1].

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 июля 2006 г. по делу № 11-006-47. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Следовательно, правоустанавливающие процессуальные решения должны быть основаны на доказательствах, в том числе документальных.

Однако это значит, что документы, являющиеся доказательствами по делу, влекут юридические последствия в виде изменения объема прав и обязанностей. Оформляя документ в соответствии с требованиями процессуального законодательства, должностное лицо не придает ему новое содержание. Более того, правоустанавливающий документ (например, поддельный листок временной нетрудоспособности), приобщенный к материалам уголовного дела, не распространяет свое действие в рамках процессуальных правоотношений. Такой документ становится доказательством по делу и лишь удостоверяет тот или иной аспект предмета доказывания.

Процессуальные документы информационно-удостоверительного характера не имеют прямого юридического действия, они являются лишь основанием для принятия правоприменительного решения. Кроме того, в силу ч. 2 ст. 17 УПК РФ никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, что означает их равную степень влияния на итоговое решение и возложение обязанности по вынесению юридически значимого акта на правоприменителя.

В. Н. Борков обоснованно утверждает: «„Неофициальный“ документ, удостоверяя юридический факт, является только поводом для изменения правоотношений, но сам непосредственно и „официально“ этих правоотношений не изменяет» [4, с. 6]. По справедливому утверждению М. А. Любавиной, «система юридических фактов, предусмотренных нормами права в качестве основания наступления правовых последствий (возникновения, изменения, прекращения правоотношения), называется юридическим (фактическим) составом... Следует признавать официальным документом только акт применения, по-

сколькx остальные документы, каждый в отдельности, удостоверяют отдельные юридические факты, не порождающие юридических последствий, но создающие предпосылки принятия правоприменительного акта, влекущего изменение правоотношений» [5, с. 96].

Наряду с техническим накоплением доказательств дознаватель, следователь или суд обязаны дать им надлежащую фактическую и юридическую оценку, сопоставить их между собой, интегрировать подлежащие использованию сведения в четкие логические доводы и аргументы и в конце концов прийти к определенным умозаключениям, обуславливающим постановление приговора, издание иного следственного либо судебного акта [3].

Следовательно, документарные доказательства сами по себе не влекут юридических последствий, а их фальсификация (ст. 303 УК РФ) не может рассматриваться как частный случай подделки правоустанавливающего документа (ст. 292, 327 УК РФ). Вместе с тем для искусственного создания видимости законности и обоснованности принятого процессуального решения виновным лицом фальсифицируются информационно-удостоверительные процессуальные документы.

И. был осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 303 и ч. 1 ст. 285 УК РФ, при следующих обстоятельствах. Работая в должности следователя, не проводя необходимых следственных действий, изготовил фиктивные процессуальные документы, используя их в качестве доказательств, а именно протокол опроса, внося в него ложные сведения о признании З. своей вины, протоколы осмотра места происшествия с участием обвиняемых. Кроме того, И. умышленно фальсифицировал доказательства путем частичной их подделки, внося в подлинные протоколы допроса обвиняемых ложные дополнения.

Верховный Суд Российской Федерации посчитал квалификацию деяния И. по ч. 1 ст. 285 УК РФ излишне вме-

ненной и подлежащей исключению из приговора по следующим основаниям. Статья 285 УК РФ является общей нормой, предусматривающей уголовную ответственность за злоупотребление должностными полномочиями. В то же время ст. 303 УК РФ — это специальная норма, предусматривающая ответственность конкретного должностного лица за фальсификацию доказательств, а поэтому в соответствии с ч. 3 ст. 17 УК РФ, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме¹.

В приведенном примере позицию Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации следует признать обоснованной, так как в судебном решении не отражено, выносились ли осужденным правоустанавливающие процессуальные документы на основании фальсифицированных им доказательств. Если такая подделка преследует лишь цель создания видимости соблюдения требования ч. 2 ст. 21 УПК РФ, что реализуется, например, в продлении сроков предварительного расследования, квалификация деяния виновного по ст. 303 УК РФ видится достаточной.

В иных случаях, когда виновное лицо фальсифицирует информационно-удостоверительные процессуальные документы в целях создания основания для вынесения подложного властно-распорядительного документа, деяние представляется необходимым дополнительно квалифицировать по ст. 292, 299, 300, 301, 305 УК РФ.

Подобные ситуации нельзя в полной мере рассматривать в качестве конкуренции общей и специальной норм ввиду следующих обстоятельств.

Во-первых, в связи с различием юридического содержания предметов рассматриваемых составов преступлений

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 июля 2004 г. по делу № 93-О04-9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

(информационно-удостоверительные и правоустанавливающие документы).

Во-вторых, по причине различия характера и степени влияния таких деяний на интересы правосудия. Состав преступления, предусмотренный ст. 303 УК РФ, является формальным и признается оконченным с момента приобщения к делу фальсифицированных доказательств или представления их в суд независимо от того, оказали ли они влияние на расследование или рассмотрение дела¹, что не освобождает правоприменителя от обязанности по оценке доказательств на предмет относимости, допустимости, достоверности и достаточности [6]. Фальсификация же правоустанавливающих документов влечет прямое негативное воздействие на субъекты правоотношений, а оспаривание таких документов не приостанавливает их действие.

В-третьих, с точки зрения теории стадий совершения преступления фальсификация информационно-удостоверительных документов является созданием условий для последующей подделки правоустанавливающего документа, что требует самостоятельной квалификации. Такие ситуации не подпадают под разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенное в п. 17 постановления от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»: «В случаях, когда такое лицо в связи с исполнением своих служебных обязанностей внесло в официальные документы заведомо ложные сведения либо исправления, искажающие их действительное содержание, содеянное должно быть квалифицировано по статье 292 УК РФ»².

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2009 г. по делу № 11-О09-137. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий

Анализируемые деяния не являются тождественными, а выступают в качестве подготовительных для обеспечения видимости законности и обоснованности будущего подложного официального документа.

Об обоснованности данной позиции свидетельствуют разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, приведенные в п. 16 постановления от 28 июня 2022 года № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия»: «Действия должностного лица, которое на основании сфальсифицированных им доказательств привлекает заведомо невиновного к уголовной ответственности либо умышленно незаконно освобождает от уголовной ответственности лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных частью 2 или 3 статьи 303 УК РФ и статьей 299 либо статьей 300 УК РФ».

В то же время, если виновное лицо фальсифицирует документы, не являющиеся доказательствами или результатами оперативно-разыскных мероприятий (например, объяснения, уведомления, заявления, жалобы, ходатайства и т. д.), такое деяние самостоятельный состав преступления не образует³ и может рассматриваться как приготовление к подделке правоустанавливающего документа.

: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 сентября 2009 г. № 19 : текст с изм. и доп. на 11 июня 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Ввиду отсутствия нормы об ответственности за подделку официальных документов, которые удостоверяют юридически значимый факт, но самостоятельно не влекут юридически значимые последствия и при этом не являются доказательствами или результатами оперативно-разыскных мероприятий. Относительно таких документов уголовный закон устанавливает ответственность лишь за их похищение, уничтожение, повреждение или сокрытие (ч. 1 ст. 325 УК РФ).

Список источников

1. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2010. 238 с.
2. Рыжаков А. П., Заливин А. Н. Процессуальные документы, копии которых вправе получить потерпевший / подготовлен для системы «КонсультантПлюс». 2018. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=115244#DbXvR6UAjNNQFeax1> (дата обращения: 04.03.2024).
3. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве / Е. К. Антонович, Т. Ю. Вилкова, Л. М. Володина [и др.]. 2-е изд. Москва : Норма, 2021. 448 с.
4. Борков В. Н. Использование поддельных официального и «неофициального» документов как посягательство на порядок управления // Уголовное право. 2021. № 6. С. 3–10.
5. Любавина М. А. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 года № 24 с изменениями, внесенными Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 декабря 2013 года № 33 / ред. А. Н. Попов ; С.-Петербург. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Санкт-Петербург : СПб ЮИ (ф) АПП РФ, 2014. 104 с.
6. Ларкина Е. В., Петрова О. В. Анализ доказательств в обвинительном заключении // КриминалистЪ. 2023. № 3 (44). С. 34–38.

Информация об авторе

Р. М. Кравченко – доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

R. M. Kravchenko – Associate Professor at the Department of criminal law, criminology and penal executive law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.13

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Александр Дмитриевич НАЗАРОВ¹, Максим Александрович МИНЕЕВ²,

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, anazarov61@mail.ru

² Сибирский федеральный университет, Красноярское адвокатское бюро «Колосов и партнеры», Красноярск, Россия, jurist_consult24@mail.ru

Аннотация. Авторами в параллель с существующими классическими «стандартными» способами применения специальных знаний рассмотрены «нестандартные» форматы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Указывается, что правовой статус «нестандартных» заключений носит дискуссионный характер. К примеру, доктринальные (правовые) научно-консультативные заключения авторы называют «процессуально значимыми документами». Приводятся примеры из судебной практики, подтверждающие актуальность рассматриваемых «нестандартных» форматов использования специальных знаний. Раскрывается значимость и актуальность заключений экспертных исследований, проведенных государственными учреждениями, не являющимися экспертными.

Ключевые слова: специальные знания, судебная экспертиза, иные экспертизы, заключение эксперта, заключение специалиста, государственные неэкспертные учреждения, «стандартные» форматы и «нестандартные» форматы использования специальных знаний, научно-консультативное заключение, процессуально значимый документ

Для цитирования: Назаров А. Д., Минеев М. А. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 45 – 49.

Original article

THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Alexander D. NAZAROV¹, Maxim A. MINEEV²

¹ St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, anazarov61@mail.ru

² Siberian Federal University (SibFU), «KolosoV and partners» law bureau of Krasnoyarsk, Krasnoyarsk, Russia, jurist_consult24@mail.ru

Abstract. The article deals with the non-standard formats of using specialized knowledge in criminal proceedings alongside with the existing classical format. It is noted that the legal status of non-standard expert's findings is of debatable character. For instance, the authors define doctrinal (legal) scientific-advisory opinions as «procedural-relevant documents». The findings, confirming the relevance of the considered «non-standard» formats of use of expertise are provided with examples from judicial practice. Reference is made to the significance and relevance of the conclusions of expert studies carried out by state institutions without legal expert status.

Keywords: expert knowledge, forensic expertise, other than forensic expert examinations, expert opinion, specialist opinion, non-expert governmental institutions, standard formats and

© Назаров А. Д., Минеев М. А., 2024

non-standard formats for the use of specialized knowledge, scientific advisory opinion, relevant procedural document

For citation: Nazarov A. D., Mineev M. A. The use of special knowledge in criminal proceedings. *Criminalist*. 2024;3(48):45-49. (In Russ.).

Интерес к специальным знаниям, формам их применения в уголовном судопроизводстве уже много лет присутствует в научных изыскания ученых-правоведов [1; 2]. Причем применение специальных знаний в форме проведения экспертизы сегодня становится возможным и востребованным уже со стадии возбуждения уголовного дела [3, 66–70]. Специальные знания становятся все более востребованными и для защиты прав потерпевшего [4, с. 35–39].

Говоря о применении специальных знаний в уголовном судопроизводстве, под стандартным форматом их использования мы подразумеваем получение заключения эксперта в результате судебной экспертизы или получение заключения специалиста в результате судебного исследования в классических государственных экспертных учреждениях (подразделениях) МВД России, ФСБ России, Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства здравоохранения Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации и т. п. К подобным учреждениям мы относим также и образованный сравнительно недавно Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации¹.

¹ См.: О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ : текст с изм. и доп. на 1 июля 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О создании федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 июля 2020 г. № 1827р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 29. Ст. 4727 ; О судебной экспертизе по уголовным делам : Постановле-

В научно-практической литературе [5] достаточно предметно исследован вопрос о проведении иных экспертиз (исследований) в государственных не-экспертных учреждениях (к примеру, проведение государственной историко-культурной экспертизы в учреждениях Министерства культуры Российской Федерации). Результатом проведения таких экспертиз может быть заключение экспертизы (акт экспертизы и т. п.), но в нем не будет подписки эксперта (специалиста) о разъяснении ему прав и обязанностей эксперта (специалиста), предусмотренных ст. 57, 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), а также о предупреждении об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение эксперта, специалиста по ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Соответственно, такое заключение эксперта (специалиста) будет являться доказательством в качестве иного документа (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Но если субъект, ведущий уголовный процесс, привлек такого эксперта (специалиста) из соответствующих государственных учреждений в качестве эксперта (специалиста) по уголовному делу и выполнил все процедуры, предусмотренные УПК РФ, то такой эксперт (специалист) проводит уже судебную экспертизу (судебное исследование) и представляет для уголовного дела дока-

ние Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 : текст с изм. и доп. на 29 июня 2021 г. // КонсультантПлюс. Надежная правовая поддержка : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437 (дата обращения: 24.02.2024).

зательство в качестве заключения эксперта или заключения специалиста.

Негосударственные (коммерческие) организации, которые объявляют свою деятельность экспертной и даже в результате проведенных исследований выдают своим клиентам (чаще всего — адвокатам, потерпевшим, обвиняемым) «заключение экспертизы», «заключение специалиста», с позиций требований уголовно-процессуального и экспертного законодательства проводят не экспертизу или исследование специалиста, а иное исследование, и выданные ими документы могут быть признаны доказательствами в уголовном процессе лишь в статусе «иной документ»¹. Это один из примеров нестандартного формата использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

Полагаем важным обратить внимание на такую форму использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, как проведение экспертиз и исследований в государственных научно-образовательных (научно-исследовательских и т. п.) учреждениях. В них нет классических экспертных подразделений. Но ученые этих учреждений обладают специальными познаниями, подчас весьма уникальными, и их в соответствии с требованиями ст. 57, 58 УПК РФ субъекты, ведущие уголовный процесс, могут назначить экспертом по уголовному делу или привлечь к участию в нем в качестве специалиста в порядке, установленном УПК РФ.

Так, к примеру, по уголовному делу о крушении в 2005 году теплохода «Некрасов» в Дудинском морском порту в Красноярском крае учеными Новосибирской государственной академии водного транспорта (ныне — Сибирский

¹ Авторы, будучи практикующими адвокатами, на практике сталкивались с тем, что следователи выносили постановление о приобщении к делу в качестве доказательства письменного текста как «иного документа».

государственный университет водного транспорта) была проведена судебная судоводительская экспертиза. Именно заключение данной экспертизы было положено в основу обвинения владельцев теплохода в перегрузе судна, что привело к аварии и гибели четырнадцати пассажиров и экипажа. Владельцы корабля Г. и Г. были осуждены по ч. 3 ст. 263 УК РФ и получили реальные сроки лишения свободы².

Вопрос о статусе заключений правовых экспертиз в уголовном судопроизводстве является дискуссионным³. В экспертологии имеет место тезис, что правовых экспертиз не может быть, так как субъекты, ведущие уголовный процесс, являются юристами и имеют все необходимые профессиональные знания в области юриспруденции.

Тем не менее практика применения доктринальных научно-консультативных заключений присутствует в уголовном судопроизводстве. Многие ученые-юристы дают такие заключения по различным вопросам уголовного права и процесса.

Так, автор данной статьи (А. Д. Назаров) по запросу подсудимого Р., который был обвинен по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ, подготовил по его уголовному делу научно-консультативное (доктринальное) заключение в части наличия в действиях оперативных сотрудников полиции признаков провокации при собирании доказательств по данному делу⁴. Научно-консультативное заклю-

² Уголовное дело № 3-18/09 // Архив Красноярского краевого суда. 2009 г.

³ Интересный анализ дискуссии по данной проблеме представлен в работе Е. Р. Россинской и Е. И. Галяшиной. Е. Р. Россинская предложила внедрить в экспертную практику судебно-нормативные экспертизы [6, с. 9–19].

⁴ Автор данной статьи (А. Д. Назаров) исследовал феномен провокации в оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности и имеет ряд научных публикаций по данной тематике [7].

чение по ходатайству подсудимого и его защитника было приобщено к материалам уголовного дела. Более того, по ходатайству подсудимого и его защитника автор заключения (А. Д. Назаров) был допрошен во Фрунзенском районном суде города Владивостока в качестве специалиста, а предметом допроса стали тематика индикаторов (признаков) провокации, установленных решениями Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, доктринальные позиции по провокации (ее начало, проявления, последствия и др.). В итоге суд назначил по данному делу минимальный срок лишения свободы, практически совпавший со сроком содержания подсудимого под стражей и домашним арестом¹.

По уголовному делу о так называемой «двойной приватизации» ведомственного жилья (обвиняемый К. — главный врач одной из районных больниц Красноярского края) автор статьи (А. Д. Назаров) по запросу адвоката обвиняемого составил научно-консультативное заключение о материальной (уголовно-правовой) ошибке², допущенной следователем при квалификации действий обвиняемого по ч. 3 ст. 159 УК РФ. Заключение по ходатайству адвоката³ было

¹ Уголовное дело № 1-5/17 // Архив Фрунзенского районного суда г. Владивостока. 2017 г.

² Подробнее о следственных и судебных ошибках, в том числе материальных (уголовно-правовых), см.: Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы : монография. М. : Юрлитинформ, 2017. 398 с. ; Его же. Устранение следственных и судебных ошибок : монография / Сиб. федер. ун-т, Юрид. ин-т. Красноярск : СФУ, 2017. 561 с. [8; 9].

³ Адвокат в формате PDF вставил данное заключение в текст («в тело») своего письменного ходатайства, чтобы суд, если откажет в приобщении научно-консультативного заключения к материалам дела, смог ознакомиться с содержанием заключения, так как письменное

приобщено к материалам уголовного дела. В судебном заседании Краснотуранского районного суда Красноярского края по ходатайству защитника подсудимого автор заключения был допрошен в качестве специалиста и дал пояснения, как бланкетные нормы приватизационного законодательства должны были быть применены в рассматриваемой ситуации по уголовному делу, что исключило умысел на мошенничество и саму «двойную приватизацию» жилья. Суд вынес оправдательный приговор по делу⁴.

По мнению авторов, научно-консультативные заключения в рассмотренных выше примерах не являются доказательствами по уголовному делу: ни заключениями эксперта, специалиста, ни иными документами. Эти заключения не связаны ни с собиранием, ни с проверкой доказательств. Данные научно-консультативные заключения влияют лишь на оценку доказательств, формирование внутреннего убеждения субъектов, ведущих уголовный процесс. Мы называем такие научно-консультативные заключения процессуально значимыми документами, и они представляют ценность для выполнения назначения уголовного судопроизводства. Такие заключения позволяют выявить, исправить и предупредить следственную и (или) судебную ошибку.

Таким образом, различные формы привлечения специальных знаний успешно используются в доказывании (собрании, проверке и оценке доказательств) при установлении фактических обстоятельств уголовного дела.

ходатайство адвоката суд обязан приобщить к материалам уголовного дела.

⁴ Уголовное дело № 26118244 // Архив Краснотуранского районного суда Красноярского края. 2017 г.

Список источников

1. Арсеньев В. Д., Заблоцкий В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. 152, [1] с.
2. Климович Л. П., Логинова Н. Г., Кривоколеско И. И. Специальные знания как средство формирования адвокатом правовой позиции защиты // Адвокатская практика. 2021. № 6. С. 27 – 31.
3. Лазарева Л. В. Специальные знания как инструмент защиты прав и интересов граждан в уголовном судопроизводстве // Юридические науки. 2018. № 3 (17). С. 66 – 70.
4. Ватутина О. Ю. Использование специальных знаний для защиты прав потерпевшего в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2020. № 6. С. 35 – 39.
5. Муженская Н. Е. Экспертиза в российском законодательстве : руководство-справочник для следователя, дознавателя, судьи. Москва : РГ-Пресс, 2015. 744 с.
6. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. Москва : Проспект, 2010. 464 с.
7. Назаров А. Д. Провокации в оперативно-розыскной деятельности : монография. Москва : Юрлитинформ, 2010. 152 с.
8. Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы : монография. Москва : Юрлитинформ, 2017. 398 с.
9. Назаров А. Д. Устранение следственных и судебных ошибок : монография / Сиб. федер. ун-т, Юрид. ин-т. Красноярск : СФУ, 2017. 561 с.

Информация об авторах

А. Д. Назаров – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, доцент;

М. А. Минеев – аспирант Сибирского федерального университета, адвокат Красноярского адвокатского бюро «Колосов и партнеры».

Information about the authors

A. D. Nazarov – Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics of the St. Petersburg State University, Doctor of Science (Law), Associate Professor;

M. A. Mineev – Postgraduate Student at the Siberian Federal University, attorney at the «Kolosov and partners» law bureau of Krasnoyarsk.

Научная статья
УДК 347.637

ОГРАНИЧЕНИЕ И ЛИШЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ КАК СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДОМАШНЕМУ НАСИЛИЮ

Дарья Сергеевна ПЕТРОВА

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
petrova_d_s@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется проблематика ограничения и лишения родительских прав как способов противодействия домашнему насилию. Статья базируется на проведенном мониторинге судебной практики за 2019–2023 годы по вопросам ограничения и лишения родительских прав. Автор приходит к выводу, что факты жестокого обращения с детьми, в том числе побои, практически не фигурируют в таких спорах. Судебная практика демонстрирует, что ограничение родительских прав может служить эффективным инструментом в борьбе с домашним насилием. Также исследование показало тенденцию судов сохранять родственные отношения между ребенком и его родителем и разрывать их посредством лишения родителей родительских прав в исключительных случаях.

Ключевые слова: ограничение родительских прав, лишение родительских прав, семейно-правовая ответственность, домашнее насилие, профилактика домашнего насилия

Благодарность: работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00424.

Для цитирования: Петрова Д. С. Ограничение и лишение родительских прав как способы противодействия домашнему насилию // КриминалистЪ. 2024. №3 (48). С. 50–57.

Original article

RESTRICTION AND DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS AS WAYS TO RESISTANCE DOMESTIC VIOLENCE

Daria S. PETROVA

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, petrova_d_s@mail.ru

Abstract. The article analyzes the problems of restriction and deprivation of parental rights as ways to resistance domestic violence. The article is based on the monitoring of judicial practice for the period of 2019–2023 on issues of restriction and deprivation of parental rights. The author concludes that the facts of child abuse, including beatings, are very rarely mentioned in cases of restriction and deprivation of parental rights. Judicial practice demonstrates that restricting parental rights can serve as an effective tool in the fight against domestic violence. The research also shows a tendency of courts to keep a relationship between the child and his parent and break them by depriving of parental rights in exceptional cases.

Keywords: restriction of parental rights, deprivation of parental rights, family legal responsibility, domestic violence, prevention of domestic violence

Acknowledgment: the work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 24-28-00424.

© Петрова Д. С., 2024

For citation: Petrova D. S. Restriction and deprivation of parental rights as ways to resistance domestic violence. *Criminalist*. 2024;3(48):50-57. (In Russ.).

Проблематика ограничения или лишения родительских прав в последние годы становится все более актуальной. Статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации¹ показывает, что число дел об ограничении и лишении родительских прав находится на стабильно высоком уровне (в среднем порядка 50 тысяч дел в год). Так, в 2023 году было 7 939 и 39 996 таких споров соответственно, в 2022 году — 8 615 и 42 979, в 2021 году — 7 055 и 37 343, в 2019 году — 8 047 и 45 984.

Случаи, когда родители жестоко обращаются со своими детьми, в частности наносят им телесные повреждения или оказывают психологическое давление, к сожалению, не являются редкостью. При таком поведении родителей применение к ним санкции в виде ограничения или лишения родительских прав — один из способов защитить права, интересы и здоровье детей.

Настоящая статья базируется на результатах мониторинга судебной практики за 2019 — 2023 годы по вопросам ограничения и лишения родительских прав. Особое внимание уделено судебным актам, связанным с домашним насилием. В статье показано, как на практике применяются ограничение и лишение родительских прав для противодействия домашнему насилию.

Домашнее насилие: понятие и краткая характеристика. Всемирная организация здравоохранения определяет насилие как «преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, резуль-

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 02.07.2024).

татом которого являются (либо имеет-ся степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб» [1, с. 5]. Домашнее насилие выделяется по сфере, где оно осуществляется, — это домашняя (бытовая) обстановка.

Домашнее насилие представляет собой воздействие, в том числе физическое либо психологическое, совершаемое помимо воли и желания адресата такого воздействия и наносящее вред его физическому или психическому развитию. Как правило, такое воздействие оказывает родитель в отношении своего ребенка, и пострадавшим от домашнего насилия является несовершеннолетний. Однако важно отметить, что акт насилия не всегда направлен непосредственно на ребенка, но несовершеннолетний всегда будет претерпевать негативные последствия от его совершения.

В рамках исследования мы провели анализ 104 судебных актов, из которых 24 приняты по делам об ограничении родительских прав и 80 — по делам о лишении родительских прав. Из 104 споров только 28 (27 %) в большей или меньшей степени связаны с домашним насилием.

На основании проведенного анализа мы предлагаем следующее подразделение домашнего насилия:

физическое насилие в отношении ребенка² или его близкого родственника (как правило, матери)³;

² Решение Варгашинского районного суда (Курганская область) № 2-280/2019 2-5/2020 2-5/2020(2-280/2019)~М-261/2019 М-261/2019 от 28 июля 2020 г. по делу № 2-280/2019. Здесь и далее судебные решения приводятся по: Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 02.07.2024).

³ См., напр.: Решение Мытищинского городского суда (Московская область) № 2-2685/2020

психологическое насилие (оскорбления, скандалы) в отношении ребенка¹ или его второго родителя (как правило, матери)²;

оставление родителем ребенка одного без присмотра³;

нуждаемость ребенка в медицинской помощи и неоказание ее родителем⁴;

необеспечение ребенка полноценным питанием и минимально необходимыми для жизни вещами⁵.

В отношении последних трех категорий (оставление родителем ребенка одного без присмотра, нуждаемость ребенка в медицинской помощи и неоказание ее родителем и необеспечение ребенка полноценным питанием и минимально

необходимыми для жизни вещами), вероятно, можно выдвинуть довод о том, что это не непосредственное воздействие на ребенка, а бездействие родителей, которое можно отнести к домашнему насилию лишь с некой долей условности. Однако мы полагаем, что подобное бездействие также подлежит включению в категорию «домашнее насилие», поскольку происходит исключительно по воле родителя и влечет негативные последствия для ребенка, что является признаками категории «насилие» в целом и «домашнее насилие» в частности. Такое поведение родителя нередко оценивается как жестокое обращение с несовершеннолетним по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 156 УК РФ (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего) [2, с. 147 – 71].

Правовые основания ограничения и лишения родительских прав: общая характеристика. *Ограничение родительских прав* представляет собой отобрание ребенка у родителей (одного из них), осуществляемое на основании решения суда (п. 1 ст. 73 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ)). Родитель в таком случае не лишается родительских прав. В этом плане «ограничение родительских прав является и мерой семейно-правовой ответственности родителей за ненадлежащее исполнение своих родительских обязанностей, когда нет достаточных оснований для лишения родительских прав, и превентивной мерой защиты прав и интересов ребенка по не зависящим от родителей обстоятельствам» [3, с. 103].

Основанием для ограничения родительских прав служит одно из двух обстоятельств:

оставление ребенка с родителями (одним из них) опасно для ребенка по причине, от родителей (одного из них) не зависящей (психическое расстройство

2-2685/2020~М-63/2020 М-63/2020 от 23 июля 2020 г. по делу № 2-2685/2020 ; Решение Промышленного районного суда (г. Самара) № 2-100/2020 2-5700/2019 от 7 февраля 2020 г. по делу № 2-100/2020.

¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 5 апреля 2022 по делу № 88-5050/2022.

² См., напр.: Решение Шахтинского городского суда (Ростовская область) № 2-2883/2020 2-2883/2020~М-2326/2020 М-2326/2020 от 27 июля 2020 г. по делу № 2-2883/2020 ; Решение Балашихинского городского суда (Московская область) № 2-113/2020 2-113/2020(2-6290/2019)~М-5642/2019 2-6290/2019 М-5642/2019 от 14 января 2020 г. по делу № 2-113/2020.

³ См., напр.: Решение Чулымского районного суда (Новосибирская область) от 17 марта 2021 г. по делу № 2-168/2021 ; Решение Сухобузимского районного суда (Красноярский край) от 4 февраля 2020 г. по делу № 2-32/2020.

⁴ См., напр.: Решение Поронайского городского суда (Сахалинская область) от 25 мая 2020 г. по делу № 2-184/2020 ; Решение Ногинского городского суда (Московская область) от 25 мая 2020 г. по делу № 2-1129/2020 ; Решение Рыбновского районного суда (Рязанская область) № 2-610/2019 2-63/2020 2-63/2020(2-610/2019)~М-764/2019 М-764/2019 от 25 мая 2020 г. по делу № 2-610/2019.

⁵ См., напр.: Апелляционное определение Московского городского суда (г. Москва) от 30 марта 2021 г. по делу № 33-12525/2021 ; Решение Плещеецкого районного суда (Архангельская область) № 2-723/2020 2-723/2020~М-676/2020 М-676/2020 от 3 сентября 2020 г. по делу № 2-723/2020.

или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и др.);

оставление ребенка с родителями (одним из них) вследствие их поведения (одного из них) является опасным для ребенка, но не установлены достаточные основания для лишения родителей (одного из них) родительских прав (п. 2 ст. 73 СК РФ).

Ограничение родительских прав предполагает утрату таким родителем права на личное воспитание ребенка, а также прав на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей, но не освобождает родителя от обязанности по содержанию ребенка (пп. 1 и 2 ст. 74 СК РФ). Иными словами, ограничение родительских прав предполагает лишь частичное «урезание» правового статуса родителя.

Ограничение родительских прав является своего рода вторым этапом воздействия на родителя, который ненадлежащим образом осуществляет свои родительские права и обязанности. На первой стадии органы опеки и попечительства проводят профилактические беседы, где родителю объясняют возможные негативные последствия его действий или бездействия и пытаются восстановить баланс в отношениях ребенок – родитель. Если такие меры не приносят результатов, родитель не выполняет рекомендации специалистов, продолжает уклоняться от исполнения своих родительских обязанностей, то происходит обращение в суд с требованием об ограничении родительских прав¹.

Лишение родительских прав осуществляется в случаях, прямо предусмотренных в ст. 69 СК РФ. В этом перечне

¹ См., напр.: Решение Кстовского городского суда (Нижегородская область) № 2-1076/2020 2-1076/2020~М-483/2020 М-483/2020 от 15 мая 2020 г. по делу № 2-1076/2020 ; Решение Ногинского городского суда (Московская область) № 2-1129/2020 2-1129/2020~М-365/2020 М-365/2020 от 25 мая 2020 г. по делу № 2-1129/2020.

отражены не только четко сформулированные основания для применения данного института, но и высокая степень опасности таких действий родителя (к примеру, умышленное преступление против жизни или здоровья ребенка или жестокое обращение с ребенком). Лишение родительских прав является более строгой мерой семейно-правовой ответственности [4], чем ограничение родительских прав.

Верховный Суд Российской Федерации квалифицирует лишение родительских прав как крайнюю меру ответственности родителей, которая применяется судом только за виновное поведение родителей по основаниям, указанным в ст. 69 СК РФ, перечень которых является исчерпывающим². Иными словами, лишение родительских прав возможно только тогда, когда защитить права и интересы детей иным образом не представляется возможным [5, с. 8]. И в этом плане лишение родительских прав можно поставить на третью, самую строгую «ступень» воздействия со стороны государства на родителей, которые ненадлежащим образом осуществляют свои родительские права и обязанности.

Факты домашнего насилия как основание для ограничения и лишения родительских прав. Из 28 дел об ограничении или лишении родительских прав из-за домашнего насилия 8 дел (29 %) – это дела об ограничении родительских прав и 20 дел (71 %) – дела о лишении родительских прав. Эти данные показывают, что домашнее насилие – в большей мере предмет разбирательства о лишении родительских прав.

² О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Фабулы дел об ограничении и о лишении родительских прав, как правило, очень похожи [6, с. 276]. Различие по большому счету заключается в своего рода «концентрации» негативных составляющих в поведении родителя и их отрицательном влиянии на несовершеннолетнего. Этот вывод косвенно подтверждает и то, что нам встретились три судебных акта по искам о лишении родительских прав, рассмотрев которые суд вынес решение об отказе в лишении родительских прав, но при этом ограничил ответчика в родительских правах¹. И именно поэтому в доктрине высказывается позиция о том, что «ограничение родительских прав должно рассматриваться в обязательном порядке как промежуточная мера, предшествующая лишению родительских прав» [7, с. 77].

На практике основания для ограничения или лишения родительских прав имеют место одновременно и в совокупности, причем могут сочетаться как различные факты домашнего насилия (например, необеспечение ребенка полноценным питанием и нуждаемость ребенка в медицинской помощи и неоказание ее родителем²), так и факты домашнего насилия с иными обстоятельствами (например, нуждаемость ребенка в медицинской помощи и неоказание ее родителем и алкоголизм родителя несовершеннолетнего³). Именно таких дел абсолютное большинство. Из проанализи-

¹ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17 мая 2022 г. по делу № 88-17413/2022; Решение Калининского районного суда г. Тюмени (Тюменская область) № 2-3493/2020 2-3493/2020~М-2871/2020 М-2871/2020 от 13 июля 2020 г. по делу № 2-3493/2020; Решение Дмитровского городского суда (Московская область) № 2-1409/2020 2-1409/2020~М-699/2020 2-876/2020 М-699/2020 от 7 февраля 2020 г. по делу № 2-1409/2020.

² Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24 марта 2022 г. № 88-6398/2022.

³ Решение Чулымского районного суда (Новосибирская область) от 17 марта 2021 г. по делу № 2-168/2021.

зированных дел нам не встретилось ни одного дела, в котором бы заявленные требования были основаны на каком-то одном фактическом обстоятельстве, даже если это факт физического насилия или жестокого обращения с ребенком.

Относительно того, как часто выделенные нами факты домашнего насилия встречались в делах об ограничении и лишении родительских прав, мы вывели следующую статистику (в скобках указан процент таких дел от общего количества проанализированных дел и от количества дел, в которых фигурировали факты домашнего насилия):

физическое насилие в отношении ребенка — 1 дело (1% / 4%);

физическое насилие в отношении второго родителя (как правило, матери) либо близкого родственника — 3 дела (3% / 11%);

психологическое насилие в отношении второго родителя (как правило, матери) — 2 (2% / 7%).

психологическое насилие (оскорбления, скандалы) в отношении ребенка — 2 дела (2% / 7%);

оставление родителем ребенка одного без присмотра (в том числе бродяжничество) — 4 дела (4% / 14%);

нуждаемость ребенка в медицинской помощи и неоказание ее родителем — 9 дел (9% / 32%);

необеспечение ребенка полноценным питанием и минимально необходимыми для жизни вещами — 8 дел (8% / 29%).

Эти данные демонстрируют, что сегодня непосредственно психологическое или физическое насилие, а равно жестокое обращение с ребенком не являются первопричинами, которые определяют возбуждение дела об ограничении или лишении родительских прав. Намного чаще на практике встречаются случаи оказания родителями косвенного домашнего насилия в отношении своего ребенка.

Физическое насилие, а равно психологическое воздействие на несовершеннолетнего рассматриваются судебной практикой только как основание для лишения родительских прав, но не для их ограничения¹. При этом факты косвенного домашнего насилия в равной мере фигурируют как в делах об ограничении родительских прав, так и в спорах о лишении родительских прав.

Доля удовлетворенных исков об ограничении родительских прав по делам о домашнем насилии составляет 100 %, при том что в спорах об ограничении родительских прав, где данные обстоятельства не фигурируют, доля выигранных дел ниже – 75 %.

Лишение родительских прав по делам о домашнем насилии происходит в 50 % случаев, доля выигранных дел по искам о лишении родительских прав в ситуациях, не связанных с домашним насилием, составляет 65 %.

Иными словами, правоприменитель старается выносить решения о лишении родительских прав в реально критических ситуациях, когда иной способ не поможет защитить права и интересы несовершеннолетнего [8, с. 61]. Отчасти поэтому по данной категории дел можно встретить немало решений, в которых суд указывает на то, что основания для лишения родительских прав не доказаны.

Именно такое решение суда мы увидели по единственному встретившемуся нам в анализируемом периоде случаю применения физического насилия отцом к своему ребенку. Так, согласно обстоятельствам дела «в конце 2012 года со

¹ Нам встретилось лишь одно исключение из этого правила, когда оказание родителем ребенка психологического насилия (оскорбления) в отношении ребенка послужило основанием для ограничения родительских прав. См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 5 апреля 2022 г. по делу № 88-5050/2022. Однако в этом споре было установлено, что ребенок не видел своего родителя на протяжении нескольких лет и поддерживал иски требования.

слов сына ... ей стало известно о том, что ответчик, прикрыв попу трехмесячной дочери газетой в целях сокрытия синяков, сильно бил по ней рукой. Она вызвала фельдшера, которая тоже видела синяки на попе ребенка, и обратилась в правоохранительные органы. Однако ввиду отсутствия видимых телесных повреждений никаких мер принято не было». При рассмотрении дела ответчик факт применения физического насилия к дочери отрицал, данный факт не был подтвержден и участковым уполномоченным полиции, а показания свидетеля, являющегося заинтересованным в исходе дела лицом в силу близкого родства (сын истца), с учетом давности событий и его возраста на момент описываемых им событий, отсутствия иных доказательств применения ответчиком физического насилия к дочери суд признал недостоверными².

В части факта применения физического насилия к близким родственникам ребенка как основания для лишения родительских прав судебная практика исходит из следующего.

Если данные обстоятельства подтверждены вступившим в силу приговором суда, то это может послужить весомым доводом в пользу лишения родительских прав³. Однако «лишение родительских прав по указанному основанию является правом суда, а не бесспорно вытекает из одного факта постановления приговора в отношении родителя» [9, с. 230].

Если после вступления приговора в силу такой родитель изменяет свое поведение, начинает проводить время с ребенком, заниматься его воспитани-

² Решение Варгашинского районного суда (Курганская область) № 2-280/2019 2-5/2020 2-5/2020(2-280/2019)~М-261/2019 М-261/2019 от 28 июля 2020 г. по делу № 2-280/2019.

³ Решение Мытищинского городского суда (Московская область) № 2-2685/2020 2-2685/2020~М-63/2020 М-63/2020 от 23 июля 2020 г. по делу № 2-2685/2020.

ем, то для суда это сигнал к тому, чтобы отказать в заявленных требованиях и дать такому родителю шанс «доказать свое исправление и восстановить поврежденные родственные связи... в интересах детей»¹. Иными словами, «судьи, рассматривающие дела о лишении родительских прав, оценивают все обстоятельства, имеющие значение для дела, и ориентированы на проведение с родителем, не справляющимся со своими обязанностями, коррекционно-реабилитационной работы» [10, с. 96].

Нанесение побоев матери ребенка его отцом в присутствии несовершеннолетнего также не признается практикой как достаточное основание для лишения отца родительских прав².

Оказание психологического воздействия со стороны родителя на ребенка само по себе не признается в качестве достаточного основания для лишения родительских прав³, так как не согласуется с исключительным характером данной меры. Применение психологического насилия отцом к матери или брату ребенка также не является достаточным основанием для лишения родительских прав⁴. Однако если психологическое насилие в отношении ребенка одновременно сопровождается таковым в отношении его матери, то суд может удовлетворить требование о лишении отца родительских прав⁵.

¹ Решение Промышленного районного суда г. Самары (Самарская область) № 2-100/2020-2-5700/2019 от 7 февраля 2020 г. по делу № 2-100/2020.

² Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28 января 2021 г. № 88-2394/2021.

³ Апелляционное определение Московского городского суда (г. Москва) от 26 ноября 2021 г. по делу № 33-43801/2021.

⁴ Решение Балашихинского городского суда (Московская область) № 2-113/2020-2-113/2020(2-6290/2019)~М-5642/2019-2-6290/2019 М-5642/2019 от 14 января 2020 г. по делу № 2-113/2020.

⁵ Решение Шахтинского городского суда (Ростовская область) № 2-2883/2020

Вместе с тем применение психологического насилия родителем к своему ребенку может служить основанием для ограничения родительских прав как более мягкой меры семейно-правовой ответственности⁶.

В отношении косвенного домашнего насилия судебная практика демонстрирует большую склонность ограничивать и лишать родителей родительских прав. Так, доля выигранных дел об ограничении родительских прав по данным категориям споров среди всех дел о домашнем насилии составляет 100 %, о лишении родительских прав — 36 %.

Заключение. Судебная практика последних лет наглядно показывает, что ограничение или лишение родителей родительских прав как мера защиты прав и интересов ребенка не является редкостью. При этом правоприменитель максимально стремится сохранять за родителями их родительские права.

И это актуально даже для случаев домашнего насилия: если данные обстоятельства достоверно не доказаны или родитель, несмотря на совершенное преступление против жизни и здоровья членов своей семьи, демонстрирует исправление своего поведения, то суд не лишит такого родителя его родительских прав.

На жестокое обращение с детьми, в том числе побои, практически не ссылаются в делах об ограничении и лишении родительских прав, а если и говорится о физическом насилии, то лишь как об одном из обстоятельств, приведенных в обоснование заявленных исковых требований. Причем суды нечетко мотивируют выносимые ими решения, что не позволяет с достоверностью утверждать, в какой мере ограничение или лишение родительских прав обусловлено именно

2-2883/2020~М-2326/2020 М-2326/2020 от 27 июля 2020 г. по делу № 2-2883/2020.

⁶ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 5 апреля 2022 г. по делу № 88-5050/2022.

фактом домашнего насилия или в целом общим негативным фоном, в котором живет и воспитывается ребенок.

Судебная практика по делам об ограничении родительских прав, если это связано с домашним насилием, демонстрирует 100 %-е удовлетворение исков. По делам о лишении родительских

прав доля удовлетворенных требований составляет только 50 %. И это означает тенденцию судов всеми силами сохранять родственные отношения между ребенком и его родителем и разрывать их в действительно исключительных случаях.

Список источников

1. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире : пер. с англ. / под ред. Этьенна Г. Круга и [др.]. Москва : Весь Мир, 2003. 376 с.
2. Щепельков В. Ф. Практика применения в 2016 – 2019 годах статьи 156 Уголовного кодекса Российской Федерации (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего) // Мониторинг правоприменения 2019 – 2020 : труды экспертов СПбГУ / под науч. ред. С. А. Белова, Н. М. Кропачева. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 147 – 171.
3. Якушев П. А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика : монография. Москва : Проспект, 2018. 144 с.
4. Карибян С. О. Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение : монография. Москва : Юстицинформ, 2018. 192 с.
5. Фролов А. И. Лишение родительских прав. Ограничение родительских прав : конспект лекции. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. 32 с.
6. Шаталова П. В., Губайдуллина Э. Х. Проблемы правоприменительной практики лишения и ограничения родительских прав // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 3-1 (54). С. 278 – 273.
7. Шершень Т. В. Лишение родительских прав как мера защиты прав и интересов ребенка и обеспечения его безопасности // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 2 (80). С. 76 – 83.
8. Цуканова В. И. Лишение родительских прав в свете международно-правовых стандартов // Российское правосудие. 2012. № 4. С. 60 – 67.
9. Мельникова М. Б. Совершение преступления в семье как основание для лишения родительских прав // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 18-2. С. 229 – 230.
10. Соседова М. В. Ограничение в родительских правах как мера ответственности родителя, не выполняющего свои обязанности // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2019. Т. 6, № 2. С. 94 – 98.

Информация об авторе

Д. С. Петрова – младший научный сотрудник кафедры гражданского права Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, практикующий юрист, кандидат юридических наук.

Information about the author

D. S. Petrova – Research Assistant at the Civil law department of the Law faculty of St. Petersburg State University, practicing lawyer, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.57

ТРЕНЕРЫ И СПОРТСМЕНЫ КАК СУБЪЕКТЫ НАРУШЕНИЯ АНТИДОПИНГОВЫХ ПРАВИЛ

Юлия Павловна ПОПОВА

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, popova1976@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются положения российского антидопингового законодательства. Автор приходит к выводу о необходимости единообразного формулирования норм во всех нормативно-правовых актах, регулирующих спортивные отношения.

Ключевые слова: субъект ответственности, спорт, антидопинговое законодательство, спортсмен, тренер

Для цитирования: Попова Ю. П. Тренеры и спортсмены как субъекты нарушения антидопинговых правил // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 58 – 63.

Original article

COACHES AND ATHLETES AS THE SUBJECTS OF ANTI-DOPING RULES VIOLATIONS

Yuliya P. POPOVA

Tyumen State University, Tyumen, Russia, popova1976@yandex.ru

Abstract. The relevance of this study lies in the analysis of the provisions of the Russian anti-doping legislation. The author comes to the conclusion about the need for uniform formulation of norms in all normative legal acts regulating sports relations.

Keywords: subject of responsibility, sport, anti-doping regulations, athlete, coach

For citation: Popova Y. P. Coaches and athletes as the subjects anti-doping rules violations. Criminalist. 2024;3(48):58-63. (In Russ.).

Федеральным законом от 6 декабря 2011 года № 413-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 26 и 26.1 Федерального закона „О физической культуре и спорте в Российской Федерации”»¹ введена админи-

стративная ответственность за нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним (ст. 6.18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)).

---

¹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 26 и 26.1 Федерального закона «О физической культуре и спорте в

Российской Федерации»: Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 413-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Попова Ю. П., 2024

Федеральным законом от 22 ноября 2016 года № 392-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил)»¹ была установлена уголовная ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (ст. 230.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), и использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (ст. 230.2 УК РФ).

Ранее была предусмотрена только дисциплинарная ответственность спортсмена за нарушение антидопинговых правил (ст. 348.11 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ))².

Необходимость ужесточения ответственности была обусловлена, как говорилось в Пояснительной записке к законопроекту № 1027793-6 от 25 марта 2016 года³, потребностью имплементации в российское законодательство мер, предусмотренных Всемирным антидопинговым кодексом Всемирного антидопингового агентства (ВАДА). Еще одной причиной введения уголовной ответственности названы участвовавшие-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил) : Федеральный закон от 22 ноября 2016 г. № 392-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ : текст с изм. и доп. на 6 апр. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил) : Пояснительная записка к законопроекту № 1027793-6 от 25 марта 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ся случаи нарушения антидопинговых правил⁴.

В Пояснительной записке были поставлены вопросы о правильной оценке склонения спортсменов к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, об отграничении данного деяния от содействия в использовании спортсменом или в отношении спортсмена запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, за которое предусмотрена административная ответственность.

Однако закрепленные антидопинговые нормы оказались неэффективными в противодействии допингу. Антидопинговые правила федераций различных видов спорта России в связи с отсутствием системного подхода к регулированию не обеспечивают защиту спортсменов от применения в отношении их запрещенных субстанций и методов. Следствием судебных ошибок может стать привлечение к уголовной или административной ответственности невиновного лица или, наоборот, нарушение принципа неотвратимости уголовной или административной ответственности.

Кроме того, как справедливо отмечают представители медицинского сообщества, следствием ошибок может стать недостаточно эффективное лечение заболеваний у спортсменов или неосторожное нарушение антидопинговых правил и последующая спортивная дисквалификация [1].

Поэтому главная задача антидопинговых организаций заключается в защите «чистых» спортсменов и борьбе с употреблением запрещенных субстанций и методов в спорте. Выявленные случаи употребления спортсменами допинга свидетельствуют об организованных

⁴ Российский рекордсмен мира дисквалифицирован за допинг // РБК Спорт: главные спортивные новости России и мира : сайт. URL: <https://sportrbc.ru/news/575502d39a79474acad10362> (дата обращения: 24.04.2023).

схемах с участием «окружения спортсмена» [2].

С момента появления в 2016 году в Уголовном кодексе Российской Федерации превентивных охранительных антидопинговых норм по настоящее время судами России по первой инстанции было рассмотрено одно уголовное дело в 2019 году по ч. 1 ст. 230.2 УК РФ с применением судебного штрафа¹.

За последние семь лет судьями России было рассмотрено 224 административных производства по ст. 6.18 КоАП РФ: в 2022 году — 97, в 2021 году — 66, в 2020 году — 50, в 2019 году — 9, в 2018 году — 0, в 2017 году — 1, в 2016 году — 1².

Одной из проблем при рассмотрении дел данной категории является определение круга субъектов анализируемых правонарушений. Так, в Уголовном кодексе Российской Федерации (ст. 230.1 и ст. 230.2) и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 6.18) названы тренер, специалист по спортивной медицине и иной специалист в области физической культуры и спорта. К административной ответственности привлекают также спортсменов. Последние лидируют в антирейтингах³. Об этом свидетельствует

¹ Судебная статистика Российской Федерации. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации // Судебная статистика РФ : сайт. URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 27.10.2022).

² Судебная статистика Российской Федерации. Административные правонарушения. Показатели по отдельным правонарушениям // Судебная статистика РФ : сайт. URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 27.10.2022).

³ Горячая десятка допинговых скандалов года. Итоги 2021-го в препаратах и дисквалификациях // СПОРТ-ЭКСПРЕСС : сайт. URL: <https://www.sport-express.ru/doping/reviews/10-samyh-gromkih-dopingovyh-skandalov-2021-goda-lasickene-timanovskaya-rusada-meldoni-1875225/> (дата обращения: 24.04.2023).

не только мировая практика⁴, но и российская⁵. Допинговые скандалы, в которые вовлечены спортсмены, — обычное дело в соревновательный период⁶.

В данной статье мы коснемся некоторых вопросов квалификации нарушения антидопинговых правил тренерами и спортсменами. Ранее нами были рассмотрены уголовно-правовые и административно-правовые проблемы, связанные с оценкой деяний специалистов по спортивной медицине и иных специалистов в области физической культуры и спорта [3; 4].

Как и большинство уголовно-правовых и административно-правовых норм, антидопинговые нормы ст. 230.1 и 230.2 УК РФ являются бланкетными, т. е. для их уяснения требуется обращаться к иным нормативным актам, регулирующим спортивную деятельность. Одним из основных документов являются Общероссийские антидопинговые правила, утвержденные Приказом Министерства спорта Российской Федерации от 24 июня 2021 года № 464⁷. Из анализа данного документа (глава II) нельзя однозначно определить круг субъектов ответственности, за исключением самого спортсмена, а также применяемые к

⁴ Цена победы: 7 допинговых скандалов, изменивших историю мирового спорта // MarieClaire.ru : женский онлайн-журнал. URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zizny/cena-pobedy-7-dopingovykh-skandalov-izmenivshikh-istoriyu-mirovogo-sporta/> (дата обращения: 24.04.2023).

⁵ Самые громкие допинг-скандалы в спорте // Рамблер/спорт : сайт. URL: <https://sport.rambler.ru/other/32980442-samyh-gromkie-doping-skandaly-v-sporte/> (дата обращения: 24.04.2023).

⁶ 5 самых популярных видов допинга в спорте // Чемпионат.com: новости спорта-Чемпионат : сайт. URL: <https://www.championat.com/olympicwinter/article-3228477-5-samykh-populyarnykh-vidov-dopinga-v-sporte.html> (дата обращения: 24.04.2023).

⁷ Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил : Приказ М-ва спорта Российской Федерации от 24 июня 2021 г. № 464. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ним меры ответственности. В частности, законодатель в параграфах 2.2 и 2.3 анализируемого документа называет в числе таковых персонал спортсмена и иных лиц. Однако не персонифицирует их ни по должностям, ни по профессиональной принадлежности, ни по иным критериям. Мало того, в содержании самих параграфов вообще не упоминается об ответственности. Наличие данного термина лишь в заголовках явно недостаточно, чтобы вести речь об основании его применения. Использование законодателем побудительного наклонения глаголов в юридической интерпретации свидетельствует, скорее, о том, что говорится об обязанностях этих лиц, нежели о последствиях их несоблюдения.

В другом регулятивном нормативно-правовом акте — Федеральном законе от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»)¹ заявленная проблема решается отчасти. Так, в п. 22 ст. 2 определен спортсмен, в п. 24 этой же статьи — тренер, в п. 11.2 ст. 2 — специалист по спортивной медицине. Иные лица, как входящие в персонал спортсмена, так и не входящие в него, но потенциально способные быть субъектами нарушения антидопинговых правил, в данном Законе не определены.

Спортсмен по российскому законодательству может быть субъектом только административной ответственности за нарушение антидопинговых правил. Тем не менее в научной литературе ставится вопрос о рассмотрении его в качестве субъекта мошенничества в сфере профессиональной деятельности [5]. С предлагаемой квалификацией со-

гласиться нельзя. Во-первых, такой разновидности мошенничества в Уголовном кодексе Российской Федерации не предусмотрено. Во-вторых, признаков основного состава мошенничества в действии спортсмена, употребившего запрещенное вещество и поэтому выигравшего приз, не усматривается. Не полученная другим, добросовестным, спортсменом заслуженная награда выступает как упущенная выгода, а не как реальный ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Материальный ущерб организатору соревнования недобросовестный спортсмен также не причиняет, поскольку призовой фонд в любом случае предназначен для выплаты спортсменам — победителям и призерам. Дисквалифицированный спортсмен обязан вернуть приз. Нет признака безвозмездности, поскольку спортсмен заработал награду, вкладывая свои способности и умения. И если бы не допинг, получил бы ее на законных основаниях.

Кроме того, считаем, нет необходимости ужесточать ответственность спортсмена за нарушение антидопингового законодательства и предлагать самостоятельную уголовную норму, поскольку достаточно административными и дисциплинарными мерами противодействовать данному деянию, так как оно посягает только на общественную нравственность, что выражается в пренебрежении правилами чистой конкурентной борьбы в спорте. Принимая дополнительные субстанции, не вызванные необходимостью поддержания в норме физического состояния организма и ухудшающие его здоровье, спортсмен сознательно употребляет их. Поэтому объект охраны — здоровье — в данном случае отсутствует.

В научной литературе также определены некоторые проблемы в отношении другого субъекта нарушения антидопинговых правил — тренера.

¹ О физической культуре и спорте в Российской Федерации : Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ : текст с изм. и доп. на 24 июня 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, А. Н. Берестовым и П. В. Цветковым высказаны нарекания в отношении понятия «тренер», данного в Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Ими приводится ситуация, когда тренерской деятельностью занимаются лица, не имеющие высшего или среднего профессионального образования в области физической культуры, как признака, прямо указанного в законе. Тем не менее такие лица могут иметь различные звания (кандидата в мастера спорта, мастера спорта и др.), создавать свои клубы, секции или приглашаться в уже созданные, чтобы проводить занятия и даже готовить спортсменов к соревнованиям [5]. Действительно, спортивными нормативами, определенными в Положении о Единой всероссийской спортивной классификации, утвержденном Приказом Министерства спорта Российской Федерации от 19 декабря 2022 года № 1255, не предусмотрен образовательный ценз как требование получения спортивного разряда или звания¹. Поэтому закономерно вопрос о возможности привлечения указанных лиц к ответственности по ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, ст. 6.18 КоАП РФ, который остается без ответа ввиду отсутствия достаточного для анализа массива судебной практики [5]. Так, в п. 6 параграфа 1 раздела «Квалификационные характеристики должностей работников в области физической культуры и спорта» профстандартов этих лиц имеется оговорка, позволяющая назначать на соответствующие должности лиц, не имеющих специальной подготовки, но обладающих достаточным практическим опытом и выполняющих качественно и в полном объеме возложен-

¹ Об утверждении положения о Единой всероссийской спортивной классификации: Приказ М-ва спорта Российской Федерации от 19 декабря 2022 г. № 1255: текст с изм. и доп. на 24 янв. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ные на них должностные обязанности. Рекомендация аттестационной комиссии выявляет в этом случае лояльность выполнения заявленных требований к квалификации². Соглашаясь с высказанной авторами позицией о противоречии нормативных актов, тем не менее полагаем, что отсутствие необходимого образования, стажа работы или квалификации не может препятствовать привлечению к ответственности указанных лиц. Выполнение функций по должности и нарушение антидопингового законодательства служат основанием привлечения к уголовной или административной ответственности. Тем более позитивным началом является стремление законодателя унифицировать некоторые положения. Так, в должностных инструкциях тренера-преподавателя требование к образованию является обязательным условием назначения на должность³.

Отсутствие совокупности всех перечисленных в законе признаков тренера может выявить проблему привлечения к ответственности иностранца или апатрида как субъекта рассматриваемых правонарушений. Оценка уровня компетентности и квалификации такого приглашаемого высококвалифицированного специалиста всецело «ложится на плечи» работодателя, а потому остается законодательной «лазейкой», позволяющей тренеру иностранцу или апатриду избежать ответственности в случае нару-

² Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в области физической культуры и спорта»: Приказ М-ва здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 15 августа 2011 г. № 916н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении профессионального стандарта «Тренер-преподаватель»: Приказ М-ва труда и социальной защиты Российской Федерации от 24 декабря 2020 г. № 952н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

шения им антидопинговых норм. Наш вывод основан на положениях п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2015 года № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров»¹.

В качестве рекомендации следователям, ведущим производство по уголовному делу, и судьям, рассматри-

вающим дело об административном правонарушении, можно предложить ориентироваться на признаки тренерской деятельности, описанные в ст. 348.2 ТК РФ, которые в основном коррелируются с признаками тренера-преподавателя, указанными в Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Законодателю нужно унифицировать все эти нормы для единообразного правоприменения.

Список источников

1. Анализ обращений врачей по вопросам противодействия допингу в спорте / А. А. Деревоедов, А. В. Жолинский, В. С. Фещенко, И. Э. Высотский, И. Т. Выходец, А. А. Павлова // Спортивная медицина: наука и практика. 2022. Т. 12, № 1. С. 5–10.
2. Зеленкова И. Е., Ильин Д. С. Отчет о Всемирной международной конференции по вопросам допинга в спорте (Катовица, Польша, 4–7 ноября 2019 года) // Спортивная медицина: наука и практика. 2019. Т. 9, № 4. С. 83–84.
3. Попова Ю. П. Специалист по спортивной медицине и иной специалист в области физической культуры и спорта как субъекты нарушения антидопинговых правил // Криминалистика. 2023. № 3 (44). С. 53–58.
4. Попова Ю. П. Ответственность за применение запрещенных методов или субстанций в отношении животных, используемых в спортивных состязаниях // Криминалистика. 2024. № 1 (46). С. 69–75.
5. Берестовой А. Н., Цветков П. В. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95). С. 70–79.

Информация об авторе

Ю. П. Попова – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института государства и права Тюменского государственного университета, кандидат юридических наук.

Information about the author

Y. P. Popova – Associate Professor at the Department of criminal law disciplines of the Institute of State and Law of Tyumen State University, Candidate of Science (Law).

---

¹ О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2015 г. № 52. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная статья
УДК 343.13

ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Анна Владиславовна РАВИНСКАЯ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, ann96934348@yandex.ru*

Аннотация. В статье охарактеризована специфика первоначального этапа расследования преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, в первую очередь против здоровья, чести, достоинства, половой неприкосновенности и половой свободы личности. Особенности следственных действий рассматриваются через призму качества их производства в целях обеспечения полноты получения информации, значимой для последующих этапов расследования обозначенных преступлений.

Ключевые слова: несовершеннолетние, потерпевший, расследование, первоначальный этап, следственное действие, доказательства

Для цитирования: Равинская А. В. Особенности первоначального этапа расследования преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 64–70.

Original article

PARTICULARITY OF THE INITIAL STAGE OF INVESTIGATION
OF CRIMES COMMITTED AGAINST MINORS

Anna V. RAVINSKAYA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, ann96934348@yandex.ru

Abstract. The article describes the specifics of the initial stage of investigation of crimes committed against minors, primarily against health, honor, dignity, sexual integrity and sexual freedom of the individual. The peculiarities of investigative actions are considered through the prism of the quality of the investigative measures so that completeness of information be obtained that is significant for subsequent stages of the investigation of such crimes.

Keywords: minors, victim, investigation, initial stage, investigative action, evidence

For citation: Ravinskaya A. V. Particularity of the initial stage of investigation of crimes committed against minors. Criminalist. 2024;3(48):64-70. (In Russ.).

Первоначальный этап расследования преступлений — своеобразный фундамент последующей деятельности сле-

дователя (дознателя) по доказыванию обстоятельств, перечисленных в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Рос-

© Равинская А. В., 2024

сийской Федерации (далее – УПК РФ). Именно на обозначенном этапе показания участников уголовного процесса являются «непосредственными», т. е. не подвергшимися негативному воздействию различных факторов, в первую очередь субъективных, что повышает их достоверность. В то же время субъекту расследования необходимо своевременно определить круг неотложных следственных и иных процессуальных действий и приступить к их производству с целью полного обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов преступления.

Изучение уголовных дел и анализ судебной практики о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, показали, что значительное число ошибок и нарушений, отрицательно сказавшихся на ходе и результатах предварительного следствия, допускается на его первоначальном этапе.

Т. В. Решетникова обозначенный этап расследования определяет как «период от возбуждения уголовного дела до окончания сбора доказательств, достаточных для предъявления обвинения» и подчеркивает, что «важной задачей первоначального этапа является сбор достаточных доказательств и тактико-психологической информации об основных обстоятельствах расследуемого события и виновности в выявленном преступлении конкретных лиц» [1, с. 220]. А. А. Закатов отмечает, что «именно на первоначальном этапе расследования принимаются экстренные меры к обнаружению и фиксации следов преступления, собиранию вещественных и иных доказательств» [2, с. 38].

Принимая во внимание, что рассматриваемый этап начинается с возбуждения уголовного дела, нами предлагается краткий анализ отмеченной стадии. Обычно поводом для возбуждения уголовного дела, по которому потерпевшим является лицо, не достигшее 18 лет, слу-

жит заявление очевидцев, родителей, родственников, узнавших о случившемся из первых уст, как правило, если потерпевший малолетний. При этом несовершеннолетние старшего подросткового возраста (15–17 лет) нередко сообщают самостоятельно о противоправных действиях в правоохранительные органы, что объясняется уровнем их психофизиологического развития.

Проверка информации о совершенном деянии, запрещенном уголовным законом, играет особую роль на первоначальном этапе расследования, поскольку обычно осложняется тем, что между событием и заявлением в правоохранительные органы проходит немало времени, причиной чего нередко является чувство страха и стыда потерпевшего (в основном по преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности). Более того, нередко несовершеннолетние в силу своего возраста, отсутствия жизненного опыта не осознают, что деяние, совершенное в отношении их, является преступным. Непонимание произошедшего, таким образом, оказывает влияние на уровень латентности рассматриваемых преступлений.

Проверка осуществляется путем реализации принудительных способов собирания доказательств – получения объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребования и изъятия документов и предметов, их исследования, назначения судебных экспертиз, производства осмотра места происшествия и других согласно ст. 144 УПК РФ. При наличии достаточных оснований орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь в пределах установленной законом компетенции возбуждают уголовное дело (ст. 146 УПК РФ).

К сожалению, законодатель не конкретизировал особенности получения объяснения от несовершеннолетнего и

осуществления ряда других процессуальных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела, вследствие чего можно утверждать о неочевидности возможности субъекта проверки привлекать педагога и (или) психолога для содействия в проведении необходимых действий.

По справедливому мнению В. Н. Карагодина, начинать проверку представляется логичным с опроса заявителей и установления психологического состояния несовершеннолетнего. Если очевидцы произошедшего с потерпевшим незнакомы, то у них выясняются исключительно обстоятельства наблюдавшегося ими события, а также признаки внешности и особенности поведения виновного. Кроме того, с участием очевидцев могут быть изготовлены композиционные или рисованные портреты субъекта преступления. Непосредственно у родителей либо иных близких родственников несовершеннолетнего кроме указанных выше вопросов выясняются личностные особенности и самочувствие потерпевшего после случившегося. Специалиста-психолога рекомендуется привлекать как можно раньше для определения возможности опроса, в последующем — допроса несовершеннолетнего потерпевшего, а также выбора наиболее эффективных приемов их проведения [3, с. 96–97].

Очевидно, что дети и подростки (вне зависимости от возраста) нуждаются в помощи специалиста в области психологии несовершеннолетних еще до возбуждения уголовного дела. Осмелимся утверждать, что поскольку законодатель допускает возможность привлечения специалиста для участия в перечисленных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ действиях, в частности при получении объяснений, то законодательные препятствия привлечения психолога и (или) педагога отсутствуют.

После возбуждения уголовного дела начинается расследование преступления, в ходе которого устанавливаются все обстоятельства, подлежащие доказыванию, осуществляется оценка полученных доказательств в соответствии с критериями, указанными в ст. 88 УПК РФ.

Так, Н. В. Кручинина полагает, что «деятельность, направленная на проверку достоверности доказательств, включает в себя несколько этапов, которые в целом вписываются в общий познавательный процесс. Так, речь идет о построении модели следственной ситуации, ее изучении, об определении ключевой проблемы, а также установлении основного направления расследования. После чего на основе имеющейся информации следователь разрабатывает следственные версии, изучает сформулированные версии, ставит новые задачи расследования, а также определяет модель решения таких задач» [4, с. 184].

При планировании расследования преступления следователь (дознатель) выдвигает общие и частные следственные версии и выводит из них логические следствия, подлежащие проверке, с целью проведения которой он планирует, организует и осуществляет различные следственные и иные процессуальные действия и поручает сотрудникам органа дознания проведение необходимых оперативно-разыскных мероприятий.

План расследования должен предусматривать действия, направленные на проверку достоверности, уточнение фактических сведений, а также на поиск и сбор новых данных, предупреждение возможных попыток не только виновных, но и иных заинтересованных лиц скрыть следы преступления. Выбор первоначальных следственных действий и определение последовательности их проведения зависят от характера следственной ситуации.

Алгоритм, которому должен следовать субъект расследования, не опреде-

лен, в связи с чем невозможно обойти вниманием вопрос последовательности производственных и иных процессуальных действий, поскольку ответ на него способствует организации и планированию расследования преступления. Позволим себе предложить оптимальную, на наш взгляд, последовательность действий следователя (дознавателя) при расследовании преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних.

Одним из основных доказательств виновности подозреваемого в совершении преступления в отношении лица, не достигшего возраста 18 лет, являются показания потерпевшего, в связи с чем предварительное следствие рационально начинать именно с его допроса при условии, что этому не препятствует его психическое, а в ряде случаев и физическое состояние. Если несовершеннолетний нуждается в соответствующей реабилитации, то допрос следует отложить до стабилизации его состояния. В любом случае взаимодействие с психологом, который способен оказать поддержку и психологическую помощь несовершеннолетнему, помочь в определении готовности последнего к производству следственных и иных процессуальных действий, является целесообразным.

Правила проведения допроса несовершеннолетнего определены в ст. 191 УПК РФ. Особенности психофизиологического развития детей и подростков определяют особый подход к ним на всех стадиях уголовного процесса, в связи с чем представляется правильным выделить специфику порядка и условий производства как допроса, так и других следственных действий с их участием.

Во время допроса потерпевшего субъект расследования, используя необходимые тактические приемы, должен получить полные и достоверные сведения об обстоятельствах, связанных с расследуемым преступлением, не травмируя при

этом психику несовершеннолетнего, которая и так подверглась негативному воздействию. В первую очередь следователю (дознавателю) следует установить психологический контакт с несовершеннолетним, учитывая его состояние, возрастные особенности развития.

Поскольку несовершеннолетние каждой возрастной категории — раннее детство (от рождения до 3 лет); дошкольный возраст (от 3 до 6–7 лет); младший школьный возраст (от 6–7 до 10 лет); средний школьный возраст (от 11 до 14 лет); старший школьный возраст (от 15 до 18 лет) [5, с. 86] — обладают определенными чертами характера и соответствующим уровнем развития, следователю (дознавателю) в процессе подготовки к допросу необходимо учитывать индивидуальные особенности несовершеннолетнего потерпевшего. При этом, независимо от возраста допрашиваемого, важно стремиться не только к конкретизации всех деталей произошедшего, но и к достоверному их изложению.

Так, при формировании доказательственной базы на первоначальном этапе расследования анализируемых преступлений отдельное внимание необходимо уделять проверке достоверности получаемой информации, поскольку ее главным источником является потерпевший, не достигший возраста 18 лет, а несовершеннолетние склонны к оговору невиновного лица по различным причинам: из мести, страха, неприязненного отношения, желания привлечь к себе внимание. Кроме того, они не предупреждаются об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний (в возрасте до 16 лет) согласно ч. 2 ст. 191 УПК РФ, что затрудняет ход расследования в части производства допроса несовершеннолетнего и требует от следователя (дознавателя) профессионально коммуникативных качеств и подготовки.

Следственные действия с участием несовершеннолетних потерпевших должны проводиться в соответствии с ч. 5 ст. 191 УПК РФ с применением видеозаписи, посредством которой запечатлевается психическое состояние допрашиваемого, особенности мышления и изложения преступного события, а также возможные попытки воздействия на него со стороны субъекта расследования, любых заинтересованных лиц. Кроме того, в дальнейшем видеозапись может являться объектом экспертного исследования, результаты которого помогут в обеспечении полного и объективного рассмотрения уголовного дела судом. Парадоксально, однако при наличии перечисленных положительных сторон применения видеозаписи существует проблема отказа несовершеннолетнего потерпевшего и (или) его законного представителя от видеофиксации. В условиях ограниченного объема публикации данная проблема лишь обозначается, однако подробно будет рассмотрена в последующих исследованиях.

Существенное значение при формировании доказательственной базы имеют результаты допроса не только потерпевшего, но и свидетелей (нередко несовершеннолетних), а также подозреваемого. Подозреваемые чаще всего вину в совершении инкриминируемого им деяния не признают, что объясняется спецификой инкриминируемого деяния — против половой неприкосновенности и половой свободы личности, чести, достоинства и здоровья несовершеннолетнего, в связи с чем в ходе их допроса применяется прием детализации показаний в целях получения сведений, известных только непосредственным участникам события.

Осмотр места происшествия имеет исключительное значение, он, как правило, предшествует большинству других следственных действий, поскольку уголовно-процессуальный закон допу-

скает возможность его производства до возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 176 УПК РФ). Для обеспечения эффективности обнаружения следов преступления в ходе осмотра места происшествия используются сведения об обстоятельствах произошедшего, отраженные в сообщении о преступлении, объяснениях и иных сведениях. Подчеркнем необходимость изъятия в ходе осмотра места происшествия всех предметов, потенциально относящихся к событию преступления, в том числе предметов одежды подозреваемого и потерпевшего, с обязательным указанием в протоколе места их обнаружения.

Статья 196 УПК РФ ориентирована на обеспечение качества расследования преступлений, в частности совершенных в отношении несовершеннолетних. Следователь (дознатель) инициирует производство судебных экспертиз с целью как установления обстоятельств преступления, способности потерпевшего давать показания, так и определения психического состояния и вменяемости подозреваемого, идентификации его по выявленным следам. Так, типичными судебными экспертизами являются комплексная психолого-психиатрическая, судебно-психологическая, судебно-медицинская и др.

Особое внимание предлагается уделить психолого-лингвистической экспертизе, которая незаменима и проводится с целью определения соответствия используемой потерпевшим лексики его возрасту и уровню развития. При производстве отдельных следственных действий с участием несовершеннолетнего обязательно применение видеозаписи (при условии, что несовершеннолетний и (или) его законный представитель не возражают против этого). Полученные материалы возможно направить на рассматриваемую судебную экспертизу, что имеет определенные преимущества для

всестороннего и объективного предварительного расследования.

Значительная часть преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, — это преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Как правило, в подобных случаях судебно-медицинской экспертизе предшествует освидетельствование потерпевшего, которое не заменяет экспертизу, при этом позволяет незамедлительно выявить и зафиксировать следы преступления, в дальнейшем необходимые для проведения соответствующих исследований. Важно отметить, что при проведении освидетельствования рационально применение фотографирования в соответствии с требованиями ч. 5 ст. 179 УПК РФ, т. е. с согласия освидетельствуемого лица, если возникает необходимость его обнажения.

В связи с тем, что под следами преступления понимаются любые изменения среды, возникшие в результате совершения преступления, освидетельствование несовершеннолетнего не ограничивается выявлением повреждений на его теле, должно также устанавливаться наличие различных веществ — грязи, крови, иных жидкостей. Во всех случаях в ходе освидетельствования у потерпевшего необходимо получать срезы краев ногтевых пластин для производства судебно-медицинской экспертизы.

Наличие следов преступления на одежде и личных вещах несовершеннолетнего потерпевшего обуславливает неотложность их выемки и осмотра. Отсутствие следов на изъятых объектах является основанием для выдвижения и проверки версии о возможности оговора. Например, если из показаний потерпевшего следует, что его одежда была разорвана во время совершения насильственных действий, а вещь при тщательном ее осмотре оказывается целой либо следователю (дознавателю) удастся

установить, что предъявленный предмет одежды и вовсе не был на потерпевшем в момент преступного посягательства, можно установить ложность заявления и побудить лицо к даче правдивых показаний. В ходе детального осмотра объектов, изъятых в ходе выемки, субъект расследования должен обеспечить полноту фиксации обнаруженных на вещах следов в протоколе осмотра предметов, сфотографировать, принять меры к их сохранности.

В отношении подозреваемого освидетельствование, выемка и осмотр его одежды проводятся с учетом специфики слеодообразования, например, если виновным совершено преступление против жизни, здоровья и (или) половой неприкосновенности либо половой свободы личности, прежде всего должно быть обращено внимание на признаки, присущие попыткам оказать ему сопротивление: следы от зубов, ногтей и др.

Резюмируя, подчеркнем, что при расследовании анализируемых преступлений наиболее значимыми первоначальными следственными и иными процессуальными действиями являются: допрос непосредственно заявителя или иного источника информации о преступлении; осмотр места происшествия; допрос свидетелей, в том числе членов семьи, родственников, близких несовершеннолетнего, друзей, одноклассников (несовершеннолетние информацию о совершенном в отношении их преступлении нередко доверяют именно ровесникам); допрос подозреваемого (в любом случае), его освидетельствование, осмотр и выемка его одежды (при совершении преступления против жизни, здоровья и половой неприкосновенности либо половой свободы личности); освидетельствование несовершеннолетнего потерпевшего (в любом случае), его допрос, осмотр и выемка одежды (при совершении преступления против жизни, здоровья и половой неприкосновенности либо

половой свободы личности); назначение типичных судебных экспертиз.

На первоначальном этапе расследования преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, следственные и иные процессуальные действия направлены главным образом на выявление и установление ключевых обстоятельств произошедшего, частности конкретного лица к совер-

шению преступления. Эффективность и качество организации и планирования первоначального этапа расследования зависят от профессионализма следователя (дознавателя), своевременного выбора им следственных и иных процессуальных действий, знания тактики их производства, особенно с участием несовершеннолетних потерпевших разной возрастной категории.

Список источников

1. Решетникова Т. В. Некоторые организационно-тактические особенности первоначального этапа расследования незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ) // Общество и право. 2010. № 5. С. 219–222.
2. Закатов А. А. О производстве первоначальных неотложных следственных действий // Межвузовский сборник научных трудов, Свердловск. 1988. С. 35–39.
3. Карогодин В. Н. Расследование умышленных преступлений против жизни, половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних : монография. Москва : Проспект, 2018. 212 с.
4. Кручинина Н. В. Проблемы теории и практики проверки достоверности уголовно-релевантной информации в досудебном процессе : монография. Москва : Вердикт-1М, 2003. 296 с.
5. Равинская А. В. «Несовершеннолетие» через призму уголовного процесса, детской психологии и психиатрии // Криминалистика. 2023. № 4 (45). С. 85–91.

Информация об авторе

А. В. Равинская – аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

A. V. Ravinskaya – Postgraduate Student at the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.13

О НЕОБХОДИМОСТИ ВНЕДРЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РОССИЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Дарья Алексеевна РУДЕНКО

Коллегия адвокатов Санкт-Петербурга «Ленрезерв», Санкт-Петербург, Россия,
d.rudenko@lenrezerv.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу о необходимости нормативного закрепления концепции электронного уголовного дела в Российской Федерации. Автор оценивает имеющиеся разработки в сфере цифровизации уголовного судопроизводства и делает последовательные выводы об их фрагментарности. Констатируется, что основным звеном, вокруг которого может формироваться единая программа цифровизации уголовного судопроизводства, является концепция электронного уголовного дела. Перспективы разработки системы электронного уголовного дела в Российской Федерации рассматриваются через призму зарубежного опыта. Демонстрируются и обосновываются выявленные первоосновы, от которых предлагается отталкиваться при разработке проектов законодательных изменений. В частности, автором разработана система взаимосвязанных принципов, которые должны быть положены в основу концепции электронного уголовного дела в Российской Федерации.

Ключевые слова: электронное уголовное дело, цифровизация уголовного судопроизводства, электронное судопроизводство, оптимизация, концепция, принципы

Для цитирования: Руденко Д. А. О необходимости внедрения концепции электронного уголовного дела в российское уголовное судопроизводство // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 71 – 78.

Original article

ON THE NECESSITY TO INTRODUCE THE CONCEPT OF ELECTRONIC CRIMINAL CASE INTO RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Daria A. RUDENKO

Bar Association of St. Petersburg «Lenrezerv», St. Petersburg, Russia, d.rudenko@lenrezerv.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of the need for normative enshrinement of the concept of electronic criminal case in the Russian Federation. The author evaluates the available developments in the field of digitalization of criminal proceedings and draws consistent conclusions about their fragmentary nature. In the course of the analysis, the author states that the main link around which a unified program of digitalization of criminal proceedings can be formed is the concept of an electronic criminal case. The prospects for the development of an electronic criminal case system in the Russian Federation are considered through the prism of foreign experience. The fundamental principles identified by the author are demonstrated and substantiated as the starting point in preparing draft legislative amendments. In particular, the author has developed a system of interrelated principles that should be the basis for the concept of electronic criminal proceedings in the Russian Federation.

© Руденко Д. А., 2024

Keywords: electronic criminal case, digitalization of criminal proceedings, electronic legal proceedings, optimization, concept, principles

For citation: Rudenko D. A. On the necessity to introduce the concept of electronic criminal case into Russian criminal proceedings. *Criminalist*. 2024;3(48):71-78. (In Russ.).

В российских правовых реалиях вопрос о необходимости цифровизации уголовного судопроизводства привлекает пристальное внимание специалистов указанной сферы в связи с тем, что уже применяемый в данной области инструментарий оказался внедрен точно экспериментальным образом. В последнее десятилетие о назревшей потребности в переходе уголовного судопроизводства на новый уровень применения достижений технологического прогресса высказались едва ли не все самые авторитетные авторы в области уголовного процесса. Так, профессором Е. Р. Россинской был осуществлен подробный анализ формирования информационно-цифровых сред обеспечения досудебного и судебного-экспертного производства через призму развития гибридных интеллектуальных методик расследования и раскрытия преступлений [1], доктором юридических наук Л. А. Воскобитовой проведено исследование цифровизационных процессов в контексте практики возбуждения уголовного дела [2], а выдающимся ученым Л. В. Головкин сделан вывод о неизбежности оптимизации уголовно-процессуальных форм и институтов, что, по его мнению, не несет рисков для традиционного правосудия по уголовным делам [3].

Бесспорно то, что отдельные изменения в уголовно-процессуальном законе уже являются важным шагом на пути оптимизации судопроизводства. В то же время анализ имеющихся уголовно-процессуальных новелл позволил обоснованно усомниться в достижении цели, которая ставилась разработчика-

ми практико-ориентированных решений при внедрении инновационных инструментов и плодов цифровизации в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ). Указанный тезис может быть продемонстрирован на примере не столь давно реализованных инициатив перехода к использованию электронных документов в уголовном судопроизводстве. В частности, появившаяся в УПК РФ статья 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве» закрепила возможность подачи соответствующих процессуальных документов в электронной форме и аналогичного изготовления (за небольшим исключением) судебных решений, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью. Однако в силу фрагментарности регулирования и отсутствия как единой для всех стадий и субъектов цифровой платформы-программы, так и ее уполномоченного координатора и администратора, «революционность» использования подобных документов нивелируется, поскольку они приобретают привычную бумажную форму, будучи распечатанными для приобщения к уголовному делу.

Более того, рассуждая о недостижении целей цифровизации, следует признать, что отдельные акты «противодействия» общеприменимости цифровизационных процессов со стороны субъектов уголовно-процессуальной деятельности обусловлены отсутствием программы концептуальной и системной цифровизации. Например, практикующие специалисты зачастую могут наблюдать, как судебная систе-

ма беспрепятственно обходит правила о необходимости аудиопротоколирования судебных заседаний, составляя акт о техническом сбое. Подобная порочная практика не только активно используется нижестоящими судами, игнорирующими требования закона об аудиопротоколе, но и одобряется вышестоящими судами, которые указывают, что отсутствие аудиопротоколирования судебных заседаний не свидетельствует о нарушении прав осужденного, в том числе права на защиту¹. Видится, что данные случаи имеют место по той причине, что аудиопротоколирование является не необходимым элементом — гарантом стройной системы электронного уголовного дела, а фрагментарным нововведением в российском уголовно-процессуальном законе. Аналогичный вывод можно сделать в отношении применения видеозаписи в процессе производства следственных действий. Так, ст. 189.1 УПК РФ предусматривает обязательность применения видеозаписи и приобщения ее материалов к протоколу следственного действия только в случае проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи. Поскольку УПК РФ не предписывает использовать подобные цифровые процедуры в обязательном порядке, следователи достаточно редко применяют данный способ фиксации, что во многом сводит на нет любые попытки разработок в указанной области.

Таким образом, следует констатировать, что причиной недостижения конечной цели оптимизации уголовного процесса является фрагментарность. При внедрении цифровых технологий в

уголовное судопроизводство отсутствует целостная, системная программа, охватывающая деятельность всех субъектов уголовного процесса, задействованных на всех стадиях. Представляется, что основным звеном, вокруг которого может формироваться данная единая программа цифровизации уголовного судопроизводства, служит концепция электронного уголовного дела. Как верно отмечают исследователи рассматриваемой проблематики, разработка электронного уголовного дела подразумевает не просто электронную форму хранения материалов дела, а создание сложной программы, содержащей специальный алгоритм процессуального движения уголовного дела с момента его возбуждения, проведения всех необходимых процессуальных действий и до вынесения приговора [4, с. 85]. Впрочем, в авторском понимании, приговор не приостанавливает соответствующее процессуальное движение, поскольку включение стадии его исполнения также необходимо в рамках разработки электронного уголовного дела.

Практика цифровой оптимизации уголовного судопроизводства посредством перехода к «бумажной» форме ведения уголовных дел уже приняла различные воплощения в Германии, КНР, Сингапуре, Нидерландах, США, Казахстане. Аналогичные по своей природе инициативы получают свое развитие и в других правовых системах. Так, в результате внедрения современных уголовно-процессуальных и технических разработок в Республике Молдова начала функционировать система «Уголовное преследование: Е-дело», а все уголовные дела были к 2018 году оцифрованы сотрудниками прокуратуры². В Узбекистане

¹ См., напр.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28 октября 2020 г. по делу № 77-2065/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Лозовану Г. Молдавская прокуратура начала вести уголовные дела в электронном виде // Digital.Report — информационно-аналитический портал о цифровой экономике и

в соответствии с Указом Президента от 30 ноября 2017 года № УП15268 «О дополнительных мерах по усилению гарантий прав и свобод граждан в судебно-следственной деятельности»¹ были предприняты первые шаги по оптимизации и упрощению делопроизводства по уголовным делам, в том числе путем внедрения системы «Электронное уголовное дело». В результате создания локальной сети «Электронное уголовное дело» в Грузии процессуальная составляющая уголовного судопроизводства осталась в бумажном (распечатанном) виде только в части передачи дел в суд, в остальном она перенесена в электронную плоскость [5, с. 69].

Анализируя перспективы появления электронного уголовного дела в Российской Федерации, отметим, что в целях устранения некоторого отставания в сравнении с иностранными коллегами в части разработки системы электронного уголовного на сегодняшний день целесообразно использование зарубежного опыта.

Обращаясь к опыту зарубежных стран, в которых уже были успешно реализованы отдельные концепции электронного уголовного дела, можно обозначить очевидные преимущества соответствующих нововведений. К основным их достоинствам следует отнести сокращение сроков расследования.

ИКТ-политике в странах Евразии : сайт. 2017. 17 июля. URL: <http://www.digital.report> (дата обращения: 16.09.2023) ; Ciobanu A. Criminal cases digitized by prosecutors at 100 percent // The State News Agency MOLDPRES : сайт. 2018. 2 августа. URL: <https://www.moldpres.md/en/news/2018/08/02/18006853> (дата обращения: 16.09.2023).

¹ О дополнительных мерах по усилению гарантий прав и свобод граждан в судебно-следственной деятельности : Указ Президента Республики Узбекистан от 30 ноября 2017 г. № УП-5268 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан : сайт. URL: <https://lex.uz/tu/docs/3432428> (дата обращения: 11.02.2024).

Например, в Саудовской Аравии за счет внедрения прогрессивной системы ведения уголовного дела в электронном виде сроки производства по уголовным делам сократились практически на 80 процентов, что не может не быть наглядным доказательством ее эффективности [6, с. 43]. Оценивая соответствующие преимущества, нельзя умолчать и о финансовой экономии, которая будет иметь место после реализации возможных реформ. Несмотря на то, что, несомненно, интеграция цифровых технологий во все стадии уголовного судопроизводства на начальных этапах потребует значительных экономических затрат, впоследствии российское судопроизводство существенно снизит постоянные расходы. К примеру, в качестве одного из важнейших элементов электронного судопроизводства следует признать возможность электронного санкционирования следственных действий и рассмотрения ходатайств об избрании мер пресечения. Такая практика уже внедрена в Казахстане, где в результате нововведения сократились как сроки решения указанных вопросов и риски побега, так и финансовые затраты на службу конвоирования, затраты, связанные с износом автотранспорта и расходом топлива [7, с. 98].

В то же время успешная практика зарубежных коллег, которая должна быть проанализирована на предмет возможной имплементации в российский правовой порядок, намного более обширна. Она не только охватывает все стадии уголовного судопроизводства, но и зачастую нацелена на нужды конкретных его участников, что, бесспорно, должно иметь место и при разработке законодательных изменений в Российской Федерации.

Таким образом, первый тезис автора в отношении первооснов разработки концепции электронного уголовного дела

в Российской Федерации заключается в том, что опыт зарубежных стран может и должен быть проанализирован с целью оценки необходимости соответствующей законодательно закрепленной концепции и минимизации возможных ошибок.

Наиболее релевантным примером, который российский разработчик может взять за основу, является опыт Республики Казахстан, где в рамках государственной программы «Цифровой Казахстан» был реализован переход к электронному ведению уголовных дел. В результате реформ в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан закреплена «возможность лица, ведущего уголовный процесс, с учетом мнения участников уголовного судопроизводства и технической возможности ведения дела в электронном формате вынести соответствующее мотивированное постановление»¹. Заслуживает внимания взвешенное решение о сохранении в УПК Республики Казахстан порядка ведения уголовного дела в привычном, бумажном, виде. Представляется, что в силу утопизма идеи об одномоментной трансформации веками формировавшегося формата уголовного дела в электронную форму соответствующее законодательное решение отвечает целям планомерной и эффективной цифровизации уголовного судопроизводства.

Второй тезис, который должен быть обозначен в рамках определения первооснов электронного уголовного дела, заключается в том, что его концепция не должна формироваться как некий недостижимый идеал. При ее разработке следует отталкиваться от практических

¹ Государственная программа «Цифровой Казахстан»: утв. Постановлением Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 г. № 827 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан: сайт: URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827> (дата обращения: 15.10.2023).

рутинных аспектов следственной, прокурорской, судебной и адвокатской работы. Если обратиться к практикующим специалистам с вопросом о том, с какими трудностями им приходится сталкиваться в их ежедневной деятельности, каждый из них сможет назвать едва ли не десяток проблем, которые могут быть решены при помощи цифровых технологий. Следователь охотно поведаст о сшивании многотомных уголовных дел, адвокат — о многочасовых ожиданиях вывода сотрудниками ФСИН доверителя в СИЗО, судья — о проблемах извещения участвующих лиц. В данном аспекте видится оправданным мнение профессора Л. А. Воскобитовой о необходимости функционального подхода, основанного на системном анализе процессуальной деятельности [8]. Соответственно, прежде чем предлагать и инициировать внесение изменений и дополнений в действующее уголовно-процессуальное законодательство, следует выявить насущные проблемы каждого из участников уголовного судопроизводства. Подобная деятельность может осуществляться путем создания рабочих групп, объединяющих всех субъектов уголовного судопроизводства, а также методами опроса и анкетирования действующих следователей и дознавателей, прокуроров, судей, адвокатов и иных представителей уголовно-процессуальной сферы.

В то же время автору видится, что без законодательного закрепления самостоятельной концепции электронного уголовного дела все попытки применения иностранного опыта и реализации мнений практикующих специалистов будут не в полной мере эффективны для целей цифровизации уголовного судопроизводства. Российской правовой действительности необходима общая для всех ведомств концепция электронного уголовного дела. Фрагментарная реализация точечных проектов недопустима и

не отвечает целям цифровой трансформации.

Представляется, что соответствующая концепция должна выступать документом планирования, определяющим в соответствии с вызовами, стоящими перед уголовно-процессуальной системой Российской Федерации, принципы, цели и приоритетные направления деформализации уголовного судопроизводства в условиях цифровизации на конкретный период времени в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также с учетом международных норм и стандартов.

Автором предлагается привлечение к участию в соответствующих разработках представителей различных ведомств: Верховного Суда Российской Федерации и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Федеральной службы безопасности, Совета Безопасности Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов и иных при координирующей роли Генеральной прокуратуры.

Особенно важным в рамках концепции электронного уголовного дела видится закрепление предлагаемой к внедрению системы принципов, поскольку на начальных этапах реализации концепции следует общими усилиями четко определить, что будет являться руководящим началом в достижении поставленных целей. В качестве принципов реализации концепции электронного уголовного дела предлагаются следующие.

Принцип вспомогательной роли цифровых технологий, в авторском понимании, является ключевым, поскольку именно он предопределяет недопустимость утраты личностной ценности при-

нимаемых процессуальных решений в результате замены мыслящего человека искусственным интеллектом. В данном векторе следует согласиться с позицией А. Е. Григорьевой, что упрощение уголовного судопроизводства не должно исключать человеческий ресурс [9, с. 19]. Новейшие разработки, в частности искусственный интеллект, должны рассматриваться не в качестве аналога уголовно-процессуальной фигуры, а в роли помощника, способного оптимизировать рутинные процессы, где участие человека может быть минимизировано без ущерба фундаментальным основам судопроизводства.

Названный принцип тесно связан с принципом баланса новых средств, методов и разработок с существующими уголовно-процессуальными стандартами. Ныне имеющиеся в виде положений УПК РФ процессуальные правила формировались в ходе становления системы отечественного уголовного судопроизводства не для того, чтобы в одночасье с приходом новых технологий быть «извлеченными» из ее фундамента. В этой связи, не отрицая роль цифрового инструментария, констатируем необходимость обеспечения гарантий того, что все новые методы будут научны, обоснованны, законны, воспроизводимы, логичны, безопасны и проверены.

Следующий принцип, заслуживающий законодательного закрепления, может именоваться как принцип обеспечения надлежащего уровня защиты данных и охраняемой законом тайны. Необходимость обеспечения защиты данных и конфиденциальности во избежание фальсификации доказательств и получения несанкционированного доступа к персональным данным и охраняемым законом сведениям должна рассматриваться через призму иного принципа, а именно дифференцированной доступности.

В частности, в рамках воплощения концепции электронного уголовного дела необходимо, чтобы в пользование участников уголовного судопроизводства было предоставлено программное обеспечение, обладающее способностью дифференцировать содержащиеся материалы на отдельные информационные блоки. В зависимости от их содержания конкретные участники процесса получили бы возможность ознакомления и работы с «доступными» для них на данной стадии материалами.

Иной немаловажный принцип заключается в том, что электронное уголовное дело, как феномен, следует рассматривать в качестве инструмента облегчения взаимодействия участников уголовного судопроизводства. Соответствующее руководящее начало всецело согласуется с выдвинутым ранее тезисом о необходимости функционального подхода, который требует учесть при нововведениях неэффективные стороны деятельности каждого из участников уголовного судопроизводства.

Наконец, в рамках концепции следует отразить и такие взаимосвязанные принципы, как принцип поэтапности и принцип обеспечения цифрового равенства.

При анализе зарубежного опыта нами уже были позитивно оценены за-

конодательные положения УПК Республики Казахстан, которые предполагают возможность ведения уголовных дел как в электронном, так и в бумажном формате. Представляется, что подобный подход был взвешенно реализован иностранными коллегами с учетом потребности в поэтапной адаптации участников уголовного судопроизводства к новым реалиям.

В то же время в контексте идеи, отражающей необходимость законодательного закрепления возможности выбора формы судопроизводства, для целей адаптации следует признать и обоснованность такой планомерности в силу необходимости обеспечения цифрового равенства. В векторе ранее предложенных принципов принцип цифрового равенства предполагает равную обеспеченность цифровой инфраструктурой, а также наделение фактической возможностью восполнения цифровой неграмотности за счет применения привычных форм производства по делу.

С опорой на предлагаемые принципы видится возможной последующая конкретизация направлений оптимальной цифровизации уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Россинская Е. Р. Цифровизация судебно-экспертной и криминалистической деятельности: взаимосвязи и разграничения // Вопросы экспертной практики. 2019. № 1. С. 569–574.
2. Воскобитова Л. А. Цифровизация начального этапа уголовного судопроизводства как необходимое средство обеспечения прав потерпевших // Lex russica. 2020. Т. 73, № 4 (161). С. 53–68.
3. Головки Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
4. Шереметьев И. И. Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания // Lex russica. 2020. Т. 73, № 10 (167). С. 81–90.
5. Гридюшко П. В., Бушкевич Н. С. Об электронной форме ведения уголовного процесса // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2017. № 2. С. 67–73.

6. Познанский Ю. Н. Электронное уголовное дело в решении проблемы расследования уголовных дел в разумные сроки // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1. С. 41 – 44.

7. Руденко Д. А. Деформализация уголовного судопроизводства в контексте развития цифровых технологий: российские реалии и зарубежный опыт // Эпомен. 2021. № 66. С. 95 – 111.

8. Воскобитова Л. А. Использование функционального подхода для цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 10 (74). С. 41 – 44.

9. Григорьева А. Е. Трансформация уголовно-процессуальной формы в условиях цифровизации // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2022. № 4. С. 15 – 21.

Информация об авторе

Д. А. Руденко – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, адвокат коллегии адвокатов Санкт-Петербурга «Ленрезерв».

Information about the author

D. A. Rudenko – Postgraduate Student at the St. Petersburg State University, attorney at the Bar Association of St. Petersburg «Lenrezerv».

Научная статья
УДК 343.2/7

ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СПЕЦИАЛЬНЫМ ОСНОВАНИЯМ

Мария Александровна СЕЛИВЕРСТОВА

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
maria.seliverstova8@gmail.com*

Аннотация. В статье проанализирована практика применения специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, закрепленных в примечаниях к статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Выявлены и систематизированы ошибки, допускаемые при освобождении от уголовной ответственности по специальным основаниям. В целях устранения неопределенности уголовного закона и формирования единообразной правоприменительной практики разработаны предложения по совершенствованию некоторых терминов, применяемых при конструировании примечаний к статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, деятельное раскаяние, примечание, нереабилитирующие основания, правоприменительная практика

Для цитирования: Селиверстова М. А. Проблемы освобождения от уголовной ответственности по специальным основаниям // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 79–86.

Original article

PROBLEMS OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY ON SPECIAL GROUNDS

Maria A. SELIVERSTOVA

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, maria.seliverstova8@gmail.com

Abstract. The article analyzes the practice in application of special grounds for exemption from criminal liability, which are enshrined in the notes to the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The author has identified and systematized common mistakes made by courts when releasing from criminal liability on special grounds. In order to eliminate the uncertainty of the criminal law and to establish uniform law enforcement, proposals have been made to improve certain terms, which are used in the notes to the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: exemption from criminal liability, active repentance, note to article, for reasons other than exoneration, law enforcement practice

For citation: Seliverstova M. A. Problems of exemption from criminal liability on special grounds. Criminalist. 2024;3(48):79-86. (In Russ.).

© Селиверстова М. А., 2024

Необходимость выработки иных мер дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, обусловленная неэффективностью наказания «как единственного и безальтернативного средства в борьбе с преступностью» [1, с. 163], привела к стремительному развитию субинститута специальных оснований освобождения от уголовной ответственности.

Об этом свидетельствует, в частности, значительный рост количества примечаний к статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), содержащих специальные основания освобождения от уголовной ответственности¹, а также количества лиц, освобожденных от уголовной ответственности в соответствии с данными нормами².

Эффективность этих норм напрямую зависит от правоприменительной практики. Ошибки, систематически допускаемые правоприменителями в результате неправильного толкования норм, требуют вмешательства со стороны законодателя путем изменения формулировок, используемых при конструировании примечаний, или Верховного Суда Российской Федерации путем создания постановлений Пленума и обзоров, содержащих соответствующие разъяснения.

В результате проведенного анализа судебной практики автором были выявлены проблемы, возникающие при освобождении лиц от уголовной ответственности по специальным основаниям.

¹ В 1997 году в УК РФ было 13 специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, в 2007 году — 19, в 2017 году — 44, в 2023 году — 58.

² В 2012 году 121 лицо было освобождено от уголовной ответственности в соответствии с примечаниями к статьям Особенной части УК РФ, в 2022 году — 7 369 лиц. См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.03.2024).

1. Неприменение специального основания освобождения от уголовной ответственности в случаях, когда виновный выполнил все условия, установленные в примечании к статье Особенной части УК РФ.

Согласно пп. 1, 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» по каждому уголовному делу «надлежит проверять, имеются ли основания для применения к лицу, совершившему преступление, положений статей 75, 76, 76.1, 76.2 или 78 УК РФ». В случае, если имеется несколько реабилитирующих оснований, «суд разъясняет лицу право возражать против прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования по каждому из этих оснований и прекращает уголовное дело и (или) уголовное преследование по тому основанию, против которого оно не возражает»³.

Специальные основания освобождения от уголовной ответственности являются императивными (их применение не зависит от усмотрения дознавателя, следователя или суда) и безусловными (решение о прекращении уголовного преследования является окончательным, оно не может быть отменено в зависимости от последующего поведения лица). Также они не требуют учета данных о личности обвиняемого и других обстоятельств, кроме прямо в них предусмотренных⁴. Соответственно, при выполне-

³ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 : текст с изм. и доп. на 29 нояб. 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление мирового судьи судебного участка № 19 Баянтинского района от 23 апреля 2019 г. по делу № 1-2/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нии условий, указанных в примечании к статье Особенной части УК РФ, лицо должно быть освобождено от уголовной ответственности, за исключением случаев, когда обвиняемый возражает против прекращения уголовного дела или уголовного преследования по данному основанию.

На практике встречаются случаи, когда суды не проверяют, имеются ли по делу основания для применения примечаний к статьям Особенной части УК РФ¹, что является нарушением принципов гуманизма и справедливости.

К примеру, приговором мирового судьи подсудимый Ж. был признан виновным в совершении фиктивной постановки на учет иностранных граждан по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации. В качестве обстоятельства, смягчающего наказание, было установлено активное способствование раскрытию и расследованию преступления. Исходя из примечания 2 к ст. 322.3 УК РФ, лицо, совершившее данное преступление, освобождается от уголовной ответственности, если оно способствовало его раскрытию и если в его действиях не содержится иного состава преступления. То есть Ж. выполнил все необходимые условия для освобождения от уголовной ответственности, в связи с чем суд апелляционной инстанции отменил приговор мирового судьи и прекратил производство по уголовному делу².

Следует отметить, что указанная проблема отражена в некоторых исследованиях [2, с. 148].

¹ Постановление Сахалинского областного суда (Сахалинская область) от 8 июня 2018 г. по делу № 1-81/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/m2RYCV23IrxQ/> (дата обращения: 03.03.2024).

² Апелляционное постановление Наро-Фоминского городского суда (Московская область) от 13 июля 2020 г. по делу № 10-12/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/N3yF2opNpIIX/> (дата обращения: 03.03.2024).

Также из анализа сложившейся судебной практики следует, что при решении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности суды не всегда рассматривают возможность применения специальных оснований, отдавая предпочтение положениям ст. 76.2 УК РФ³.

Исходя из п. 2 ч. 5 ст. 446.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), если суд, рассматривая ходатайство о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа, установит иные основания для прекращения уголовного дела или уголовного преследования (как реабилитирующие, так и нереабилитирующие), то он отказывает в удовлетворении ходатайства⁴.

Соответственно, при конкуренции ст. 76.2 УК РФ и примечаний к статьям Особенной части УК РФ, содержащих специальные основания освобождения от уголовной ответственности, должны применяться последние.

2. Признание права на реабилитацию.

Исходя из п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» освобождение от уголовной ответственности по специальным основаниям «не означает отсутствие в деянии состава преступления, поэтому прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования в таких слу-

³ Постановление Верховного суда Республики Крым (Республика Крым) от 16 октября 2019 г. по делу № 44У-157/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WXbPvKb3XqdR/> (дата обращения: 03.03.2024).

⁴ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июля 2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чаях не влечет за собой реабилитацию лица, совершившего преступление».

Кроме того, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации освобождение лица от уголовной ответственности «отражает факт совершения им деяния, содержащего признаки преступления, поэтому решение о прекращении дела не влечет за собой реабилитацию лица (признание его невиновным), то есть вопрос о его виновности остается открытым»¹.

Тем не менее при применении специальных оснований освобождения от уголовной ответственности суды иногда прекращают уголовное дело на основании отсутствия в деянии лица состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), которое является реабилитирующим (п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ), а не в соответствии с ч. 2 ст. 28 УПК РФ².

Более того, при введении в текст уголовного закона нового примечания, содержащего в себе специальное основание, некоторые суды прекращали уголовное дело в соответствии с ч. 2 ст. 24 УПК РФ, полагая, что новым федеральным законом устраняются преступность и наказуемость деяния³.

Указанный подход является неверным, так как примечания к статьям

¹ По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О. В. Сушкова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 октября 1996 г. № 18-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2009 г. № 31-Д09-3 ; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 г. № 88-О11-21 ; Кассационное определение Президиума Белгородского областного суда от 28 марта 2013 г. по делу № 44У-21/2013. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

³ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Крым от 5 апреля 2022 г. по делу № 22-932/2022 ; Апелляционное постановление Верховного суда Республики Крым от 21 апреля 2022 г. по делу № 1-113/2022, 22-1154/2022. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

Особенной части УК РФ устанавливают норму об освобождении от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, а не устраняют преступность и наказуемость деяния. Подобные нарушения искажают «саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия» и влекут за собой «не основанное на законе освобождение виновного от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям»⁴.

3. Требование соблюдения положений ч. 1 ст. 75 УК РФ.

При освобождении от уголовной ответственности по правилам, предусмотренным примечаниями к статьям Особенной части УК РФ, соблюдения общих условий деятельного раскаяния не требуется⁵. Однако правоприменители иногда отказывают в освобождении от уголовной ответственности по специальным основаниям лицам, не выполнившим всех действий, указанных в ч. 1 ст. 75 УК РФ.

Например, постановлением мирового судьи подсудимая Г. была освобождена от уголовной ответственности на основании примечания 2 к ст. 322.3 УК РФ. В качестве действий, способствовавших раскрытию преступления, судья признал дачу объяснений и добровольное предоставление своего жилища для осмотра до возбуждения уголовного дела. В апелляционном представлении прокурор просил отменить указанное постановление, поскольку «Г. с добровольным сообщением о совершенном преступлении не обращалась» и «факт соверше-

⁴ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17 августа 2022 г. № 77-4194/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 : текст с изм. и доп. на 29 нояб. 2016 г. П. 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния ею противоправных действий был выявлен сотрудниками полиции в ходе проверки»¹.

Суд апелляционной инстанции оставил представление без удовлетворения, поскольку единственным условием освобождения от уголовной ответственности, указанным в примечании 2 к ст. 322.3 УК РФ, является способствование раскрытию преступления.

Таким образом, требование совершения иных позитивных постпреступных действий (например, явки с повинной) для освобождения лица от уголовной ответственности по специальному основанию², а также выполнения иных условий (к примеру, совершение преступления впервые)³, не названных в примечании к статье Особенной части УК РФ, не основано на законе. Для освобождения от уголовной ответственности лицу достаточно выполнить все условия, перечисленные в соответствующем примечании к статье Особенной части УК РФ.

4. Некорректное толкование понятий, используемых при конструировании специальных оснований.

Указанные выше примеры свидетельствуют о том, что наличие разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации не в полной мере устраняет возможность различного толкования положений уголовного закона. Иногда для решения проблем, сложившихся в

судебной практике, требуется внесение изменений в УК РФ.

Термин «если в его действиях не содержится иного состава преступления» указан в 26 примечаниях, содержащих в себе специальные основания освобождения от уголовной ответственности⁴. С момента вступления в силу УК РФ толкование данного термина вызывало трудности у правоприменителей, поскольку ранее в советском уголовном законодательстве подобное условие освобождения от уголовной ответственности отсутствовало.

Верховный Суд Российской Федерации неоднократно разъяснял, что наличие в действиях лица совокупности преступлений не является препятствием для освобождения его от уголовной ответственности по специальному основанию⁵. В таких случаях лицо освобождается от уголовной ответственности по примечанию к статье Особенной части УК РФ и несет уголовную ответственность за все иные преступления.

Однако некоторые суды полагают, что при совершении нескольких преступлений лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности по специальному основанию. К примеру, несмотря на выполнение всех условий, перечисленных в примечании 2 к ст. 210 УК РФ, Д. не был освобожден от

¹ Апелляционное постановление Кольчугинского городского суда (Владимирская область) от 2 июля 2019 г. по делу № 10-4/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WlxBio71oUY0/> (дата обращения: 03.03.2024).

² Апелляционное постановление Славянского городского суда (Краснодарский край) от 4 сентября 2019 г. по делу № 10-10/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/obdePjnrC36w/> (дата обращения: 03.03.2024).

³ Апелляционное постановление Зарайского городского суда (Московская область) от 22 мая 2020 г. по делу № 10-5/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V41WXZG2cu6N/> (дата обращения: 03.03.2024).

⁴ Для сравнения: в 1997 году подобное условие было в 7 примечаниях к статье Особенной части УК РФ, в 2007 году – в 12 примечаниях, в 2017 году – в 21 примечании.

⁵ О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 : текст с изм. и доп. на 11 июня 2019 г. П. 19. ; О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18. П. 17 (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

уголовной ответственности за участие в преступном сообществе, поскольку в его действиях «имеются признаки иных составов преступлений, связанных с мошенничеством в сфере страхования, в том числе совершенных в составе организованной группы»¹.

Указанное выше условие освобождения от уголовной ответственности «не несет в себе какой-либо функциональной нагрузки, а лишь запутывает правоприменителей» [3, с. 30–33]. Поэтому в целях устранения неопределенности уголовного закона Федеральным законом от 30 декабря 2012 года № 306-ФЗ текст примечаний к ст. 222 и 223 УК РФ был изменен: слова «если в его действиях не содержится иного состава преступления» были заменены на «освобождается от уголовной ответственности по данной статье».

Это позитивное изменение поддерживается большинством ученых [4, с. 43; 5, с. 178]. Так, В. А. Леонтьевский полагает, что от указания «на отсутствие в действиях лица иного состава преступления необходимо отказаться» [2, с. 149]. Автор солидарен с данным мнением и считает несостоятельной позицию Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой остальные примечания, содержащие в себе приведенное условие, истолковываются судами единообразно и, соответственно, не требуют изменений².

Наиболее ярким примером систематического некорректного толкования является примечание к ст. 126 УК РФ, где

¹ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11 октября 2022 г. № 77-3916/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в статьи 222 и 223 Уголовного кодекса Российской Федерации»: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 мая 2012 г. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

говорится, что лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Под добровольным понимается такое освобождение похищенного, при котором «виновное лицо осознавало, что у него имелась реальная возможность удерживать потерпевшего, но оно освободило его, в том числе передало родственникам, представителям власти, указало им на место нахождения похищенного лица, откуда его можно освободить»³.

Кроме того, судебная практика определила, что не является добровольным освобождение потерпевшего, состоявшееся после выполнения условий, выдвинутых похитителями, или обещания их выполнить, когда цель похищения была достигнута и (или) оказался утраченным смысл дальнейшего удержания потерпевшего⁴.

Следовательно, совершение иных преступлений само по себе не исключает возможность освобождения от уголовной ответственности за похищение. Если же потерпевший был освобожден после выполнения условий похитителей или обещания их выполнить, то это является препятствием для освобождения от уголовной ответственности по примечанию к ст. 126 УК РФ вне зависимости от того, образуют действия виновных иной состав преступления или нет.

Суды нередко мотивируют отказ в освобождении лица от уголовной ответственности по данному основанию на-

³ О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 58. П. 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2018 г. № 78-АПУ18-29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

личием в действиях лица совокупности преступлений.

Например, виновные похитили трех потерпевших с целью получения денежных средств в размере 3 000 000 рублей в качестве «откупных» за обнаруженные в доме потерпевшего М. наркотические средства. Потерпевшие были освобождены лишь после достижения участниками организованной группы общей преступной цели, а именно получения согласия М. на передачу им всей требуемой суммы.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации не нашла оснований для освобождения виновных от уголовной ответственности за похищение, поскольку одновременно с похищением потерпевших было выдвинуто требование о передаче чужого имущества, т. е. действия осужденных образуют совокупность преступлений, предусмотренных ст. 126 и 163 УК РФ. По мнению суда, освобождение потерпевших было осуществлено «после совершения иных составов преступлений, что исключает возможность применения к ним примечания к ст. 126 УК РФ»¹.

Автор полагает, что виновные не могли быть освобождены от уголовной ответственности не потому, что в их действиях присутствует иной состав преступления, а потому, что потерпевшие были освобождены после достижения

цели похищения. Соответственно, такое освобождение похищенных не является добровольным.

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что необходимо исключить из текста всех примечаний к статьям Особенной части УК РФ формулировку «если в его действиях не содержится иного состава преступления», заменив ее на фразу «освобождается от уголовной ответственности по данной статье», по аналогии с примечаниями к ст. 222, 223 УК РФ.

Также в целях формирования единообразной судебной практики следует дополнить примечание к ст. 126 УК РФ разъяснением следующего содержания: «Не может признаваться добровольным освобождение похищенного, если оно обусловлено выполнением выдвинутых требований или обещанием их выполнить, а также если цель похищения была достигнута или смысл дальнейшего удержания потерпевшего был утрачен». Введение подобного разъяснения поддерживается многими учеными [2, с. 151; 6, с. 10].

Следует отметить необходимость дальнейшего изучения практики применения специальных оснований в связи с введением в текст уголовного закона нового основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного ст. 78.1 УК РФ, в частности его соотношения с примечаниями к ст. 337, 338 УК РФ.

Список источников

1. Борков В. Н., Суверов С. Е. Общие и специальные виды освобождения от уголовной ответственности: назначение, цели, особенности конструирования // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 1. С. 162 – 173.
2. Леонтьевский В. А. К вопросу о конструировании примечаний к статьям Особенной части УК РФ, содержащим нормы об освобождении от уголовной ответственности // Вест-

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. по делу № 223-АПУ20-2 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/vsrif/doc/c1awsN3pElVC/> (дата обращения: 01.03.2024).

ник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2003. № 6. С. 148–151.

3. Власенко В. В. Освобождение от уголовной ответственности при совершении преступлений против физической свободы человека: проблемы законодательной регламентации и практического применения // Российский судья. 2021. № 6. С. 26–33.

4. Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право», 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Ендольцева Алла Васильевна. Москва, 2005. 50 с.

6. Антонов А. Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Антонов Антон Геннадьевич. Томск, 2013. 381 с.

7. Донцов А. В. Похищение человека: уголовно-правовой аспект : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Донцов Александр Владимирович. Ростов-на-Дону, 2003. 26 с.

Информация об авторе

М. А. Селиверстова – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.

Information about the author

M. A. Seliverstova – Postgraduate Student at the St. Petersburg State University.

Научная статья
УДК 343.13

СЛЕДСТВЕННАЯ ГРУППА КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ

Светлана Вячеславовна СТРАХОВА

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Симферополь, Россия, Svestr-2021@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы организации расследования преступлений в условиях чрезвычайной ситуации следственными группами. Проанализированы научные подходы к вопросу организации расследования преступлений следственными группами, примеры практики расследования преступлений в условиях чрезвычайной ситуации следственными группами, проблемы правовой регламентации расследования преступлений следственными группами. Сделаны выводы о том, что в условиях чрезвычайной ситуации значение межведомственного взаимодействия при расследовании преступлений существенно возрастает, а наиболее продуктивной формой организации расследования преступлений в условиях чрезвычайной ситуации является межведомственная специализированная следственная группа. Сформулировано определение следственной группы, которым предложено дополнить положения пункта 41 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Предложены формулировки редакции частей 1, 2, 3, 5 статьи 163 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, закрепляющей порядок создания следственной группы, ее состав, полномочия руководителя следственной группы и ее участников.

Ключевые слова: условия чрезвычайной ситуации, организация расследования преступлений, следственная группа, межведомственное взаимодействие

Для цитирования: Страхова С. В. Следственная группа как форма организации расследования преступлений в условиях чрезвычайной ситуации // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 87 – 95.

Original article

THE INVESTIGATIVE GROUP AS A FORM OF ORGANIZING THE INVESTIGATION OF CRIMES IN AN EMERGENCY SITUATION

Svetlana V. STRAKHOVA

Crimean Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Simferopol, Russia, Svestr-2021@mail.ru

Abstract. The article deals with the issues of organising criminal investigation by investigative groups in emergency situations. The scientific approaches to the issue of organisation of criminal investigation by investigative teams, as well as some examples of investigative practice by investigative groups in emergencies and the problems of legal regulation of criminal investigation by such investigative units are analyzed. Conclusions have been drawn that the importance of interdepartmental cooperation in the investigation of crimes by investigative teams in emergency situations significantly increases, and the most efficient form of organising criminal investigation in situations of emergency is the interdepartmental specialised investigative unit. The definition

---

© Страхова С. В., 2024

of the investigative unit is proposed, to supplement the provisions of Article 5, paragraph 41 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The authors offer the wording of parts 1, 2, 3, 5 of Article 163 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation which sets out the procedure for the establishment of the investigative unit, its composition, the powers of the head officer of the investigative unit and its participants.

Keywords: emergency situation, organisation of criminal investigation, investigative unit, interagency cooperation

For citation: Strakhova S. V. The investigative group as a form of organizing the investigation of crimes in an emergency situation // *Criminalist*. 2024;3(48):87-95. (In Russ.).

Условия чрезвычайной ситуации, которые отражены в положениях ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 1994 года № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», а также ст. 3 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», определяют специфику организации расследования преступлений, совершаемых в указанных условиях и (или) явившихся причинами их наступления.

В. Н. Григорьев по этому поводу отмечает, что «организация расследования преступлений в чрезвычайных условиях касается формирования и обеспечения деятельности специализированных следственных групп и характеризует: специальные подразделения оперативного реагирования как основу системы организации расследования преступлений в чрезвычайных условиях; порядок создания специализированных следственных групп для работы в чрезвычайных условиях; их ресурсное обеспечение; привлечение необходимых участников процесса; организацию взаимодействия следственной группы с органами внутренних дел и федеральной безопасности» [1, с. 330].

Заметим, что расследование преступлений следственной группой является примером процессуальной формы взаимодействия правоохранительных органов для решения задач предварительного расследования. Между тем Уголовно-процессуальный кодекс Рос-

сийской Федерации (далее – УПК РФ) не содержит норм, которые определяют понятие следственной группы, специализированной следственной группы, а также порядок расследования преступлений в условиях чрезвычайной ситуации. При этом ст. 163 УПК РФ устанавливает, что производство предварительного следствия по уголовному делу в случае его сложности или большого объема может быть поручено следственной группе, о чем выносится постановление или указывается в постановлении о возбуждении уголовного дела. К работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность.

В. Д. Ларичев и В. Г. Кучкина в этой связи поясняют, что на практике «для эффективного раскрытия и расследования наиболее сложных и резонансных преступлений наряду с процессуальной реализуется непроцессуальная (организационная) форма взаимодействия. Правовыми основами такого взаимодействия являются Указы Президента Российской Федерации, межведомственные и ведомственные нормативные акты» [2, с. 119]. Подобной формой взаимодействия являются следственно-оперативные группы, которые формируются для расследования конкретных преступлений.

В научной литературе следственно-оперативные группы классифицируют по ведомственной принадлежности на ведомственные и межведомственные, по функционально-целевому назначе-

нию — на специализированные следственно-оперативные подразделения и группы, по уровню организации — на районные, межрайонные, городские, на уровне субъекта Российской Федерации, региональные, межрегиональные, федерального и межгосударственного уровня [3].

Отмечая значимость взаимодействия следователя с органом дознания, Р. С. Белкин определял взаимодействие субъектов доказывания как одну из форм организации расследования преступлений, заключающуюся в «основанном на законе сотрудничестве следователя с органом дознания, согласованном по цели, времени и месту» [4, с. 256]. Совместную работу следователей и сотрудников органа дознания в составе следственно-оперативной группы Р. С. Белкин называл «наиболее продуктивной формой взаимодействия» [5, с. 431].

На наш взгляд, в условиях чрезвычайной ситуации, в которых осуществляется расследование преступлений, существенно повышается значение эффективного взаимодействия следователей с органами дознания. Примером такого взаимодействия является организация работы следственной группы Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области, которая была создана в связи с наводнением летом 2019 года. Тогда Указом губернатора Иркутской области от 27 июня 2019 года № 134-уг на территории области был введен режим чрезвычайной ситуации. Следственная группа работала в г. Тулуне, которому был причинен наибольший ущерб — стихия стерла с лица земли треть города. Всего же в Иркутской области жертвами наводнения стали 25 человек, 6 пропали без вести. Общий ущерб составил 40 млрд рублей [6]. В состав следственной группы, поясняют М. А. Митюкова и В. С. Черноусов,

«были включены следователи, следователи-криминалисты, представители отдела процессуального контроля, оперативные уполномоченные. ... Работа следователей была сосредоточена на следующих основных направлениях: проверка материалов в стадии возбуждения уголовных дел по ст. 105 УК РФ по фактам безвестного исчезновения граждан; проверка материалов и возбуждение уголовных дел по признакам ст. 293 УК РФ в отношении должностных лиц, ответственных за своевременное оповещение граждан о надвигающемся стихийном бедствии, за обеспечение их своевременной эвакуации. ... Для проведения осмотра пострадавших от наводнения домов, дачных поселков, обнаружения пострадавших лиц привлекалось большое количество сотрудников органов внутренних дел из числа опытных участковых и оперативных уполномоченных других территорий, которые были временно прикомандированы к подразделениям органов внутренних дел г. Тулуна» [7, с. 269–270].

Представляют интерес данные, которые приводят В. Г. Кучкина и В. Д. Ларичев относительно межведомственного характера взаимодействия в следственно-оперативной группе. Так, изучение «уголовных дел, которые расследовались в следственно-оперативной группе (СОГ), показывает, что в 85 % это были межведомственные группы. ... Отсутствие оперативных аппаратов в Следственном комитете Российской Федерации предполагает постоянное использование ими межведомственных СОГ. <...> Положительными сторонами такого взаимодействия являются: сокращение сроков выполнения отдельных поручений и указаний руководителя группы (53,3 %), проведение согласованного расследования, которое способно преодолеть противодействие со стороны заинтересованных лиц (33,3 %), и прочее» [8, с. 40]. «В состав группы, —

отмечают авторы, — могут включать сотрудники полиции Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации и прочие» [8, с. 39]. При этом, как точно подмечают С. А. Приданов и С. П. Щерба, создание межведомственных следственно-оперативных групп является «наиболее тесной формой взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с преступными посягательствами, позволяющей в полной мере использовать специфические возможности взаимодействующих сторон» [9, с. 182–183].

Следственной практике известны примеры создания постоянно действующих межведомственных следственно-оперативных групп. Постоянно действующие межведомственные следственно-оперативные группы были созданы во исполнение распоряжения Председателя Следственного комитета России от 2 апреля 2010 года № 51/206-р «О мерах по совершенствованию организации расследования преступлений террористического характера» в Ингушетии [10, с. 65–66] и Ставропольском крае и являются «основой успешного и качественного расследования и раскрытия уголовных дел о данной категории преступлений» [11, с. 81–82].

На основании Поручения Президента Российской Федерации от 16 июля 2010 года № 7972 в Республике Дагестан создана межведомственная оперативная группа в составе представителей Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, ФСБ России и Следственного комитета Российской Федерации для решения задач по координации работы следственных и оперативных подразделений в рамках расследования уголовных дел о преступлениях террористической направленности и повышения эффективности их совместной

деятельности¹. Работа указанной группы, пишет О. А. Васильев, «позволила улучшить результативность расследования преступлений террористической направленности» [12, с. 144–145].

Полагаем, что необходимость межведомственного взаимодействия правоохранительных органов при расследовании преступлений в условиях чрезвычайных ситуаций детерминруется в первую очередь категорией расследуемых преступлений, а также обширностью и труднодоступностью места происшествия, значительным количеством жертв, множеством объектов, подлежащих одновременному осмотру и исследованию.

В качестве примера обратимся к отдельным аспектам организации расследования терактов, в результате которых 24 августа 2004 года с разницей в одну минуту произошли две авиакатастрофы: самолета Ту-154 в небе над Ростовской областью и самолета Ту-134 — над Тульской областью, которые унесли жизни 90 человек². Расследование осуществляло управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по расследованию особо важных дел. Специалисты ФСБ России, МВД России в соответствии с Правилами расследования авиацион-

¹ В СКФО создана постоянно действующая межведомственная оперативная группа // Федеральная служба безопасности Российской Федерации : офиц. сайт. URL: http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10435594%40fsbMessage%26_print%3Dtrue.html (дата обращения: 01.07.2024).

² Расследования авиационных происшествий и инцидентов: Ту-134 RA-65080. 24.08.2004 // Межгосударственный авиационный комитет : сайт. URL: <https://mak-iac.org/rassledovaniya/tu-134-ra-65080-24-08-2004/> (дата обращения: 01.07.2024) ; Расследования авиационных происшествий и инцидентов: Ту-154 RA-85556. 24.08.2004 // Межгосударственный авиационный комитет : сайт. URL: <https://mak-iac.org/rassledovaniya/tu-154-ra-85556-24-08-2004/> (дата обращения: 01.07.2024).

ных происшествий и авиационных инцидентов с государственными воздушными судами в Российской Федерации, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 декабря 1999 года № 1329, приняли участие в расследовании причин авиакатастроф в составе комиссии Межгосударственного авиационного комитета¹.

Поскольку разлет обломков самолетов составил несколько километров², обнаружить следы, свидетельствующие о теракте, сразу не удалось. В. И. Елинский и П. Н. Коткин отмечают, что в месте падения Ту-134 следы воздействия заряда взрывчатых веществ были выявлены на осколках иллюминатора, оплавленных частях обшивки, останках тела террористки и ее личных вещах лишь на третий день. Останки второй террористки, осуществившей взрыв на борту Ту-154, были обнаружены лишь спустя месяц после катастрофы при повторном осмотре места происшествия вследствие ошибки, допущенной руководителем следственной группы, который отказался от предложения провести прочесывание местности непосредственно от места падения воздушного судна по створу его полета до хутора Урывский [13]. Полагаем, что создание межведомственной следственной группы, в состав которой были бы включены следователи и сотрудники оперативных подразделений ФСБ России, позволило бы избежать подобной ошибки путем своевременного

¹ Выводы Государственной комиссии по установлению причин катастроф воздушных судов ТУ-154 № 85556 и ТУ-134 № 65080, произошедших 24 августа 2004 года // Авиационные происшествия, инциденты и авиакатастрофы в СССР и России: факты, история, статистика : сайт. URL: <https://airdisaster.ru/reports.php?id=3> (дата обращения: 01.07.2024).

² Несколько версий одновременного крушения двух пассажирских авиалайнеров // Lenta.ru : сайт. URL: <https://lenta.ru/articles/2004/08/26/versions/?ysclid=lxaru0jme325253761> (дата обращения: 01.07.2024).

планирования и проверки версии о том, что причиной авиакатастрофы мог быть теракт.

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу о необходимости закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве понятия следственной группы, ее видов, а также совершенствования норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих порядок создания следственных групп, состав их участников и полномочия руководителей, что позволит повысить эффективность межведомственного взаимодействия при расследовании сложных, резонансных преступлений, в том числе в условиях чрезвычайной ситуации. Как справедливо замечают по этому поводу В. Д. Ларичев и В. Г. Кучкина, придание отношениям участников следственно-оперативных групп процессуального характера позволит следователям поручать входящим в группу сотрудникам органов дознания производство следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий не через начальника органа дознания, как это формально требуется в настоящее время, а непосредственно, что будет способствовать более эффективному расследованию [2, с. 121].

Вопрос о возможности включения в состав следственных групп экспертов, специалистов остается дискуссионным. Так, А. П. Кругликов полагает, что «неправильным... является включение в состав следственно-оперативных групп... экспертов-криминалистов, специалистов в области судебной медицины и других специалистов. Следователи (руководитель и участники следственно-оперативной группы) вправе привлечь к участию в процессуальных действиях определенного специалиста в порядке, установленном ст. 58 и 168 УПК РФ. Специалисты могут привлекаться к участию в расследовании, но они не должны входить в состав группы» [14, с. 81 – 82].

Между тем на практике имеются примеры включения в состав следственно-оперативных групп экспертов и специалистов. Так, во исполнение распоряжения Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2003 года № 146-р и совместного приказа Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 31 марта 2003 года № 163/208 «О порядке взаимодействия органов управления и подразделений государственной противопожарной службы МЧС России с органами внутренних дел о преступлениях, связанных с пожарами» была создана специализированная следственно-оперативная группа по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений и правонарушений, связанных с пожарами, поджогами, в том числе в лесных массивах, а также оборота древесины и лесоматериалов в Иркутской области. В состав группы вошли следователь ГУ МВД России по Иркутской области, следователь-криминалист СУ СК России по Иркутской области, оперуполномоченные ГУ МВД России по Иркутской области, эксперты судебно-экспертного учреждения Федеральной противопожарной службы «Испытательно-пожарная лаборатория» по Иркутской области и отдела пожарно-взрывотехнической экспертизы ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области, специалисты Министерства лесного комплекса Иркутской области. Включение в состав указанной следственно-оперативной группы экспертов и специалистов позволяет отнести ее к специализированным следственным группам, а участие в ней сотрудников правоохранительных органов различных ведомств свидетельствует о ее межведомственном характере.

Представляется обоснованной позиция М. С. Лубягина о необходимости расширения состава следственной группы. В современных условиях, подчеркивает автор, «с учетом совершения террористических актов на территории РФ в 2022 – 2023 гг., определена необходимость в оперативном и качественном расследовании подобных преступлений, основанном на межведомственном характере взаимодействия следователей и сотрудников оперативных подразделений, который необходимо предусмотреть в УПК РФ. ...Основными правоохранительными органами, должностные лица которых могут включаться либо привлекаться к работе межведомственных следственных групп, являются следственные органы Следственного комитета РФ, органов внутренних дел РФ. Оперативный состав... представляют должностные лица оперативных подразделений органов внутренних дел РФ и Федеральной службы безопасности РФ» [15, с. 11]. Наряду с обязательными участниками следственной группы, такими как ее руководитель и следователи, с учетом сложности и трудоемкости расследования М. С. Лубягин предлагает предусмотреть в УПК РФ «возможность включения в состав следственной группы иных субъектов уголовно-процессуальной деятельности: следователя-криминалиста, эксперта, специалиста и пр.; а также возможность привлечения к работе следственной группы должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» [15, с. 10]. Исходя из субъектного состава такие следственные группы М. С. Лубягин предлагает классифицировать как специальные [15, с. 17].

Принимая во внимание вышеизложенное, учитывая значимость взаимодействия следователей с сотрудниками оперативных подразделений для организации предварительного следствия по уголовному делу большой сложности

или объема, в том числе в условиях чрезвычайной ситуации, а также отсутствие оперативных подразделений в структуре Следственного комитета Российской Федерации, полагаем, что для наиболее эффективного осуществления предварительного следствия при указанных условиях наиболее продуктивной является такая форма организации расследования, как межведомственная специализированная следственная группа, в состав которой могут быть включены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, в том числе различной ведомственной принадлежности, а также эксперты, специалисты и переводчики. Закрепление в уголовно-процессуальном законе определения следственной группы, в том числе межведомственной и специализированной, а также порядка создания следственных групп с указанием полномочий руководителя следственной группы и ее участников будет способствовать повышению уровня организации предварительного следствия, его результативности и достижению назначения уголовного судопроизводства. В этой связи предлагаем п. 41 ст. 5 УПК РФ дополнить определением следственной группы, которое сформулировать в следующем виде:

«Следственная группа – процессуальная форма организации предварительного следствия группой следователей, а в необходимых случаях с участием должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, в том числе различной ведомственной принадлежности (межведомственная следственная группа), а также экспертов, специалистов и переводчиков (специализированная следственная группа)».

Части первую, вторую, третью и пятую ст. 163 УПК РФ предлагаем сформулировать в следующей редакции:

«1. Производство предварительного следствия по уголовному делу в случае

его сложности и (или) большого объема может быть поручено следственной группе, о чем руководитель следственного органа выносит постановление или об этом указывается в постановлении о возбуждении уголовного дела. В случае, если в составе следственной группы принимают участие должностные лица органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, о производстве предварительного следствия межведомственной следственной группой издается приказ.

2. Решение о производстве предварительного следствия следственной группой, об изменении ее состава принимает руководитель следственного органа, о чем выносит соответствующее постановление. В постановлении перечисляются все следователи, которым поручено производство предварительного следствия, указывается, какой следователь назначается руководителем следственной группы.

Решение о производстве предварительного следствия следственной группой, в составе которой принимают участие должностные лица органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, в том числе о производстве предварительного следствия межведомственной следственной группой, об изменении ее состава принимают руководители следственных органов и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, о чем издается соответствующий приказ. В приказе перечисляются все следователи и должностные лица органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, указывается, какой следователь назначается руководителем следственной группы.

В постановлении, приказе о производстве предварительного следствия специализированной следственной

группой должны быть перечислены все эксперты, специалисты, переводчики.

Состав следственной группы объявляется подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему.

3. Руководитель следственной группы принимает уголовное дело к своему производству, организует работу следственной группы, руководит действиями других членов следственной группы, составляет обвинительное заключение либо выносит постановление о направлении уголовного дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера к лицу, совершившему преступление, и направляет данное постановление вме-

сте с уголовным делом прокурору. Руководитель следственной группы вправе давать обязательные для исполнения поручения должностным лицам органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, о проведении оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий.

4. Руководитель следственной группы и следователи — члены следственной группы вправе участвовать в следственных действиях, производимых другими следователями, лично производить следственные действия и принимать решения в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Список источников

1. Григорьев В. Н. Структура теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 330–333.
2. Ларичев В. Д., Кучкина В. Г. Понятие и сущность следственной и следственно-оперативной групп // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 1. С. 118–124.
3. Улимаев Р. Ю. Следственно-оперативные группы: правовой статус, организация и деятельность : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Улимаев Радик Юрикович. Москва, 2002. 210 с.
4. Белкин Р. С. Криминалистика : учебный словарь-справочник. Москва : Юрист, 1999. 272 с.
5. Криминалистика : учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская ; под ред. Р. С. Белкина. Москва : НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 796 с.
6. Конин Д., Трофимова Е. Наводнение. Год спустя // IRCITY.RU : сайт. URL: <https://ircity.ru/text/longread/2020/07/01/70678700/?ysclid=lwnosts37w29713578> (дата обращения: 01.07.2024).
7. Митюкова М. А., Черноусов В. С. Расследование преступлений следственной группой в условиях чрезвычайной ситуации // Право в чрезвычайной ситуации: пределы и возможности : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 30 октября 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ». Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 1 электрон. диск (CD-ROM). URL : <https://lawinstitut.ru/docs/absorbed/sbornik-materialov-konferentsii-yoridicheskogo-instituta-igu-pr-p71347pdf> (дата обращения; 01.07.2024). С. 268–271.
8. Кучкина В. Г., Ларичев В. Д. Классификация следственно-оперативных групп // Научный портал МВД России. 2017. № 1. С. 38–42.
9. Приданов С. А., Щерба С. П. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. Москва : Юрлитинформ, 2002. 514 с.
10. Барахоев М. М. Особенности расследования преступлений террористического характера в Республике Ингушетия // Материалы науч.-практ. семинара (Ростов-на-Дону, 24–25 мая 2012 г.). Москва : Ин-т повышения квалификации СК РФ, 2012. С. 65–72.
11. Ширяев Р. В. Планирование и тактика производства следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам о преступлениях экстремистской и

террористической направленности // Материалы науч.-практ. семинара (Ростов-на-Дону, 24–25 мая 2012 г.). Москва : Ин-т повышения квалификации СК РФ, 2012. С. 75–82.

12. Васильев О. А. Специфика расследования уголовных дел особой сложности о преступлениях экстремистской и террористической направленности в условиях Северо-Кавказского региона // Научная жизнь. 2019. № 1. С. 139–145.

13. Елинский В. И., Коткин П. Н. Специфика организации и производства осмотра места авиационного происшествия // Российский следователь. 2009. № 20. С. 4–10.

14. Кругликов А. П. Следственные и следственно-оперативные группы: проблемы взаимодействия следователей и органов дознания при их функционировании // Уголовный процесс. 2010. № 6. С. 77–84.

15. Лубягин М. С. Следственные группы в российском уголовном судопроизводстве: теоретические основы, порядок формирования и деятельности : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Лубягин Михаил Сергеевич. Иркутск, 2024. 23 с.

Информация об авторе

С. В. Страхова – заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. V. Strakhova – Head at the Department of criminal procedure, criminalistic and participation of Public Prosecutor in criminal proceedings of the Crimean Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.13

ПРОБЛЕМА ИЗМЕНЕНИЯ ВИДА УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СУДЕ

Арсений Сергеевич СУХОДОЛОВ

Херсонский областной суд, Геническ, Херсонская область, Россия, arsenii_s@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа и обобщения действующего законодательства, судебной практики, юридической доктрины выявлены спорные вопросы, касающиеся переквалификации обвинения с публичного на частное. Доказано, что отсутствие единой системы правил вышеназванной переквалификации в уголовном судопроизводстве не только порождает квалификационные ошибки, но и снижает эффективность реализации института частного обвинения в целом. Автором сформулированы пути преодоления юридических коллизий в данной сфере правоприменения.

Ключевые слова: уголовный процесс, правоприменительная деятельность, частное обвинение, публичное обвинение, переквалификация обвинения

Для цитирования: Суходолов А. С. Проблема изменения вида уголовного преследования в суде // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 96 – 104.

Original article

THE PROBLEM OF CHANGING THE TYPE OF CRIMINAL PROSECUTION IN COURT

Arseniy S. SUKHODOLOV

Kherson Regional Court, Genichesk, Kherson region, Russia, arsenii_s@mail.ru

Abstract. Based on the analysis and the current legislation generalization, judicial practice, and legal doctrine, the article identifies controversial issues concerning the requalification of charge from public to private. It is proved that the absence of a unified system of rules for the above-mentioned retraining in criminal proceedings not only generates qualification errors, but also reduces the effectiveness of implementing the institution of private prosecution as a whole. The author has formulated the ways to overcome legal conflicts in this area of law enforcement.

Keywords: criminal proceedings, law enforcement, private prosecution, public prosecution, requalification of charge

For citation: Sukhodolov A. S. The problem of changing the type of criminal prosecution in court. Criminalist. 2024;3(48):96-104. (In Russ.).

Система уголовно-процессуальных отношений как выражение баланса и согласованности интересов личности, общества и государства всегда находилась в центре внимания мыслителей, политиков, ученых.

Современные масштабы и скорость изменений в политической, экономической и социальной сферах, безусловно, влияют и на сферу уголовно-процессуальных отношений, вновь актуализируются вопросы соотношения интере-

---

© Суходолов А. С., 2024

сов личности, государства, общества и правовых средств их защиты в данной сфере.

В этой связи ключевыми теоретико-методологическими вопросами остаются вопросы сущности и соотношения публичного и диспозитивного начал в уголовном процессе. Однако, помимо концептуальных и общих вопросов, не менее важным видится решение и частных, прикладных вопросов, связанных с сочетанием данных начал при осуществлении правоприменительной деятельности, изучение закономерностей их развития.

В настоящей статье мы остановимся на некоторых проблемных вопросах реализации публичного и диспозитивного начал с учетом таких системообразующих элементов, как интересы, их характер, носители и средства защиты.

Обвинение, как известно, может быть поддержано как соответствующим должностным лицом государственного органа, так и частным лицом, уполномоченным на то законом.

Предусмотренная законодателем возможность участия в поддержании обвинения частных лиц, наряду с государственными обвинителями, поднимает целый пласт извечных вопросов.

Так, еще в 1914 году Н. Н. Полянский отмечал, что «принципиальное решение вопроса об участии частных лиц в публичном обвинении, иначе формулируемого, как вопроса о допущении субсидиарного, дополнительного или конкурирующего, частного уголовного иска, предполагает обсуждение его в связи с основными началами государственного или должностного обвинения» [1, с. 143].

Указанные вопросы в настоящее время являются злободневными. Чаще всего возникают трудности в ситуациях, «когда в действиях лица с уже предъявленным в публичном порядке обвинением

усматриваются признаки преступления, уголовное преследование по которому осуществляется в частном порядке» [2, с. 65].

Продemonстрируем это на ряде практических примеров, связанных с необходимостью переквалификации обвинения с публичного на частное.

Например, уголовное дело было возбуждено:

по ч. 2 ст. 116 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), но в процессе предварительного расследования действия обвиняемого переквалифицированы на п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ, а затем на ч. 1 ст. 115 УК РФ, предусматривающие ответственность за преступление, уголовное дело о котором относится к делам частного обвинения (ч. 2 ст. 20, ч. 1 ст. 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ));

по ч. 1 ст. 112 УК РФ, однако в ходе предварительного расследования было установлено, что причинен легкий вред здоровью, соответственно, деяние необходимо переквалифицировать на ч. 1 ст. 115 УК РФ.

Судебной практике известны и другие варианты переквалификации обвинения с публичного на частное.

Поскольку действующим уголовно-процессуальным законодательством прямо не предусмотрена возможность переквалификации уголовного дела либо действий подозреваемого, обвиняемого, подсудимого на стадиях предварительного расследования, а также в суде, кроме как на стадии утверждения прокурором обвинительного акта (ч. 2 ст. 226 УПК РФ) или постановления (ч. 2 ст. 226.8 УПК РФ), а также при изменении обвинения прокурором в суде (ч. 8 ст. 246 УПК РФ), то вопрос об изменении обвинения с публичного на частное в юридической науке вызывает научные споры, порождая, в свою очередь, неод-

нозначные судебные выводы. Так, исследователи критически оценивают процессуальные решения судебных инстанций, когда указывается, что «переквалификация уголовного дела, возбужденного по правилам публичного обвинения, на норму УК РФ, отнесенную к частному обвинению, не влечет автоматического прекращения дела» [3, с. 71]. Большинство авторов исходят из того, что для решения вышеназванной проблемы «суды обязаны выяснить у потерпевших, желают ли они привлечь подсудимых к уголовной ответственности. Если такого желания нет, суды выносят постановление о прекращении производства по делу за отсутствием заявления потерпевшего или за примирением сторон» [4, с. 619]. Некоторые ученые-юристы (В. А. Крымов) утверждают, что в описанной выше ситуации «возбуждение уголовного дела при отсутствии обстоятельств, предусмотренных ч. 4 ст. 20, ч. 4 ст. 147, ст. 448 УПК РФ, является необоснованным, а все добытые по нему доказательства как не соответствующие ч. 2 ст. 75 УПК РФ должны быть признаны недопустимыми» [2, с. 65]. Трудно не согласиться с З. З. Тылыневой в том, что «переквалификация действий подсудимого осуществляется только в соответствии с принципом невозможности ухудшения положения подсудимого и нарушения его права на защиту. Переквалификация действий обвиняемого с изменением формы уголовного преследования также допускается только при соблюдении этого принципа» [5, с. 21].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 22 постановления от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» разъяснил: «Если судом в действиях подсудимого установлены признаки преступления, отнесенного уголовным законом к категории дел частного обвинения, и в материалах

уголовного дела имеется заявление о привлечении его к уголовной ответственности за данное преступление, но потерпевший или его законный представитель заявляют о примирении с подсудимым, дело подлежит прекращению на основании части 2 статьи 20 УПК РФ.

При отсутствии в деле заявления о привлечении подсудимого к уголовной ответственности за совершение преступления, указанного в части 2 или 3 статьи 20 УПК РФ, за исключением случаев, предусмотренных в части 4 данной статьи, суд разъясняет потерпевшему или его законному представителю право обратиться к суду с таким заявлением. Устное заявление этих лиц отражается в протоколе судебного заседания. Если заявление от них не поступит, то суд выносит постановление (определение) о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) на основании пункта 5 части 1 статьи 24 УПК РФ»¹.

«Предпосылками переквалификации уголовно-правового деяния, — подчеркивает Д. В. Сумский, — выступает несоблюдение условий правильной квалификации» [8, с. 104].

Таким образом, обобщая позиции исследователей по данному вопросу, высказанные в юридической литературе, а также с целью недопущения квалификационных ошибок в рассматриваемом направлении правоприменительной деятельности и выработки правил законной переквалификации обвинения с публичного на частное мы исходим из того, что на стадии предварительного расследования в случае необходимости переквалификации деяния на статью о преступлении, отнесенном к категории дел частного обвинения, необходимо

¹ О судебном приговоре : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55. П. 22. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

придерживаться следующего алгоритма действий:

а) вынести постановление о прекращении уголовного дела публичного обвинения (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);

б) выделить материалы из уголовного дела, относящиеся к эпизоду частного обвинения;

в) направить эти материалы в суд (с учетом положений п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ) вместе с заявлением потерпевшего.

Мы также полагаем, что если на стадии предварительного расследования в материалах уголовного дела о преступлении публичного или частно-публичного обвинения содержатся данные о преступлении частного обвинения, то дознавателю либо следователю следует составить рапорт об обнаружении признаков преступления в соответствии со ст. 143 УПК РФ и далее действовать согласно изложенному выше алгоритму в соответствии с положениями ст. 145 УПК РФ. При этом необходимо учитывать, что при наличии условий, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ, орган дознания, дознаватель, следователь может возбудить уголовное дело о любом преступлении частного обвинения. При отсутствии вышеназванных условий правоприменителю необходимо руководствоваться требованиями п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ – передать сообщение в суд в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ.

Однако передача в суд материалов по делам частного обвинения органами дознания или предварительного следствия в порядке п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ неэффективна. Так, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2022 году в суды Российской Федерации поступило 13 936 таких материалов, из которых отказано в удовлетворении по 10 960, или 78 %¹.

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт.

При этом следует отметить, что в случае поступления мировому судье материалов, направленных в порядке п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ без заявления потерпевшего либо с заявлением, не соответствующим требованиям ч. 5 ст. 318 УПК РФ, уголовное дело не будет возбуждено.

В настоящее время если обвинение по делам частного обвинения не поддержит частный обвинитель, то его не поддержит никто. За этим следуют далеко идущие последствия, поскольку судимость по ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116.1 УК РФ создает предпосылки для привлечения лица, совершившего административно наказуемые по ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях побои, к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, за преступление, уголовное преследование за которое должно осуществляться в порядке публичного обвинения. В этой ситуации закономерно возникает вопрос: не пришло ли время отказаться от возложения этой государственной задачи на наиболее процессуально слабую сторону – потерпевшего, который не только пострадал от преступления, но и не обладает техническими ресурсами, необходимыми знаниями, опытом и полномочиями?

Поскольку по делам о причинении вреда здоровью присутствует не только частный, но и публичный интерес, то реакцией государства на неспособность потерпевшего самостоятельно отстаивать свои интересы должно стать вмешательство путем осуществления публичного уголовного преследования.

В настоящее время обеспечение публичного интереса в виде профилактики преступности поставлено в зависимость от усмотрения или компетентности частных обвинителей.

Эффективный способ запустить механизм уголовного преследования по

URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 21.04.2024).

делам частного обвинения — это на законодательном уровне признать, что обращение потерпевшего с заявлением в правоохранительные органы является констатацией его неспособности самостоятельно осуществлять уголовное преследование.

Неоднозначную позицию правоприменителей вызывают и случаи, когда деяние переклассифицировано на статьи уголовного закона, предусматривающие ответственность за преступления, дела о которых относятся к категории дел частного обвинения, однако уголовное преследование продолжено в публичном порядке без заявления потерпевшего (частного обвинителя) и без выяснения его позиции по делу. Данная правоприменительная проблема была обозначена в жалобе обратившегося в Конституционный Суд Российской Федерации гражданина Фленова И. В., осужденного за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ, по уголовному делу которого проводилось дознание. По мнению Фленова И. В., вынесенными по его уголовному делу правоприменительными решениями были нарушены его конституционные права, однако в принятии к рассмотрению вышеназванной жалобы высшим судебным органом конституционного контроля в России было отказано, поскольку оценка обоснованности и правильности разрешения такого рода вопросов к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации не относится¹. Таким образом, данный вопрос так и не получил своего разрешения, что, на наш взгляд, не способствует как вос-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фленова Ильи Валерьевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2017 г. № 668-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

становлению прав потерпевшего, так и реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности, под которым следует понимать «своевременное привлечение преступника к ответственности» [7, с. 96].

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует о том, что органы предварительного расследования не всегда приводят убедительные доводы, свидетельствующие о том, что после переклассификации преступления уголовное преследование должно осуществляться в публичном, а не в частном порядке.

Переклассификация содеянного на досудебной стадии с публичного обвинения на частное порождает следующие риски:

угроза возникновения права на реабилитацию в случае прекращения судом уголовного дела в связи с неявкой в судебное заседание частного обвинителя (что, в свою очередь, влечет увеличение средств, выплачиваемых из казны государства в качестве возмещения вреда реабилитируемым лицам, и отрицательно сказывается на ведомственной оценке работы правоохранительного органа);

неопределенность в вопросе использования при доказывании по делу частного обвинения доказательств, полученных в ходе расследования по уголовному делу публичного обвинения, в случае его прекращения.

Судебной практикой вопросы переклассификации обвинения с публичного на частное решаются по-разному. В одних случаях суды допускают сохранение публичного порядка уголовного преследования при вышеназванном изменении квалификации, в других сохранение такого порядка считают невозможным.

Так, Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 ав-

густа 2019 года № 31-УД19-5 действия осужденных В. и Н. переквалифицированы с ч. 2 ст. 162 УК РФ на ч. 1 ст. 115 УК РФ. Судом первой инстанции В. и Н. признаны виновными в том, что они по предварительному сговору группой лиц совершили нападение на потерпевшего П. в целях хищения имущества, с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, в виде кровоподтеков и ссадин в области лица, которые расцениваются как причинившие легкий вред здоровью. Судом кассационной инстанции при рассмотрении уголовного дела по кассационной жалобе осужденного В. установлено, что вывод суда первой инстанции о наличии предварительного сговора на совершение разбойного нападения с целью хищения чужого имущества не подтвержден. При данных обстоятельствах суд пришел к выводу о необходимости переквалификации действий осужденных с ч. 2 ст. 162 УК РФ на ч. 1 ст. 115 УК РФ. Таким образом, по уголовному делу публичного обвинения, несмотря на переквалификацию на дело частного обвинения, уголовное преследование продолжено в публичном порядке без участия потерпевшего (частного обвинителя) и без выяснения его позиции по делу¹.

По другому уголовному делу Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила все судебные решения в отношении Н., осужденного судом первой инстанции по ч. 4 ст. 111 УК РФ, подчеркнув в определении, что в силу ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 августа 2019 г. № 31-УД19-5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления; доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства. Кроме того, Судебная коллегия указала, что согласно требованиям уголовно-процессуального закона одним из условий постановления судом законного и обоснованного приговора является соответствие описательно-мотивировочной части приговора материалам дела, которые были исследованы во время судебного разбирательства. По мнению вышестоящей инстанции, данные требования закона выполнены по делу не в полной мере. Как усматривается из фактических обстоятельств дела, установленных судом, в ходе избияния потерпевшего Т. осужденными по этому делу А., О., Н. и М. последний нанес потерпевшему удар ногой в спину, причинив ему оскольчатый перелом 4-го грудного позвонка с полным пересечением спинного мозга, опасный для жизни и повлекший тяжкий вред здоровью. После того как Т. упал на асфальт, А. со значительной силой нанес ему удар ногой по лицу, причинив переломы костей свода и основания черепа, ушиб головного мозга с отрывом зрительного нерва, причинивший тяжкий вред здоровью Т., повлекший его смерть. Согласно заключению эксперта, причиной смерти Т. явилась травма головы с переломом костей основания черепа, ушибом головного мозга тяжелой степени. Перелом грудного отдела позвоночника с повреждением спинного мозга опасен для жизни и расценивается как повреждение, причинившее тяжкий вред здоровью. Судебная коллегия указала, что ответственность по ч. 4 ст. 111 УК РФ наступает при условии, если виновный, совершая противоправные действия, предвидел возможность причинения тяжкого вреда здоровью,

опасного для жизни человека, и желал либо сознательно допускал наступление такого результата. При этом данных о причинении Н. тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшего по неосторожности его смерть, в материалах дела не имеется. Выводы же суда о том, что Н. сознательно допускал возможность причинения Т. тяжких телесных повреждений и желал этого, приведенными в приговоре доказательствами не подтверждаются и носят предположительный характер. Коллегия отметила, что, исходя из диспозиции ч. 1 ст. 35 УК РФ, лицо, действующее в группе лиц при отсутствии предварительного сговора, не может нести ответственность за действия, совершенные другим лицом, и их последствия. При таких обстоятельствах действия осужденного Н. были переквалифицированы с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 115 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности¹. Таким образом, уголовное дело частного обвинения рассмотрено по правилам рассмотрения уголовных дел публичного обвинения.

Показательно в связи с изложенным уголовное дело, рассмотренное Киевским районным судом г. Симферополя Республики Крым 13 июля 2017 года с участием прокурора в отношении подсудимого несовершеннолетнего Н. Суд установил, что 27 января 2017 года подсудимый Н., увидев несовершеннолетнего Б., имея умысел на причинение телесных повреждений, нанес потерпевшему удар кулаком правой руки в область лица слева. В результате чего у Б.

¹ Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2007 год. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

образовалась ушибленная рана верхней губы. По данному уголовному делу было проведено предварительное расследование в публичном порядке, и действия виновного квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ. При рассмотрении уголовного дела в суде квалифицирующий признак «из хулиганских побуждений» не нашел своего подтверждения. Суд пришел к выводу, что содеянное Н. вызвало кратковременное расстройство здоровья Б., что подпадает под медицинский критерий «легкий вред здоровью», в связи с чем действия подсудимого переквалифицированы на ч. 1 ст. 115 УК РФ. Поскольку такие уголовные дела отнесены к уголовным делам частного обвинения и в судебное заседание надлежаще извещенный потерпевший не явился, суд посчитал указанное обстоятельство основанием для прекращения уголовного дела с учетом положений ч. 3 ст. 249 УПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, а также п. 1 ч. 1 ст. 254 УПК РФ². Таким образом, рассмотрение уголовного дела начато по правилам публичного обвинения, а завершено фактически по правилам частного, поскольку, несмотря на участие государственного обвинителя, неявка частного обвинителя признана основанием для прекращения уголовного дела.

Таким образом, в отдельных случаях при изменении в судах публичного обвинения на частное возможно уклонение подсудимых от ответственности на законных основаниях по той лишь причине, что потерпевший (частный обвинитель) в силу субъективных причин не явился в судебное заседание. Изложенное, по нашему мнению, приводит к нарушению баланса публичных и

² Постановление Киевского районного суда г. Симферополя (Республика Крым) №1-205/2017 от 13 июля 2017 г. по делу № 1-205/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 21.04.2024).

частных интересов и создает условия для несоблюдения принципа неотвратимости наказания.

Стоит согласиться с мнением В. В. Дорошкова о том, что изложенные примеры иллюстрируют поверхностный подход к регулированию уголовного судопроизводства и приводят к созданию громоздкой бюрократической процедуры для рассмотрения простых дел, к которым относятся дела частного обвинения [8, с. 342 – 344].

Что касается такой правоприменительной проблемы, как изменение в суде обвинения с частного на публичное, то юридическая доктрина обоснованно исходит из того, что подобная перекалфикация невозможна в силу того, что при рассмотрении дела частного обвинения не допускается поворот положения подсудимого к худшему (ч. 5 ст. 321 УПК РФ) [9]. В соответствии с ч. 6 ст. 321 УПК РФ, если в ходе судебного разбирательства в действиях лица, в отношении которого подано заявление, будут установлены признаки преступления, не предусмотренного ч. 2 ст. 20 УПК РФ, то мировой судья выносит постановление о прекращении уголовного преследования по делу и направлении материалов руководителю следственного органа или начальнику органа дознания

для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке публичного или частно-публичного обвинения, о чем уведомляет потерпевшего или его законного представителя.

Обозначенные выше примеры из практики красноречиво свидетельствуют о том, что в настоящее время принципиальные подходы к соотношению публичного и диспозитивного начал в сфере уголовного судопроизводства разработаны в недостаточной степени. Как справедливо отмечает Л. Н. Масленникова, «диспозитивное начало как часть входит составляющей в публичное начало, и само его существование возможно лишь под эгидой (обеспечением) публичного начала, но при этом оно не утрачивает своей автономии» [10, с. 24]. Вместе с тем, на наш взгляд, стоит принять во внимание, что с учетом современного развития государственности в России основным способом защиты как частных, так и публичных интересов была и остается государственная защита. В этой связи полагаем, что вопросы эффективности данной защиты, в том числе по уголовным делам, где публичное обвинение реализует частное лицо, требуют дальнейшей научной проработки и создания действенного уголовно-процессуального механизма.

Список источников

1. Полянский Н. Н. К вопросу о праве частных лиц на субсидиарное обвинение // Юридический вестник. 1914. Кн. 6. С. 143–163.
2. Крымов В. А. Начало производства по уголовному делу: теоретические и правовые основы : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Крымов Виталий Александрович. Москва, 2019. 248 с.
3. Титов П. М. Некоторые проблемы уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 69–77.
4. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса РФ / В. А. Давыдов, В. В. Дорошков, Н. А. Колоколов [и др.] ; под. ред. В. М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2013. 824 с. (Практика применения / Верховный Суд Российской Федерации).

5. Тылынева З. З. Особенности уголовного судопроизводства по делам частного обвинения : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Тылынева Зема-фира Зинуровна. Уфа, 2008. 26 с.

6. Сумский Д. В. Переквалификация преступлений : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Сумский Дмитрий Валентинович. Москва, 2016. 242 с.

7. Горелова Г. И. Принцип неотвратимости ответственности в уголовном праве Российской Федерации // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 4. С. 95–97.

8. Дорошков В. В. Идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности в уголовном процессе : монография. Москва : МГИМО-Университет, 2019. 418, [1] с.

9. Бурылева Е. В. О некоторых проблемах изменения обвинения в уголовном процессе // Проблемы противодействия преступности в современных условиях. Материалы Междунар. науч. практ. конф., г. Уфа, 16–17 октября 2003 г. В 3 ч. Ч. 3. / Башкирский гос. ун-т. Уфа : БашГУ, 2004. 279 с.

10. Масленникова Л. Н. Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве. Москва : Акад. упр. МВД России, 2000. 178 с.

Информация об авторе

А. С. Суходолов – судья Херсонского областного суда.

Information about the author

A. S. Sukhodolov – Judge of the Kherson Regional Court.

Научная статья
УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОВОКАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Александр Анатольевич ЧЕБУРЕНКОВ

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия, cheburenkova@yandex.ru*

Аннотация. В практике выявления и раскрытия преступлений коррупционной направленности встречаются факты применения сотрудниками правоохранительных органов специальных методов и приемов, которые, по сути, носят провокационный характер. Наличие законодательного запрета на использование такого рода средств борьбы с коррупцией, особенности учета функциональных признаков провокации дают основание выделять самостоятельную разновидность преступной деятельности — провокационную деятельность, изучение которой с криминалистических позиций требует особого подхода. Автором определяются сущность, содержание, структура данного вида преступной деятельности, выявляются особенности механизма ее осуществления в типовых ситуациях. Также показана специфика следовой картины провокационных действий, позволяющая диагностировать провокацию и выработать пути ее предупреждения и нейтрализации.

Ключевые слова: провокация, провокационные методы и приемы, преступления коррупционной направленности, преступная деятельность, провокатор, провоцируемый, криминалистический анализ

Для цитирования: Чебуренков А. А. Криминалистический анализ провокационной деятельности, осуществляемой при раскрытии и расследовании преступлений коррупционной направленности // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 105 – 112.

Original article

CRIMINALISTIC ANALYSIS OF PROVOCATIVE ACTIVITY CARRIED OUT DURING DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CORRUPTION CRIMES DIRECTIONS

Aleksandr A. CHEBURENKOV

Ogarev Mordovia National Research State University, Saransk, Russia, cheburenkova@yandex.ru

Abstract. In the practice of revealing and disclosing corruption crimes direction, there are facts of the use by law enforcement officers of special methods, which, in fact, are provocative in nature. The presence of a legislative ban on the use of this kind of means of combating corruption, the features of accounting for functional signs of provocation give grounds to identify an independent type of criminal activity — provocative activity, the study of which from a criminalistic point of view requires a special approach. The author determines the essence, content, structure of this type of criminal activity, and reveals the features of the mechanism for its implementation in typical

---

© Чебуренков А. А., 2024

situations. The specificity of the trace pattern of provocative actions is also shown, which makes it possible to diagnose provocation and develop ways to prevent and neutralize it.

Keywords: provocation, provocative methods, corruption crimes direction, criminal activity, provoker, provoked, criminalistic analysis

For citation: Cheburenkov A. A. Criminalistic analysis of provocative activity carried out during disclosure and investigation of corruption crimes directions. *Criminalist*. 2024;3(48):105-112. (In Russ.).

Объектом изучения криминалистической науки на современном этапе ее развития выступает преступная деятельность — осознанная, мотивированная, запрещенная уголовным законом, общественно опасная активность субъекта преступления, причиняющая вред юридически охраняемым интересам личности, общества и государства.

Исследователи отмечают, что особенностью криминалистического изучения преступной деятельности считается то, что криминалистика изучает преступную деятельность не вообще, а ее отдельные роды, группы, виды, выделяя в каждом из указанных уровней специфическую информационно-познавательную структуру, характеризующую закономерности обнаружения, извлечения, фиксации, передачи и исследования криминалистически значимой информации [1, с. 5–6].

Преступная деятельность может быть разделена на виды по различным основаниям: по характеру действий, образующих объективную сторону преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации (далее — УК РФ), с учетом сферы общественных отношений, в рамках которой осуществляется преступная деятельность, по субъектному составу и др. Одним из специфических видов преступной деятельности можно признать провокационную деятельность.

Подход к пониманию провокации как преступной деятельности имеет существенные преимущества в криминалистическом плане.

Во-первых, он позволяет выявить и изучить разнообразные формы поведе-

ния провокатора, в том числе те, которые находятся за пределами юридически значимых деяний. Например, это действия по подготовке провокации, использование в ее механизме лиц, сотрудничающих с оперативно-разыскными службами, и др.

Во-вторых, данный подход позволяет в полной мере учесть специфику механизма провокационного воздействия, обуславливающую особенности следообразования провокационных действий и причины их высокой латентности.

В-третьих, он позволяет выявить общие закономерности противоправного поведения провокатора, определить типичные криминальные ситуации реализации провокационных методов и приемов, обозначить основные их криминалистически значимые признаки.

Проблема провокации обычно поднимается в юриспруденции применительно к выявлению и раскрытию преступлений коррупционной направленности, а также незаконных действий с наркотическими средствами и психотропными веществами. По данным видам преступлений попытки склонить лицо, изначально не имеющее противоправных намерений, к преступному поведению оцениваются большинством ученых-юристов негативно по той причине, что в итоге они не способствуют выявлению уже совершенных преступлений или их предупреждению, а ведут к совершению новых преступных деяний; поэтому провокация в любой ее форме признается безнравственной, общественно опасной и недопустимой.

Наряду с этим отдельные представители юридической науки, а вместе с

ними и немалое число практических сотрудников правоохранительных органов пытаются обосновать целесообразность широкого применения провоцирующих методов и приемов, в частности при выявлении коррупционных преступлений, ссылаясь на высокий уровень латентности данных деяний и сложность их раскрытия, приводят положительный зарубежный опыт использования провокационных приемов в борьбе с преступностью, призывают с их помощью обеспечить «наступательность» оперативных служб при выявлении коррупционных преступлений и т. д. В литературе встречаются даже утверждения о правомерности применения провокации со стороны сотрудников правоохранительных органов в определенных ситуациях, о необходимости ее легализации и признания вынужденной мерой реагирования оперативных служб на сокрытие преступлений и о закреплении порядка освобождения провокатора от ответственности за его противоправное поведение.

Российский законодатель сегодня занимает четкую позицию в отношении провокации преступлений, рассматривая ее как недопустимое средство борьбы с преступностью, налагая запрет на использование в деятельности правоохранительных органов методов и приемов провоцирующего характера (ч. 8 ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», п. 3 ст. 6 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции»), устанавливая уголовную ответственность за провокацию отдельных преступлений — получения взятки и ряда иных форм подкупа (ст. 304 УК РФ). Все это дает основание относить провокационные действия, осуществляемые при выявлении коррупционных преступлений, к числу преступных, считать их видом преступной деятельности. Такой же вывод можно сделать с учетом сущ-

ности провокации как специфической формы поведения, посредством которой лицо, не проявляющее до встречи с провокатором противоправных намерений, побуждается, склоняется к совершению общественно опасных деяний, а потом выдается правосудию для привлечения к ответственности. Формирование умысла на совершение преступления при провокации происходит не свободно, а под воздействием провокатора. Одновременно органы правосудия вводятся в заблуждение относительно истинных замыслов этого лица.

Факты использования сотрудниками правоохранительных органов провокационных методов (приемов) при раскрытии и расследовании коррупционных преступлений, по оценкам специалистов, далеко не единичны [2, с. 4, 35–95; 3, с. 196], несмотря на то, что случаев привлечения лиц к уголовной ответственности за провокацию взятки в материалах официальной судебной статистики немного. Причина такого положения в высокой степени латентности данных преступлений, обусловленной не только чисто юридическими аспектами (сложностью привлечения виновных лиц к ответственности), но и использованием провокации в качестве средства сведения счетов, компрометирования неудобных должностных лиц, увольнения их со службы и т. п. Дефицит фактологической информации о провоцирующем поведении сотрудников правоохранительных органов и лиц, оказывающих им содействие, тем не менее не позволяет говорить об отсутствии этого явления, поскольку он в определенной степени восполняется благодаря результатам независимых исследований, путем изучения материалов адвокатской практики, анализа отдельных процессуальных документов по уголовным делам и иными способами. Полученные данные об известном распространении провокации подтверждают важность изучения вопросов вы-

явления и фиксации провокационных действий, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, необходимость адекватной оценки этих действий и потребность в выработке мер предупреждения и нейтрализации основных на них методов и приемов.

Провокационной является деятельность, направленная на возбуждение со стороны провокатора решимости у провоцируемого им лица совершить то или иное преступление либо склонение его к этому в условиях отсутствия у этого лица внешне выраженного намерения осуществить противоправные действия, с последующим сообщением в уполномоченные государственные органы о совершенном в результате спровоцированным лицом деянии для привлечения его к уголовной ответственности.

Специфику провокационной деятельности придает ее функциональная сторона, которая может быть представлена в общем виде как создание провокатором видимости совершения конкретным лицом преступления и получение сфальсифицированных доказательств причастности заподозренного к этому преступлению.

В отличие от иных видов преступной деятельности, при осуществлении провокационных действий сотрудниками правоохранительных органов следует рассматривать в качестве субъектов, чей социальный и правовой статус имеет характерные особенности по сравнению с другими категориями преступников. Работа указанных лиц предполагает реализацию властных полномочий в отношении определенного круга граждан, должностных лиц и др. Эти лица знают и профессионально владеют методами оперативной работы, анализа складывающейся ситуации, приемами воздействия на окружающих, маскировки реальных целей своих действий и т. п. Все это способствует тому, чтобы сотрудник, прибегающий к провокационным приемам в своей работе, более

или менее успешно реализовал свои намерения. К тому же известная практика применения многих провокационных методов и приемов способна сформировать представление о них как о способах выявления преступников, приводящих к быстрому, нужному результату, что не может не заинтересовать некоторых сотрудников, стремящихся любым путем показать действенность предпринимаемых ими усилий по борьбе с коррупцией.

Преступной деятельности в любой ее форме присущ структурированный характер, в ней могут быть выделены различные элементы. Анализ криминалистически значимых признаков провокационной деятельности свидетельствует, что чаще всего они имеют отношение к субъекту преступления, преступному поведению и окружающей обстановке. Поэтому именно указанные элементы целесообразно выделять в структуре рассматриваемого вида деятельности.

Обязательным элементом структуры преступной деятельности признаются субъекты, планирующие, подготавливающие и осуществляющие эту деятельность. Субъектом провокационной деятельности является лицо, провоцирующее совершение конкретного преступления провоцируемым, — провокатор. В данном качестве может выступать как субъект, обладающий специальным правовым статусом (сотрудник правоохранительного органа, конфиденгент — лицо, оказывающее содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, должностное лицо учреждения или организации), так и гражданин, не имеющий указанного статуса.

С практической точки зрения наибольшие возможности для использования провокационных методов (приемов) имеются у сотрудников оперативных подразделений правоохранительных органов, которые владеют соответствующими знаниями и навыками, непосредственно осуществляют мероприятия по

фиксации и пресечению преступного поведения заподозренных лиц. Стремясь разоблачить заподозренного, оперативные сотрудники в условиях отсутствия достоверных и достаточных сведений о причастности этого лица к преступлению нередко осуществляют его «подталкивание» к совершению определенных противоправных действий.

Причинно-мотивационный комплекс провокационного поведения требует особого изучения. К использованию провокаций заинтересованные лица могут прибегать в силу неприязненных отношений с провоцируемым, из мести, зависти и т. д. В отношении сотрудников правоохранительных органов, практикующих провокационные методы, выделяются такие специфические причины их противоправного поведения, как профессиональная деформация, выражающаяся, в частности, в изменении нравственных ценностей, неуважении прав и законных интересов личности, формировании пренебрежительного отношения к нормам права, чувства вседозволенности и т. п.; слабая юридическая подготовленность; влияние служебной среды, в рамках которой могут существовать негласное поощрение доносительства, игнорирование нормативно установленных запретов, желание любой ценой продемонстрировать «успехи» в работе и обеспечить карьерный рост и т. д. Довольно часто мотивом совершения провокации сотрудниками правоохранительных органов выступают ложно интерпретируемые интересы службы, следуя которым отдельные лица стараются таким способом продемонстрировать эффективность своей работы по выявлению коррупционеров. Однако, как отмечается в литературе, «никакой мотив провокационной деятельности, каким бы внешне положительным он ни выглядел, не может придать общественно полезный характер деятельности провокатора» [4, с. 31].

В механизме провокационной деятельности важным элементом является

способ провокации. Изучение практики борьбы с коррупцией показывает, что сотрудники правоохранительных органов могут реализовывать провокационные приемы, в частности, в форме предложения должностному лицу принять деньги, имущество и т. п. при отсутствии у него намерений получить незаконное вознаграждение, путем длительных уговоров и настоятельных советов должностному лицу принять «подарок», угрозы разглашения определенных сведений об этом лице, подбрасывания предмета взятки ничего не подозревающему должностному лицу с последующей фиксацией наличия у него этого предмета, обмана или введения в заблуждение должностного лица по поводу вручаемого ему предмета, предложения должностному лицу совершить незаконные действия по службе с расчетом, что он сам потребует за это взятку, и др.

Такого рода методам (приемам) свойственны определенные общие признаки:

- 1) подготовка и реализация провокационных методов осуществляются в полном объеме по инициативе провокатора, преследующего специфические цели;
- 2) соответствующее поведение провокатора всегда является активным и заключается в оказании воздействия на провоцируемое лицо, побуждении его к совершению противоправных действий;
- 3) имеются основания полагать, что без воздействия провокатора лицо не совершило бы противоправные действия, о чем свидетельствует, например, отсутствие у правоохранительных или иных уполномоченных органов объективных данных о том, что конкретное должностное лицо намеревается получить за свое служебное поведение незаконное вознаграждение;
- 4) провоцируемый оказывается неосведомленным о подлинной цели, которую преследует провокатор;
- 5) последствия провокации желательны для провокатора и, соответственно, вредны для провоцируемого;

б) провокационное поведение требует заведомого создания специальной обстановки (условий), облегчающей достижение намеченных провокатором целей.

Специфической особенностью провокационных действий следует считать то, что при их осуществлении провокатор стремится оставаться «в тени», скрыть имеющийся у него интерес в том, чтобы лицо совершило противоправное деяние и в итоге было привлечено к ответственности. Для сокрытия своих истинных намерений провокатор может, в частности, не указывать свою принадлежность к правоохранительным органам, использовать подставных лиц, которым провоцируемый доверяет, и т. п.

Конкретные методы (приемы) провокационного характера могут быть самыми разнообразными, они избираются провокатором «в зависимости от личных качеств провоцируемого (его склонностей, возможностей, потребностей), в зависимости от обстоятельств, при которых осуществляется провокация и должно совершиться преступление» [5, с. 52].

О. С. Кучин дифференцирует воздействие с целью побудить провоцируемого принять незаконное вознаграждение на прямое и непосредственное, идущее от оперативного сотрудника, и опосредованное, когда оно осуществляется негласно или зашифровано, при помощи специальных средств и методов оперативно-разыскной деятельности, а также с помощью лиц, оказывающих негласное конфиденциальное содействие правоохранительным органам [6, с. 123].

Законодательная конструкция состава преступления — провокации взятки (ст. 304 УК РФ) включает обязательное условие отсутствия согласия лица, в отношении которого реализуются провокационные приемы, на получение незаконного вознаграждения. Под отсутствием согласия следует понимать «либо прямой отказ взять предлагаемый предмет, либо неведение лица о факте передачи этого предмета» [7, с. 245], а также

все иные формы поведения, когда лицо не выражало готовности принять незаконное вознаграждение. Данное условие отражает специфику поведения провокатора в ситуации, когда объективно отсутствуют сведения о том, что провоцируемое лицо планирует или желает получить незаконное вознаграждение. И даже если это лицо принимает взятку, то провокация не устраняется, поскольку она привела к формированию «ложных данных о том, что взятка должностным лицом принимается или была принята по его собственной воле» [7, с. 246].

Обстановка, в которой реализуются те или иные провокационные методы, может быть охарактеризована как специально смоделированная провокатором совокупность внешних условий (факторов), способствующая успешному достижению стоящих перед ним целей. В содержании данной обстановки целесообразно выделять различные компоненты.

Так, временной компонент предполагает выбор провокатором момента обращения к провоцируемому с предложением принять незаконное вознаграждение, услугу и т. п. Относительно данного аспекта заслуживает внимания суждение С. Н. Радачинского о том, что этот момент часто связывается со временем, когда должностное лицо выполняет определенные действия по службе. Провокатор стремится связать факт выполнения таких действий с якобы полученной взяткой и, поскольку в данном случае всегда остается «тот или иной документальный или информационный „след“, который можно зафиксировать в процессе собирания доказательств», на этой основе пытается облегчить возможность «создать искусственно доказательства обвинения, облегчить доказывание мнимого факта получения должностным лицом взятки» [8, с. 36].

Пространственный компонент обстановки выражается в определении прово-

катором конкретного места реализации своего преступного замысла. При провокации взятки, например, провокатор во многих случаях старается попасть в служебный кабинет должностного лица либо встретиться с ним в ином подходящем для личного общения месте, имитируя, при необходимости, случайную встречу.

Существенное значение придается техническому компоненту обстановки совершения провокационных действий. Здесь, с одной стороны, провокатору необходимо обеспечить детальную фиксацию с помощью специальных технических средств процесса передачи вознаграждения должностному лицу, а с другой — скрыть возможные тактические просчеты провокатора, явные признаки его неправомерного воздействия на провоцируемого. Нельзя исключить намеренно нечеткую фиксацию «картинки» происходящего события, двусмысленный характер используемых провокатором выражений и т. п.

Следовая картина провокационной деятельности в большинстве случаев характеризуется фрагментарностью, минимальным объемом материальных следов, маскировкой противоправной направленности действий провокатора. Типичным источником информации о состоявшемся факте провокации со стороны сотрудников правоохранительных органов выступают имеющиеся в материалах уголовных дел данные об оперативно-разыскных мероприятиях, проводившихся в отношении лиц, которые подозреваются в служебных злоупотреблениях. Указанная информация должна быть объектом оценки и проверки следователем и судьей, осуществляющим производство по делу.

В первую очередь, следователю (судье) целесообразно обратить внимание на документы, в которых отражаются основания для принятия уполномоченными субъектами решений о проведении оперативно-разыскных мероприятий в

отношении конкретных лиц, ход проведения данных мероприятий, полученные результаты. Путем изучения этих документов можно сделать вывод о том, действительно ли существовало у заподозренного лица намерение совершить коррупционное преступление, приступило ли оно к осуществлению противоправной деятельности по получению незаконного вознаграждения, какие конкретно подготовительные действия для этого совершило.

В частности, необходимо обратить внимание на то, что является источником информации о коррупционном поведении конкретного должностного лица, какое содержание имеет поступившая информация, степень ее полноты, достоверности и т. д. В случае вымогательства взятки устанавливается наличие зарегистрированного в определенном порядке заявления потерпевшего. Если проверяемая оперативная информация носит предположительный, общий характер, не позволяющий сделать однозначный вывод о том, что заподозренный намеревался совершить преступное деяние, это может указывать на использование данной информации в провокационных целях.

Своеобразным «сигналом» о возможной провокации можно считать попытки органов, осуществляющих выявление фактов коррупционного поведения, уклониться от предоставления следователю и суду полной информации об основаниях проведения конкретных оперативно-разыскных мероприятий, упорные ссылки на особый характер данной информации, не допускающий ее разглашения, и т. п.

Тщательному анализу должны подвергаться выявленные при оценке того или иного оперативно-разыскного мероприятия нарушения порядка его проведения. Не исключено, что эти нарушения были вызваны применением оперативными сотрудниками провокационных приемов. Об этом может

свидетельствовать и отсутствие в материалах дела достаточной информации об осуществлявшихся до выявления преступления оперативно-разыскных мероприятиях.

Как указывает Ю. П. Гармаев, признаки провокации в отношении должностного лица нередко выявляются при изучении стенограмм, видео- и аудиозаписей разговоров участников оперативного эксперимента. Поэтому заслуживает поддержки его рекомендация о том, что следователю (судье) необходимо лично убедиться в том, что содержание стенограммы разговора в точности соответствует содержанию аудиозаписи [9, с. 57].

В случае возникновения сомнений в достоверности исследуемой видеозаписи

или аудиозаписи могут быть назначены видеотехническая и фоноскопическая экспертизы. Целесообразно также допросить участников оперативного эксперимента об обстоятельствах его проведения.

Учитывая многообразие провокационных методов и приемов, отмечаемых в работе правоохранительных органов, оценочный характер самого понятия «провокация», суд при проверке материалов оперативно-разыскной деятельности «не вправе проигнорировать любой из элементов провокации, он должен дать оценку любому аспекту провокации, несмотря на специфику процессуального режима извлечения информации из материалов ОРД» [10, с. 37].

Список источников

1. Типовые модели и алгоритмы криминалистического исследования : учеб. пособие / МГУ им. М. В. Ломоносова ; под ред. В. Я. Колдина. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1989. 184 с.
2. Хаустова О. И., Соломатина Е. А., Трощанович А. В. Вопросы выявления провокаций преступления, допущенных сотрудниками правоохранительных органов при проведении ОРМ : учеб.-метод. материалы / под ред. А. М. Багмета. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 103 с.
3. Давыдова С. А. К вопросу о выявлении признаков провокации при пресечении фактов взяточничества // Юрист-Правоведъ. 2021. № 3 (98). С. 194 – 197.
4. Иванов В. Д., Черепяхин В. А. Провокация преступления // Российский следователь. 2013. № 14. С. 29 – 32.
5. Волынский А. Ф., Лапин Е. С. Расследование провокаций взятки и коммерческого подкупа. Москва : Юрлитинформ, 2010. 160 с.
6. Кучин О. С. О проблемах определения провокации в деятельности органов полиции // Библиотека криминалиста. 2014. № 6. С. 122 – 128.
7. Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. 5. Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества / Т. Б. Басова, С. В. Дьяков, А. В. Земскова, Л. В. Иногамова-Хегай ; под ред. А. И. Коробеева. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2008. 951 с. (Учебники и учебные пособия).
8. Радачинский С. Н. Уголовная ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа : учеб. пособие. Ростов-на-Дону : МарТ, 2003. 134 с.
9. Гармаев Ю. П. Типичные ошибки в оперативно-розыскной деятельности по делам о взяточничестве // Уголовный процесс. 2005. № 3. С. 55 – 61.
10. Курченко В. Н. Отграничение провокации преступления от законного осуществления оперативно-розыскной деятельности // Уголовное право. 2021. № 9. С. 32 – 39.

Информация об авторе

А. А. Чебуренков – доцент кафедры уголовного права и процесса Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Cheburenkov – Associate Professor at the Department of criminal law and procedure of the Ogarev Mordovia National Research State University, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 393.985

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

Станислав Алимович ЯЛЫШЕВ

*Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Россия, 1955yalishev@gmail.com*

Аннотация. Разоблачается давно бытующее мнение о возможности фотографирования изображения преступника в зрачке убитого человека. Автор, исследуя работы ученых — фотографов и медиков конца XIX века, приходит к выводу о фальсификации факта использования такого изображения в расследовании убийства.

Ключевые слова: расследование преступлений, фотографирование глаза, изобличение убийцы

Для цитирования: Ялышев С. А. Из истории российской криминалистики // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 113 – 116.

Original article

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN FORENSIC SCIENCE

Stanislav A. YALYSHEV

*St. Petersburg Academy of Investigative Committee of the Russian Federation,
North-West Branch of the Russian State University of Justice, St. Peterburg, Russia,
1955yalishev@gmail.com*

Abstract. The long-held belief is debunked about the possibility of photo-graphing the image of a perpetrator in the pupil of a murdered person. The author, having examined the work of scientists — photographers and doctors of the late 19th century, comes to the conclusion that the fact of using such an image in a murder investigation was falsified.

Keywords: crime investigation, eye photography, exposure of the murder

For citation: Yalyshev S. A. From the history of Russian forensic science // Criminalist. 2024;3(48):113-116. (In Russ.).

На протяжении многих лет работы в правоохранительных органах мы неоднократно встречались с мнением людей, далеких от деятельности по расследованию преступлений, что существуют закономерности и способы их применения, которые позволяют эксперту зафиксировать изображение преступника

в глазу умершего человека. Причем иногда даже назывался период возможного использования данного явления (не более часа после смерти).

Активно эту идею эксплуатируют журналисты и сценаристы, регулярно упоминая о таких «возможностях» в детективах и криминальных очерках.

© Ялышев С. А., 2024

Доходило иногда до того, что на такие «неиспользованные возможности» обращали внимание следователи, ссылаясь на то, что преступник, чтобы исключить получение своего фотоизображения, не быть опознанным по такому «изображению», сознательно выкалывал жертве глаза.

Долгое время мы не могли найти подтверждения или опровержения подобной «идеи», пока случайно не познакомились с одной интересной научной работой. Автором ее является Ричард Юльевич Тиле¹, весьма известный в России и Европе того времени российский ученый, специализировавшийся на аэрофотографии и инженерной фотограмметрии, автор многочисленных научных работ по фотографии и ее использованию в различных областях знаний².

В частности, в 1889 году на фотовыставке в Петербурге Тиле была присуждена медаль Императорского русского технического общества «...за превосходные работы по разнообразным отраслям фотографии и ее применений...». Журнал «Фотографический вестник» того времени отмечал: «Интересные фотографии, относящиеся к физиологии (развитие зародыша, различные состояния гипнотизированного и пр.), доставил Тиле, относительно которого следует заметить, что по разнообразию и в то же время превосходству своих работ он составляет редкость между профессионалами-светописцами» [1].

Нам повезло. Случайно в библиотеке мы нашли преинтереснейшую и редкую работу, касаемую заинтересовавшей нас проблемы. Это реферат доклада Р. Ю. Тиле, который он прочитал на публичном заседании Московского отделения Императорского русского

¹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Тиле,_Ричард_Юльевич (дата обращения: 01.05. 2024).

² URL: <http://www.photohistory.ru/index.php?pid=1207248167934826> (дата обращения: 01.05.2024).

технического общества 23 марта 1892 года [2].

Во-первых, докладчик нашел и описывает реальный фотографический снимок, представленный на всеобщее обозрение. На фотографической выставке, устроенной Фотографическим отделом Общества распространения технических знаний (1891 год, Москва), находился экспонат, обращавший на себя всеобщее внимание публики. Он представлял собою увеличенный диапозитив и полученный с него контактом контр-негатив с подлинного снимка, сделанного, как гласит подпись, саратовским фотографом Ушаковым по поручению судебного следователя с глаза убитой (в 1878 году) солдатки Белоусовой, а экспонент этого выставочного объекта г-н Г. Фортейль устно на выставке передает посетителям, что по этому именно снимку был найден преступник.

Со слов Р. Ю. Тиле, в этом, наделавшем столько шума экспонате с первого взгляда бросилось в глаза то, что послужило главным аргументом признания его продуктом вымысла, именно «...довольно грубая ретушь, доказавшая мне, что этот псевдо-портрет просто-напросто сделан от руки без всякой фотографической подкладки, в чем я вполне удостоверился, рассмотрев его внимательно под увеличительным стеклом» [2, с. 3].

Далее автор доклада приводит аргументы технического характера, позволившие ему прийти к его выводам. К ним он относит:

«1) Выставленный негативъ не есть прямой непосредственный снимокъ съ глаза убитой, но контр-негативъ, полученный отъ выставленнаго совместно увеличеннаго диапозитива съ предварительно ретушованнаго оригинальнаго негатива.

2) Снимокъ сдѣланъ фотографомъ Ушаковымъ не съ сѣтчатки, какъ неправильно значится на объяснительной

надписи, а прямо съ наружной стороны радужной оболочки глаза.

3) Свѣтлый кругъ въ серединѣ изображенія, выдѣляющій болѣе темное пятно — предполагаемый портретъ убійцы — сдѣланъ ретушью на оригинальномъ негативѣ, къ крайнему сожалѣнію, на выставкѣ отсутствующемъ.

4) Самое изображение, — будто бы голова убійцы, — есть ничто иное, какъ собранныя, помощію вышеупомянутой ретуши, пятна довольно не опредѣленнаго характера, распространенныя какъ отдѣльно, такъ и массаами по всему фону роговой оболочки.

5) Кромѣ ретуши, дающей наружныя очертанія якобы портрета, слѣды ретуши видны также на мѣстахъ, представляющихъ лобъ, щеки, подбородокъ и шею.

Ясно, что подобное изображение, сдѣланное не непосредственно фотографическимъ аппаратомъ, а исключительно ретушью, слѣдуетъ отнести въ область вымысла» [2, с. 4].

Далее автор, ввиду огромной важности исследуемого вопроса, предлагаетъ провести подробную экспертизу имеющихъ объектов, включая изучение недостающего оригинала негатива снимка, снятие ретуши со всехъ копій и сравнение объектовъ при большомъ увеличении. Однако данный вопросъ остается безъ послѣдствій, такъ какъ негативъ не найден, а предложенными исследованиями никто с практической стороны не заинтересовался.

На свое выступление и высказанные сомнения Р. Ю. Тилле получаетъ возражения отъ выставившаго оспариваемые снимки г-на Г. Фортейля. Возражения, какъ и сами выступления Р. Ю. Тиле, широко освещаются в периодической печати того времени какъ в Москвѣ, такъ и в Петербургѣ. В качестве аргументовъ г-н Г. Фортейль приводитъ сужденіе:

«1) Развѣ провинціальныи фотографъ Ушаковъ могъ осмѣлиться и что ему удалось обмануть не только Саратовское Судебное Вѣдомство, но и членовъ Пе-

тербургскаго Фотографическаго Общества и Авторитетовъ разныхъ факультетовъ???

2) Что неужели одному только фотографу Р. Тиле было суждено, такъ легко разравнять наукѣ путь къ разрѣшенію такой трудной задачи? [2, с. 6]».

В ответъ на публичное оспариваніе высказаннаго сужденія автор (Р. Ю. Тиле) обращается къ помощи проф. А. Н. Маклакова и проф. Л. З. Мороховца (высказали свои сужденія по данному вопросу и предоставили необходимую литературу), доктора С. В. Пучкова (предоставилъ литературу) и продолжаетъ свои исследования какъ с технической, такъ и с медицинскои точекъ зрѣнія.

Р. Тиле исследуются вопросы созданія изображения в глазу человека, возможность «фиксации» изображения в тканяхъ глаза, что приводитъ автора къ выводу: если даже изображение в глазу и формируется (что пока в полной мерѣ и научно не доказано), это сомнительно с точки зрѣнія и медицинских, и техническихъ причин. Кроме того, даже если рисунокъ и сформировался, то этотъ рисунокъ в силу отмиранія тканей обязательно долженъ исчезнуть в самое кратчайшее время. Даже если глазъ и ткани еще живы (например, сразу в моментъ смерти), то при воздействіи на глазъ белого свѣта (хотя бы и на кратчайшій моментъ) изображение все равно должно полностью исчезнуть, «стереться». Такъ что авторъ приходитъ къ однозначному выводу: «...нельзя не согласоваться съ проф. Мороховцомъ ... что, согласно ученію проф. Кюне, портретъ убійцы на сѣтчаткѣ его жертвы долженъ отнести къ сказочнымъ мечтамъ. ...Принимая еще въ соображеніе, что оптограмма на сѣтчаткѣ является только какъ силуэтъ и въ самыхъ минимальныхъ размѣрахъ, требующихъ для уясненія сильное увеличеніе — при которомъ невольно страдаетъ отчетливость контуровъ, — то становится очевиднымъ, что полученіе

оптограммы для судебной экспертизы невысказано» [2, с. 11–12].

В этом же докладе Р. Тиле ссылается на его переписку по исследуемому вопросу с Е. Ф. Буринским (на тот момент эксперт Санкт-Петербургского окружного суда), на что тот сообщает: «...Вы желаете получить копию того фотографического снимка с зрачка глаза убитой, который присланъ на Фотографическую выставку изъ Саратова. Спѣшу исполнить ваше желаніе, присовокупляя при этомъ, что техническія подробности работы мнѣ не извѣстны, такъ какъ на сдѣланный въ Саратовъ запросъ отвѣта не получено» [2, с. 14]¹. Необходимо добавить, что позднее пришло на имя г-на Р. Ю. Тиле еще одно письмо от г-на Буринского, где тот писал: «...могу засвидѣтельствовать, въ добавленіе къ статьѣ д-ра Талько, что по самымъ достовѣрнымъ справкамъ, снимокъ съ глаза Бѣлоусовой никогда при дѣлѣ приложенъ не былъ и нѣтъ сомнѣнія, что все это возмутительная мистификація» [2, с. 18].

В то же время (в 1891–1892 годах) уже начинают появляться частные публи-

кации в журналах России [3] и Европы [4] о том, что уголовное дело по факту убийства Якова Белоусова и Анны Белоусовой имело судебные последствия и описанный метод фотографирования зрачка убитого применим в юриспруденции, т. е. желаемое начинают выдавать за действительное.

Романы Вилье де Л'Иль-Адама «Tribulat Bonhomet» (1887), Жюль Верна «Братья Кип» (1902), фильмы «Невидимый луч» (1936), «Четыре мухи на сером бархате» (1971), «Дикий, дикий Запад» (1991), сериалы «Доктор Кто» и «Робокоп» — вот неполный перечень художественных произведений, которые эксплуатируют исследуемую тему. Приложили к этому руку и советские, российские авторы. Так, Борис Акунин в рассказах об Эрасте Фандорине («Незаконное убийство») упоминает об этом явлении и предлагает его использовать в расследовании.

Так появляются не соответствующие науке и практической деятельности легенды, о которых не стихают разговоры долгие годы.

Список источников

1. Фотографическій вѣстникъ. 1889.
2. Тиле Р. Ю. Возможно ли получение в глазу убитого оптограммы убийцы. Москва : Лито-Типография О. Ю. Шейбель, 1892. (Перепечатка из Записок Московского отделения Русского технического общества, 1892, вып. 3-4).
3. Сынъ Отечества. 1891. № 90.
4. Handbuch d. Physiologic der Sinnensorgane. Leipzig, 1879.

Информация об авторе

С. А. Ялышев — профессор кафедры криминалистики Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

S. A. Yalyshev — Professor at the Department of forensic science of the St. Petersburg Academy of Investigative Committee of the Russian Federation, Professor at the Department of criminal procedure law of the North-West Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Science (Law), Professor.

¹ Технические подробности фотографии, сделанной фотографом Ушаковым, не выявлены, негативы не найдены, пояснять детали данного фотоснимка Ушаков не стал.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 343.163

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ПРАВОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ В СФЕРЕ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Евгений Львович НИКИТИН

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, nikitin.el@inbox.ru*

Аннотация. В статье определяются роль и значение участия органов прокуратуры в совершенствовании законодательства об оперативно-разыскной деятельности, указываются особенности такого участия и отличия от участия в правотворческом процессе в иных сферах государственной деятельности. Анализируются законодательные и ведомственные нормативные акты, на основе которых рассматриваются цель и задачи этой деятельности, исследуется предмет участия органов прокуратуры в правотворческом (нормотворческом) процессе и определяются его возможные формы и средства в области правового регулирования оперативно-разыскной деятельности. Обосновывается необходимость введения и применения института согласования органами прокуратуры содержания нормативных правовых актов, издаваемых оперативно-разыскными службами, затрагивающих права и свободы человека и гражданина, интересы юридических лиц при проведении оперативно-разыскных мероприятий, как действенного средства участия в правотворческой (нормотворческой) деятельности. Предлагается внесение соответствующих изменений в законодательство.

Ключевые слова: органы прокуратуры, правотворчество, нормотворчество, участие в правотворчестве, оперативно-разыскная деятельность, правовое регулирование ОРД, нормативно-правовые акты, ведомственные акты, согласование

Для цитирования: Никитин Е. Л. Участие органов прокуратуры в правотворческом процессе в сфере оперативно-разыскной деятельности // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 117 – 125.

© Никитин Е. Л., 2024

Original article

**PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE
IN THE LAW-MAKING PROCESS IN THE FIELD OF OPERATIONAL
INVESTIGATIVE ACTIVITIES**

Evgeny L. NIKITIN

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, nikitin.el@inbox.ru

Abstract. The article defines the role and significance of the participation of prosecutors in improving legislation on operational investigative activities, indicating its features and differences from participation in the law-making process in other areas of government activity. The publication analyzes legislative and departmental regulations, on the basis of which the author examines the purpose and objectives of this activity, explores the subject of participation of prosecutors in the law-making (rule-making) process and determines its possible forms and means in the field of legal regulation of operational investigative activities. To ensure legality when adopting subordinate normative legal acts, the need to introduce and apply the institution of approval by the prosecutor's office of the content of normative legal acts issued by operational investigative services, affecting the rights and freedoms of man and citizen, the interests of legal entities during operational investigative activities, as an effective means, is substantiated participation in law-making (rule-making) activities. It is proposed to make appropriate changes to the legislation.

Keywords: prosecution authorities, lawmaking, rulemaking, participation in lawmaking, operational investigative activities, legal regulation of operational activities, regulations, departmental acts, agreement

For citation: Nikitin E. L. Participation of the prosecutor's office in the law-making process in the field of operational search activities. *Criminalist*. 2024;3(48):117-125. (In Russ.).

В современных условиях достаточно эффективным средством повышения качества законодательных и подзаконных, в том числе ведомственных, нормативных правовых актов может выступать деятельность прокуратуры по участию в правотворческом (нормотворческом) процессе во многих сферах государственного управления. Не является исключением и сфера регулирования оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД). Необходимость участия органов прокуратуры в правотворчестве в области правового регулирования ОРД обусловлена потребностью обновления и совершенствования федерального законодательства в столь значимой сфере общественной и государственной жизни. С учетом особенностей регулиро-

вания ОРД существует также насущная потребность обеспечить соответствие подзаконных нормативных правовых актов как открытого, так и закрытого характера нормам федерального законодательства. Однако возможности, предоставленные органам прокуратуры в рамках реализации функции по участию в правотворческой деятельности в сфере правового регулирования ОРД, пока используются далеко не в полном объеме, что подтверждается результатами анкетирования и интервьюирования практических прокурорских работников — уполномоченных прокуроров¹.

---

¹ Анкетирование и интервьюирование проводилось в рамках работы над диссертационным исследованием на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Теоретические и прикладные проблемы обе-

Значимость этой функции органов прокуратуры в исследуемой сфере сейчас обусловлена наличием значительного количества общих, где-то неконкретных и противоречивых норм законодательных и подзаконных актов, правовых пробелов в регулировании ОРД. Данный вывод нашел отражение в опубликованных результатах проведенных исследований автора [1; 2]. При этом специфика регулирования общественных отношений в сфере ОРД определяется наличием значительного количества подзаконных нормативных правовых актов, принятых во исполнение законодательных норм и относимых к сведениям ограниченного доступа с отметкой «для служебного пользования» либо грифом «секретно» или «совершенно секретно», что усложняет доступ к ним заинтересованных лиц и полностью исключает возможность ознакомления с их содержанием гражданами и представителями юридических лиц, в то время как реализация требований таких нормативных правовых актов может затрагивать их права и законные интересы.

Осуществляя надзорные полномочия, выполняя иные прокурорские функции, именно прокурор лучше, чем кто-либо другой, видит недостатки законодательства об оперативно-разыскной деятельности (коллизии правовых норм, недостаточно совершенная юридическая техника, использованная при их конструировании, пробельность правового регулирования и др.) и правоприменительной практики (ошибки и прямые нарушения, допускаемые в силу недостатков законодательства и подзаконного нормативного материала, различных дефектов нормативно-правового регулирования).

Следует отметить, что ранее сложившееся отношение к функции участия органов прокуратуры в правотворчестве прокурором законности оперативно-разыскной деятельности».

стве, как осуществляемой только для обеспечения соответствия федеральному законодательству нормативных правовых актов в рамках надзора за исполнением законов [3, с. 348 – 353; 4, с. 452 – 455], ушло в прошлое. Современные исследования свидетельствуют о наделении самостоятельным статусом отдельной функции прокуратуры Российской Федерации [5, с. 7 – 11], реализуемой во всех сферах прокурорской деятельности для обеспечения законности. Согласно Федеральному закону от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (п. 4 ст. 1 и ст. 9) и Приказу Генерального прокурора Российской Федерации от 31 августа 2023 года № 584¹, предполагается совершенствование норм федерального и иных видов законодательства. В рассматриваемой нами сфере не только не исключается возможность участия представителей органов прокуратуры в правотворческом процессе на нижестоящих уровнях, но и представляется основным способом обеспечения законности, поскольку многие законодательные акты, изданные в области ОРД, благодаря наличию значительного количества отсылочных и бланкетных норм прямо предусматривают конкретизацию своих положений через издание подзаконных, в том числе и ведомственных, нормативных документов закрытого содержания. В целом такой подход основывается на теоретических положениях о возможности подзаконного правотворчества, которое осуществляется субъектами, не относящимися к представительным (законодательным) органам, например различными должностными лицами и орга-

¹ О правотворческой деятельности органов прокуратуры и об улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 31 августа 2023 г. № 584 : текст с изм. и доп. на 20 февр. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нами исполнительной власти. При этом подзаконное правотворчество часто связано с «непрозрачностью» процесса принятия нормативных правовых актов [6, с. 300], особенно если речь идет об актах закрытого характера. Например, стадия проектного подзаконного правотворчества, предполагающая обсуждение проекта подзаконного нормативного правового акта в сфере ОРД, ограничена субъектным составом должностных лиц, имеющих соответствующие допуски, а стадия обнародования принятого акта реализуется с учетом требований к работе с документами закрытого характера.

Формы и средства участия органов прокуратуры в правотворческой деятельности предопределяются нормами Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (ст. 9). Генеральный прокурор Российской Федерации в своем Приказе от 31 августа 2023 года № 584 обращает внимание на необходимость направить действия органов прокуратуры на выявление потребностей в правовом регулировании общественных отношений, принятие мер к устранению пробелов и коллизий законодательства. Использование органами прокуратуры возможностей функции участия в правотворческой деятельности в сфере нормативно-правового регулирования оперативно-разыскных отношений имеет свои особенности.

С учетом положений ст. 71 Конституции Российской Федерации принятие мер, направленных на совершенствование законодательства об оперативно-разыскной деятельности, предполагает реализацию органами прокуратуры функции по участию в правотворческой деятельности и полномочий преимущественно на федеральном уровне. Так, в целях совершенствования правовых основ оперативно-разыскной деятельности органами прокуратуры может применяться: инициативная разработка проектов законов и иных нормативных

правовых актов; участие в подготовке законопроектов, разрабатываемых другими органами государственной власти; подготовка правовых заключений на законопроекты и проекты иных нормативных правовых актов; участие в обсуждении законопроектов в палатах Федерального Собрания Российской Федерации. Например, в 2006 году по заданию Генеральной прокуратуры Российской Федерации и поручению руководства Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации автор по результатам изучения положений проекта Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» принял непосредственное участие в подготовке замечаний и предложений по его содержанию.

Отсутствие четкой законодательной регламентации порядка принятия оперативно-разыскных мер и отдельных решений органами, осуществляющими ОРД, в особенности при проведении оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина, в свое время негативно оценивалось как Европейским судом по правам человека¹, так и многими специалистами-правоведами [7, с. 11 – 13]. В этой связи Генеральная прокуратура Российской Федерации в 2007 году приняла участие в процедуре разработки и внесения отдельных законодательных изменений в области регулирования осуществления ОРД. Изменения затронули ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в части установления запрета подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация) и запрета фальсифицировать результа-

¹ В 2022 году Российская Федерация вышла из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека.

ты оперативно-разыскной деятельности. Несмотря на то что эти законодательные изменения не разрешили проблему в целом, поскольку вновь принятые нормы допускают их различное толкование, они явились важным шагом в реформировании российского законодательства об оперативно-разыскной деятельности.

Не отрицая важности для правотворческой деятельности разработки и принятия (издания) новых нормативных правовых актов [8, с. 30], следует констатировать существование и других форм правотворческой деятельности, которые специалисты относят к вспомогательным [9, с. 3–12]. Участие прокуратуры в правотворчестве имеет еще и большое предупредительное значение [10, с. 106]. В практике деятельности отечественной прокуратуры уже давно получил распространение положительный опыт согласования содержания нормативных правовых актов государственных органов исполнительной власти подзаконного характера, регулирующих общественные отношения в различных сферах жизни.

Представляется, что, учитывая этот опыт, следует формировать положительную практику не только внесения предложений об изменении положений действующих законодательных актов, но также проверки содержания и согласования нормативных правовых актов подзаконного характера, издаваемых органами исполнительной власти (органами, осуществляющими ОРД), поскольку, как справедливо считают специалисты, участие прокуратуры в правотворческой деятельности охватывает также издание подзаконных нормативных правовых актов [11, с. 12]. Созданию более совершенных подзаконных нормативных правовых актов (ведомственных) может служить их обязательное изучение прокурорами и согласование органами прокуратуры. Этот подход разделяется многими учеными, которые считают,

что важнейшей гарантией соответствия законам издаваемых органами, осуществляющими ОРД, ведомственных актов является обязательность их согласования с Генеральным прокурором Российской Федерации [12, с. 24–37]. Причем в свое время Закон Российской Федерации от 13 марта 1992 года № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» (ст. 4)¹ устанавливал правило, согласно которому нормативные акты, регламентирующие организацию и тактику проведения оперативно-разыскных мероприятий, издаваемые органами, осуществляющими ОРД, подлежат согласованию с органами прокуратуры. Намерение руководителей органов, осуществляющих ОРД, самостоятельно определять содержание ведомственных нормативных правовых актов и их позиция при принятии Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» привели к исключению этого положения из закона. Поэтому аналогичная норма в действующем Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» отсутствует, что негативно сказывается на качестве принимаемых ведомственных актов.

Следует подчеркнуть, что практика согласования отдельных нормативных правовых актов правоохранительных органов с органами прокуратуры и судебной власти получила распространение еще в советские времена. Ее можно расценивать как весьма позитивную. Например, Прокуратурой СССР были изучены и согласованы «Рекомендации по применению средств видео- и звукозаписи, кино- и фотоаппаратуры, телефонной связи и использованию полученных результатов при предотвращении, раскрытии и расследовании преступлений»².

¹ Утратил юридическую силу.

² Разработаны и утверждены МВД СССР, КГБ СССР, Минюстом СССР и Верховным Судом СССР 30 июня 1990 г. // Бюллетень ГСУ МВД СССР. 1990. № 1 (4).

В настоящее время согласно ч. 3 ст. 4 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» ведомственные нормативные правовые акты, определяющие организацию и тактику проведения органами внутренних дел Российской Федерации, таможенными органами Российской Федерации, Федеральной службой исполнения наказаний оперативно-розыскных мероприятий с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, согласуются с Федеральной службой безопасности Российской Федерации.

В качестве положительного примера недалекого прошлого можно указать практику подготовки и принятия межведомственных инструкций, изданных во исполнение требований ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд» (утверждена Приказом ФСНП России, ФСБ России, МВД России, ФСО России, СВР России от 13 мая 1998 года) и «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд» (утверждена Приказом МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Министерства обороны Российской Федерации от 17 апреля 2007 года)¹, которые были согласованы с Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Значение согласования их содержания с Генеральной прокуратурой Российской Федерации определяется ролью органов прокуратуры в обеспечении законности ОРД при выполнении процедуры представления результатов ОРД для их дальнейшего использования в уголовном судопроизводстве. Прокурор, надзирающий за исполнением

законов органами, осуществляющими ОРД, должен иметь возможность прямо влиять на содержание их правоприменительной практики и организацию должного взаимодействия при преобразовании результатов ОРД в доказательства по уголовным делам, что становится возможным при учете требований органов прокуратуры, выраженных в рамках процедуры согласования соответствующих межведомственных документов.

Полагаем, что к обозначенной законодательной регламентации целесообразно вернуться и ввести процедуру обязательного согласования затрагивающих конституционные права и свободы граждан, интересы юридических лиц ведомственных и межведомственных нормативных актов органов, осуществляющих ОРД, с органами прокуратуры в лице прокуроров соответствующих уровней.

Институт согласования отдельных ведомственных нормативных правовых актов органами прокуратуры уже сейчас применяется в некоторых важных сферах государственной деятельности, связанных с ограничением прав и свобод граждан и применением мер принуждения. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» ведомственные подзаконные нормативные правовые акты – Правила внутреннего распорядка в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений утверждаются по согласованию с Генеральным прокурором Российской Федерации. Аналогичный подход предусмотрен ч. 3 ст. 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, согласно которой Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений утверждаются по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

¹ Утратили юридическую силу.

Представляется особо важным участие прокурора в правотворческой деятельности при издании и совершенствовании ведомственных нормативных правовых актов органов, осуществляющих ОРД, которые носят закрытый характер. Например, достаточно длительное время в органах внутренних дел действовал ряд нормативных правовых актов, изданных еще в начале 90-х годов прошлого столетия¹. Данные приказы, инструкции и положения длительное время не пересматривались и применялись, несмотря на то, что на тот период уже устарели по содержанию и противоречили действующим законодательным актам. Однако они не были опротестованы органами прокуратуры Российской Федерации. Для исправления ситуации не была задействована и функция прокуратуры по участию в правотворческой деятельности, что в течение длительного времени влекло за собой применение норм, не соответствующих законодательным положениям. Считаем, что органы прокуратуры при осуществлении подзаконного правотворчества в сфере ОРД должны принимать участие в разработке новых и совершенствовании существующих нормативных правовых актов органов внутренних дел и иных органов, осуществляющих ОРД, закрытого характера, а при необходимости — инициировать их принятие или внесение изменений.

Предмет участия органов прокуратуры в правотворческой деятельности, полномочия прокурора и порядок их реализации в этой сфере, применяемые правовые средства имеют свои особенности и отличаются от соответствующих элементов предмета прокурорского надзора и надзорных полномочий прокурора в целом. Участие органов прокуратуры в правотворческой деятельности в целом имеет собственный

¹ Например, приказы, регламентировавшие организацию разыскной работы в органах внутренних дел, закрытого характера.

предмет — принятие и совершенствование нормативных правовых актов, а также самостоятельные задачи, направленные на выявление, устранение и предупреждение в пределах установленных полномочий пробелов и противоречий в правовых актах. Участие органов прокуратуры в совершенствовании нормативных правовых актов в сфере ОРД возможно как в рамках законотворческой деятельности, так и в рамках деятельности по принятию правовых актов, осуществляемой правоохранительными органами.

С учетом общего содержания предмета участия прокурора в правотворческой деятельности органы прокуратуры в сфере правового регулирования ОРД должны обеспечивать:

качество, полноту и достаточную урегулированность общественных отношений, возникающих и существующих при осуществлении оперативно-разыскной деятельности, а также при представлении результатов оперативно-разыскной деятельности, на законодательном уровне;

эффективность нормативной регламентации, отсутствие правовых пробелов, коллизии норм различных законодательных актов, конструирование правовых норм с учетом требований юридической техники, согласованность законодательных и подзаконных норм;

соответствие содержания ведомственных и межведомственных нормативных правовых актов потребностям правового регулирования оперативно-разыскной деятельности в целом и деятельности отдельных органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, в частности;

соответствие содержания подзаконных нормативных правовых актов, определяющих правовые основы деятельности органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, требованиям Конституции Российской

Федерации и федерального законодательства.

Таким образом, значимым инструментом установления и поддержания режима законности в ОРД может выступать участие органов прокуратуры в правотворчестве. В сфере правового регулирования ОРД правовые средства этой функции прокуратуры потенциально могут применяться как для совершенствования норм федеральных законодательных актов, так и для корректировки подзаконных нормативных правовых актов, в том числе ведомственных и межведомственных. В этой связи предлагается установить на законодательном уровне правило обязательного согласования органами прокуратуры в лице прокуроров соответствующих уровней ведомственных и межведомственных нормативных актов органов, осуществляющих ОРД, затрагивающих конституционные права и свободы граждан, интересы юридических лиц.

Введение института согласования нормативных правовых актов оперативно-разыскных служб не будет означать неправомерное вмешательство органов прокуратуры в тактику и методику ОРД. Наоборот, такое согласование предполагает способствование соблюдению требований федерального законодательства об оперативно-разыскной деятельности с точки зрения исключения либо корректировки содержания неправомерных норм ведомственных актов, которые или прямо противоречат федеральным зако-

нам, или формируют не соответствующую законодательству правоприменительную практику. Особое значение этот институт должен приобрести в качестве специального средства обеспечения законности процедур ограничения конституционных прав граждан, законных интересов юридических лиц. Его применение представляется совершенно необходимым в отношении подзаконных актов, содержащих нормы, более детально, нежели законодательные предписания, регламентирующие правоприменительные процедуры проведения оперативно-разыскных мероприятий, связанных с ограничением прав, свобод граждан, законных интересов юридических лиц и применением мер государственного принуждения в отношении как лиц, представляющих оперативный интерес, так и лиц, вовлекаемых в ОРД.

Предлагается в ст. 4 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» включить ч. 4 следующего содержания: «Нормативные правовые акты, принимаемые органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, регламентирующие проведение оперативно-разыскных мероприятий и содержащие нормы, определяющие порядок ограничения прав и свобод человека и гражданина, затрагивающие интересы юридических лиц, принимаются по согласованию с органами прокуратуры Российской Федерации».

Список источников

1. Никитин Е. Л. Законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности как основа обеспечения ее законности прокурором // Актуальные проблемы прокурорской деятельности: теория прокурорской деятельности в системе наук : монография / Н. А. Васильчикова, И. И. Головкин, А. В. Еремин [и др.]. Москва : РУСАЙНС, 2020. С. 128 – 155.
2. Никитин Е. Л. Теоретические и правовые проблемы обеспечения прокурором законности оперативно-розыскной деятельности : монография. Москва : РУСАЙНС, 2024. 369 с.
3. Ястребов Б. В. Прокурорский надзор : учебник. Москва : Городец, 2001. 400 с.
4. Басков В. Н. Прокурорский надзор : учеб. для вузов. Москва : БЕК, 1995. 546 с.
5. Карпов Н. Н. Прокуратура: надзор или деятельность? // Законность. 2014. № 8. С. 7 – 11.

6. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. Москва : Юристъ, 2001. 512 с.

7. Лаптев П. А., Федоров А. В. О необходимости совершенствования российского оперативно-розыскного законодательства с учетом Постановления Европейского Суда по правам человека по делу «Ваньян против Российской Федерации» // Наркоконтроль. 2006. № 4. С. 11 – 13.

8. Самощенко И. С. Некоторые вопросы учения о нормативных правовых актах Советского государства // Правоведение. 1969. № 3. С. 28 – 36.

9. Червяков Н. Н. Проблемы совершенствования ведомственного нормотворчества (на материалах МВД России) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства, история учений о праве и государстве» : дис. ... канд. юрид. наук / Червяков Николай Николаевич. Москва, 1999. 140 с.

10. Бессарабов В. Г., Мыщыкова О. И. Участие прокуратуры в правотворческой деятельности как важнейший механизм укрепления законности в стране и исполнения международных обязательств // Прокурорская и следственная практика. 2004. № 3-4. С. 103 – 114.

11. Королев Г. Н. К спору о законности правотворческой деятельности Генерального прокурора // Законность. 2012. № 5. С. 12 – 15.

12. Басков В. И. Комментарии к законодательству об оперативно-розыскной деятельности и органах ФСБ // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 1998. № 2. С. 24 – 37.

Информация об авторе

Е. Л. Никитин – доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. L. Nikitin – Associate Professor at the Department of prosecutorial supervision and participation of the prosecutor in the consideration of criminal, civil and arbitration cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 342

КОНСТИТУЦИОННО-СУДЕБНЫЕ ПОРУЧЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЮ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Яна Константиновна ЧЕПЕНКО

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, chepenko55@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию конституционно-судебных поручений (рекомендаций), которые Конституционный Суд Российской Федерации формулирует законодателю по итогам рассмотрения дела. Автор отмечает, что применение рекомендаций законодателю не всегда сопряжено с признанием нормы не соответствующей Конституции. Однако игнорирование законодателем соответствующих конституционно-судебных рекомендаций может привести к противоречивости и рассогласованности законодательства в его сопоставлении с Конституцией Российской Федерации и тем самым создать угрозу нарушения конституционных прав и свобод граждан.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, конституционно-судебные поручения, рекомендации законодателю, Конституция Российской Федерации

Для цитирования: Чепенко Я. К. Конституционно-судебные поручения законодателю: вопросы теории и практики // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 126 – 130.

Original article

CONSTITUTIONAL AND JUDICIAL INSTRUCTIONS TO THE LEGISLATOR: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Yana K. CHEPENKO

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, chepenko55@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of constitutional court orders (recommendations) that the Constitutional Court of the Russian Federation formulates to the legislator based on the results of the consideration of the case. The author notes that the application of recommendations to the legislator is not always associated with the recognition of a norm that does not comply with the Constitution. However, ignoring the relevant constitutional and judicial recommendations by the legislator may lead to inconsistency and disagreement of legislation in its comparison with the Constitution of the Russian Federation and thus may create a threat of violation of the constitutional rights and freedoms of citizens.

Keywords: the Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional court orders, recommendations to the legislator, the Constitution of the Russian Federation

For citation: Chepenko Y. K. Constitutional and judicial instructions to the legislator: questions of theory and practice. Criminalist. 2024;3(48):126-130. (In Russ.).

© Чепенко Я. К., 2024

Одной из весьма актуальных проблем современного конституционализма является определение места и роли органов конституционного контроля в системе разделения властей. Как отмечает Н. С. Бондарь, орган конституционного правосудия, как корабль Одиссея, находится между Сциллой и Харибдой в поисках эффективного и безопасного пути следования для достижения стоящих перед ним конституционных целей [1, с. 5–12].

По самой природе, естественным характеристикам и результатам деятельности Конституционный Суд Российской Федерации занимается не только юрисдикционным правоприменением [2, с. 36], но также оказывает значительное влияние на процесс правотворчества. Необходимо отметить, что Конституционный Суд играет специфичную роль в данном процессе. По мнению В. Б. Сычева, конституционные суды осуществляют правотворчество особого рода, в рамках которого можно выделить несколько видов: позитивное, негативное, корректирующее и интерпретационное правотворчество. Кроме того, конституционный суд может давать предписания (рекомендации), обязательные для исполнения законодателем [3, с. 223]. Органы конституционного контроля имеют возможность непосредственного или косвенного участия в правотворческой деятельности. В первом случае речь может идти как о законодательной инициативе, так и о конституционном контроле.

Часть 1 ст. 104 Конституции Российской Федерации исчерпывающе определяет круг субъектов, обладающих правом законодательной инициативы. Право Конституционного Суда Российской Федерации на законодательную инициативу ограничено «вопросами его ведения». Так, ст. 104 Конституции Российской Федерации породила проблему определения объема понятия

«право законодательной инициативы по вопросам ведения» [4, с. 40]. Указанное положение может и должно быть истолковано системно с положениями Конституции, которые определяют статус, цели и задачи, а также полномочия органов правосудия, в которых закреплены различные виды судопроизводства. Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации выступает субъектом законодательной инициативы со специальной компетенцией, слова «по вопросам ведения» следует понимать как исключительно по вопросам отправления правосудия [5, с. 32].

Специальная компетенция высшего органа конституционного правосудия связана с противовесом, сдерживающим механизмом для институтов представительной демократии, особенно законодательного органа, не позволяет им выходить за рамки конституционного поля, что обеспечивает функционирование демократии в соответствии с принципом верховенства права. Конституционные формы контроля используются для предотвращения злоупотреблений институтами демократии.

Во втором случае органы конституционного контроля могут косвенно участвовать в правотворческой деятельности.

По итогам рассмотрения дела Конституционный Суд Российской Федерации формулирует конституционно-судебные поручения (рекомендации) законодателю в целях устранения дефектов и правовых пробелов, несовершенства законодательства и правового регулирования¹. Упомянутые указания

¹ Например, в Постановлении от 28 января 2020 года № 5-П Конституционным Судом рассматривалась проблема несовершенства правового механизма реализации пенсионных прав военных пенсионеров в системе обязательного пенсионного страхования. Конституционный Суд дал поручение федеральному законодателю незамедлительно принять меры по устранению указанной неопределенности применительно к объему, а также условиям

(рекомендации) не являются непосредственно обязательными для законодателя, но способствуют последовательному и систематическому применению конституционных принципов и положений в соответствующих законах. Если законодатель не будет следовать конституционно-судебным рекомендациям, это может привести к противоречиям между действующим законодательством и Конституцией Российской Федерации, а также к нарушению конституционных прав и свобод граждан.

Как правило, конституционно-судебные поручения (рекомендации) законодателю формируются тогда, когда Конституционный Суд Российской Федерации признает ту или иную норму законоположения не соответствующей Конституции Российской Федерации¹,

формирования и реализации в системе обязательного пенсионного страхования пенсионных прав адвокатов из числа военных пенсионеров в соответствии с изложенными в Постановлении правовыми позициями (По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», подпункта 2 пункта 1 статьи 6, пункта 2.2 статьи 22 и пункта 1 статьи 28 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», подпункта 2 пункта 1 статьи 419 Налогового кодекса Российской Федерации, а также частей 2 и 3 статьи 8, части 18 статьи 15 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки О. В. Морозовой : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2020 г. № 5-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

¹ Так, в Постановлении от 11 апреля 2024 года № 17-П Конституционным Судом Российской Федерации оспариваемые нормы (ст. 85, ч. 4 ст. 87 и ст. 211 КАС РФ) были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, поскольку в системе действующего правового регулирования они

что в последующем создает пробел в правовом регулировании. В таких случаях норма утрачивает юридическую силу, и Конституционный Суд Российской Федерации предлагает законодателю устранить пробел, приняв новую норму или изменив действующую. Конституционный Суд Российской Федерации также может вводить особый порядок вступления в силу своих решений² и откладывать их исполнение в целях приведения законодательства в соответствие с Конституцией Российской Федерации.

необоснованно ограничивают полномочия суда по применению иных мер предварительной защиты по административному иску. Законодателю надлежит внести в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации необходимые изменения. До этого при рассмотрении аналогичных споров суд вправе обязать собственника или законного владельца объекта, в отношении которого оспаривается отказ во включении в перечень выявленных объектов культурного наследия, или земельного участка, на котором он расположен, воздержаться от сноса. При этом суду при применении данной меры предварительной защиты надлежит привлечь собственника или законного владельца к участию в деле в качестве заинтересованного лица (По делу о проверке конституционности статьи 85, части 4 статьи 87 и статьи 211 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Сергеева : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2024 г. № 17-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

² Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 12 марта 2024 года № 10-П указал, что отсутствие в действующем законодательстве предписаний о судьбе платы за прекращенное рассмотрение финансовым уполномоченным обращений по уступленному праву требования обладает признаками конституционно значимого пробела. Оспариваемые нормы (чч. 4 и 5 ст. 9, ч. 6 ст. 16, чч. 1 и 4 ст. 18, чч. 1, 2 и 11 ст. 20 Федерального закона от 4 июня 2018 г., № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг») в их взаимосвязи в этой части не соответствуют Конституции Российской Федерации. Законодателю надлежит до 1 марта 2025 года устранить данный пробел. До внесения соответствующих изменений данная плата не возвращается. Если регулирование не изменится до установленной даты, то соответствующая плата будет возвращаться с указанной даты в полном объеме.

Следует отметить, что формулирование рекомендаций законодателю органами конституционного контроля не всегда связано с признанием нормы не соответствующей Конституции. Так, Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 9 апреля 2024 года № 16-П¹ пункт 6 статьи 138 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» признал не противоречащим Конституции Российской Федерации, однако указанные в Постановлении выводы (правовые позиции) необходимо будет учесть федеральному законодателю и определить порядок погашения текущей задолженности по имущественным налогам, связанным с предметом залога.

Также в Постановлении от 28 марта 2024 года № 13-П² Конституционный Суд признал нормы ч. 2 и ч. 4 ст. 20, ч. 1 и ч. 2 ст. 31, ч. 4 ст. 147, ч. 1 и ч. 3 ст. 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, но тем не менее отметил, что законодатель вправе уточнить порядок рассмотрения районными судами дел частного обвинения.

Н. С. Бондарь отмечает, что Конституционный Суд Российской Федерации обладает преобразовательной функцией:

¹ По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 138 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами публичного акционерного общества «Сбербанк России» и общества с ограниченной ответственностью «Торговый дом „Агроторг“»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2024 г. № 16-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 20, частей первой и второй статьи 31, части четвертой статьи 147, частей первой и третьей статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. И. Баскаковой: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2024 г. № 13-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ей: преобразование собственно самой Конституции Российской Федерации (например, при помощи толкования Конституции органом конституционного правосудия), а также преобразование законодательства и правоприменительной практики посредством в том числе и поручений (рекомендаций) законодателю [6, с. 114].

Однако профессор Е. В. Гриценко указывает на противоречивость и непоследовательность отнесения рекомендаций (указаний) законодательной власти к способам преобразования конституционализма, потому как упомянутые рекомендации не отличаются необходимой степенью обязательности, имеют для законодателя лишь ориентирующее значение, выбор способа и формы их реализации остается за законодателем. Подобные поручения Конституционного Суда Российской Федерации сами по себе не создают новых конституционных норм, а их преобразовательное воздействие на конституционные отношения является косвенным [7, с. 25].

Для совершенствования практики конституционного правосудия необходимо выработать определенные критерии: в каких случаях применять императивные конституционно-судебные поручения, а когда достаточно обойтись и рекомендательными конституционно-судебными поручениями к законодателю. При этом необходимо избегать общих и абстрактных формулировок.

Таким образом, конституционный суд или иной орган конституционного контроля, существующий в том или ином государстве, реализует участие в нормотворчестве посредством как дачи указаний (рекомендаций) о необходимости принятия нормативно-правового акта взамен спорного, дефектного или пробельного, так и направления законопроекта в орган законодательной власти, будучи субъектом законодательной инициативы.

Практика Конституционного Суда Российской Федерации показывает, что он вносит весьма позитивный вклад в модернизацию российского законодательства, устраняя правовые пробелы, совершенствуя правовое пространство и обеспечивая правовую поддержку законодательного процесса на всей территории Российской Федерации.

Деятельность Конституционного Суда Российской Федерации является важным вкладом в законодательный процесс, помогает предельно деликатно, гуманно и объективно реализовывать правовые нормы и прежде всего предотвращать нарушения конституционных прав граждан.

Список источников

1. Бондарь Н. С. Конституционный Суд между Сциллой и Харибдой: место конституционного правосудия в системе разделения властей // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2008. Вып. 2, № 13. С. 5–12.
2. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие как институт преодоления правовых дефектов, конфликтов и пробелов в правовой системе // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства : сб. науч. тр. / Конституционный суд Республики Татарстан. Казань : Офсет-сервис, 2008. С. 36.
3. Сычев В. Б. Содержание и формы участия Конституционного Суда РФ в правотворчестве // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 1, вып. 2. С. 223–231.
4. Ашхотов З. А. Конституционный Суд Российской Федерации как субъект права законодательной инициативы // Журнал российского права. 2011. № 8. С. 40–48.
5. Аитов П. Б. Право законодательной инициативы Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 5. С. 32–35.
6. Чепенко Я. К. Правовые пробелы в механизме конституционного обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. В свете практики Конституционного Суда Российской Федерации : монография. Москва : Проспект, 2022. 120 с.
7. Гриценко Е. В. Пределы нормотворчества Конституционного Суда России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Сер. 14. Вып. 2. С. 24–33.

Информация об авторе

Я. К. Чепенко – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

Ya. K. Chepenko – Associate Professor at the Department of public law disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 347.963

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ В ДЕЛЕ ПРОКУРОРА В ПОРЯДКЕ ч. 3 ст. 45 ГПК РФ

Нина Александровна ВАСИЛЬЧИКОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, nivasil@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные актуальные вопросы участия прокурора в гражданском судопроизводстве в форме дачи заключения по делу в порядке ч. 3 ст. 45 ГПК РФ. Автор уделяет внимание вопросу направления прокурору копии искового заявления и документов, прилагаемых к нему. Учитывая результаты анализа материалов судебной практики, когда исковое заявление в любом случае должно быть принято к производству суда, автор приходит к выводу, что истец не должен освобождаться от обязанности направления исковых материалов прокурору, но уже на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, что должно быть закреплено в ч. 1 ст. 149 ГПК РФ. Также уделяется внимание вопросу привлечения прокурора к участию в делах, не предусмотренных нормами ГПК РФ и нормами других федеральных законов, и процессуальным действиям прокурора в таких ситуациях.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, прокурор, дача заключения по делу, исковое заявление, документы, прилагаемые к исковому заявлению, оставление искового заявления без движения, ходатайства

Для цитирования: Васильчикова Н. А. Актуальные вопросы участия в деле прокурора в порядке ч. 3 ст. 45 ГПК РФ // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 131 – 136.

Original article

TOPICAL ISSUES OF PARTICIPATION IN THE PROSECUTOR'S CASE IN ACCORDANCE WITH PART 3 OF ARTICLE 45 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Nina A. VASILCHIKOVA

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, nivasil@mail.ru*

© Васильчикова Н. А., 2024

Abstract. The article considers some topical issues of the prosecutor's participation in civil proceedings in the form of giving an opinion on the case in accordance with Part 3 of Article 45 of the CPC of the Russian Federation. The author pays attention to the issue of sending a copy of the statement of claim and the documents attached to it to the prosecutor. Taking into account the results of the analysis of the materials of judicial practice, when the statement of claim should in any case be accepted for court proceedings, the author concludes that the plaintiff should not be relieved of the obligation to send the claim materials to the prosecutor, but already at the stage of preparing the case for trial, which should be fixed in Part 1 of Article 149 of the CPC of the Russian Federation. Attention is also drawn to the issue of involving the prosecutor in cases not provided for by the norms of the CPC of the Russian Federation and the norms of other federal laws, and the procedural actions of the prosecutor in such situations.

Keywords: civil proceedings, prosecutor, giving an opinion on the case, statement of claim, documents attached to the statement of claim, leaving the statement of claim without motion, petitions

For citation: Vasilchikova N. A. Topical issues of participation in the prosecutor's case in accordance with Part 3 of Article 45 of the Civil Code of the Russian Federation. *Criminalist*. 2024;3(48):131-136. (In Russ.).

Институт участия прокурора в гражданском судопроизводстве имеет глубокие исторические корни и берет свое начало с принятия Устава гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 года [1, с. 39], а дача заключения по делу традиционно считается одной из форм участия в гражданском деле.

Вступление прокурора в гражданский процесс предусматривали процессуальные кодексы советского периода — Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 года и Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 года. Первый наделял прокурора полномочиями по вступлению в дело на любой стадии, если этого требовала охрана интересов государства или трудящихся масс. Второй главной задачей участия прокурора в гражданском процессе считал надзор за законностью при рассмотрении и разрешении гражданских дел и исполнении судебных постановлений.

Действующий Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации 2002 (далее — ГПК РФ) закрепляет положения о вступлении прокурора в процесс в целях осуществления возложенных на него полномочий и дачу им заключения по ограниченному кругу гражданских дел, определенных не только в ГПК РФ, но и в других федеральных законах (ч. 3 ст. 45 ГПК РФ).

С точки зрения положений гражданского процессуального законодательства суд обязан привлекать прокурора к участию в таких делах и, соответственно, извещать его о начале процесса.

Организационно-распорядительные документы Генеральной прокуратуры Российской Федерации¹ участие прокурора в деле в порядке ч. 3 ст. 45 ГПК РФ закрепляют в качестве одной из основных служебных обязанностей прокурора, поэтому рассмотрение дела в отсутствие прокурора, извещенного о времени и месте судебного разбирательства, явление исключительное, но возможное, поскольку для суда ключевое значение при решении вопроса о проведении судебного заседания будут иметь сведения о получении прокурором первого судебного извещения о проведении предварительного судебного заседания либо судебного заседания, а также первого судебного постановления, которым может быть определение о принятии искового заявления к производству и возбуждении производства по делу, о назначении времени и места судебного

¹ Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 11 января 2021 г. № 2. П. 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

заседания, об отложении судебного разбирательства¹.

Недавние изменения процессуально-го закона также допускают вступление прокурора в процесс для дачи заключения по делу в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 45 ГПК РФ². При этом инициатива вступления в дело, независимо от стадии гражданского процесса, может исходить как от прокурора, так и от суда.

Новые полномочия прокурора по вступлению в дело по своей инициативе или инициативе суда сейчас находятся в центре внимания исследователей и практиков, на их реализацию нацеливают и организационно-распорядительные акты Генеральной прокуратуры Российской Федерации³. Однако, по нашему мнению, не утратили актуальности отдельные вопросы практики участия прокурора в делах «обязательной категории».

1. Направление прокурору, привлеченному к участию в деле, исковых материалов.

Обращение заинтересованного лица в суд за защитой своих нарушенных прав, свобод и законных интересов либо в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц, при условии наличия такого права в силу федерального закона, предполагает соблюдение уста-

новленного порядка предъявления иска, включающее в себя соблюдение требований не только к содержанию искового заявления, но и к перечню документов, прилагаемых к нему (ч. 2 ст. 131 ГПК РФ, ст. 132 ГПК РФ). В числе документов, указанных в ст. 132 ГПК РФ, значителен уведомление о вручении или иные документы, подтверждающие направление другим лицам, участвующим в деле, копий искового заявления и приложенных к нему документов, которые у других лиц, участвующих в деле, отсутствуют. Данный документ необходим в приложении и при подаче в суд искового заявления в электронном виде (п. 6).

Эта новелла появилась в ГПК РФ пять лет назад⁴ не случайно, поскольку законодатель идет по пути унификации процессуального законодательства. Как известно, такой документ уже давно значится в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ) в качестве приложения к исковому заявлению.

Сама же идея порядка направления документов участвующим в деле лицам исходит от разработчиков Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, полагающих, что при состязательной модели судопроизводства именно такой порядок способствует активности и самостоятельности сторон. И как подчеркивает Конституционный Суд Российской Федерации, положения п. 6 ст. 132 ГПК РФ направлены на реализацию принципов состязательности и равноправия сторон при осуществлении правосудия⁵.

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ : текст с изм. и доп. на 17 окт. 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чогина Фиделя Павловича на нарушение его конституционных прав статьей 132 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Фе-

¹ О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57. П.15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Часть 4 статьи 45 ГПК РФ была введена Федеральным законом от 7 октября 2022 года № 387-ФЗ «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статью 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

³ Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в налоговой сфере : Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 24 октября 2023 г. № 736. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Возложение на лиц, обратившихся за судебной защитой, обязанности по направлению исковых материалов до предъявления иска в суд большинством российских процессуалистов поддерживается [2, с. 19 – 20; 3, с. 26], но есть среди них и те, кто считает такой порядок преждевременным [4].

Итак, если следовать указанной норме ГПК РФ, то на момент решения вопроса о принятии искового заявления к производству и возбуждении гражданского дела истцом должна быть исполнена процессуальная обязанность по направлению исковых материалов всем участвующим в деле лицам, в том числе и прокурору, поскольку с точки зрения положений ст. 34 ГПК РФ независимо от формы участия в деле он относится именно к этой группе участников гражданского процесса.

В связи с указанным законоположением в процессуальной деятельности судов возникли вопросы: обязан ли истец на момент подачи искового заявления в суд представить подтверждение направления прокурору исковых материалов? насколько законным будет определение суда об оставлении искового заявления без движения по причине ненаправления прокурору обозначенных в п. 6 ст. 132 ГПК РФ документов?

Представляется, что ответ на первый вопрос следует начать с содержания искового заявления в части сведений об участвующих в деле лицах. Согласно п. 1 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ в исковом заявлении отражаются подробные сведения только о сторонах гражданского судопроизводства, т. е. об истце и ответчике. А если же в исковом заявлении указаны третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, то вполне можно согласиться с мнением С. О. Моисеева [5], что это своего рода ходатайство о привлечении к участию в деле указанных лиц, поскольку в

дерации от 27 мая 2021 г. № 1036-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

исковом заявлении не исключается изложение тех или иных ходатайств истца (абз. 1 п. 8 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ). Учитывая, что состав лиц, участвующих в деле, определяется судом на стадии подготовки дела к судебному разбирательству и это одна из задач, стоящих перед судом (ст. 148 ГПК РФ), ходатайства, касающиеся субъектного состава участвующих в деле лиц, должны разрешаться судом после возбуждения гражданского дела. Поэтому неуказание прокурора во вводной части искового заявления не может являться основанием для вынесения судом определения об оставлении искового заявления без движения¹.

Стоит отметить, что при разрешении вопроса о составе лиц, участвующих в деле, суд не оставляет без внимания и субъектов, имеющих «процессуальный интерес» в исходе дела (прокурор, органы государственной власти, органы местного самоуправления)². И в нашем случае речь идет об участии прокурора в делах «обязательной категории».

Следовательно, направление прокурору перечисленных в п. 6 ст. 132 ГПК РФ документов на стадии возбуждения гражданского дела в обязанности лица, обратившегося за судебной защитой, не входит, что находит подтверждение на практике. Так, по одному из дел, отменяя определение суда апелляционной инстанции, согласившегося с выводом суда первой инстанции о возвращении искового заявления по причине неустранения обстоятельств, послуживших основаниями для оставления искового заявления без движения в установленный в определении суда срок (истец не направил в адрес прокурора копию

¹ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 26 марта 2021 г. по делу № 88-7446/2021 ; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 февраля 2023 г. № 88-3057/2023. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

² О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

искового заявления), кассационный суд общей юрисдикции исходил из неверного толкования судом апелляционной инстанции норм процессуального права¹.

И если это не процессуальная обязанность, то вполне очевидным будет ответ и на второй вопрос относительно законности определения суда об оставлении искового заявления без движения, что опять же подтверждается материалами судебной практики².

Представляется, что в сложившейся ситуации, когда исковое заявление в любом случае должно быть принято к производству суда, истец не должен освобождаться от обязанности направления исковых материалов прокурору. И здесь, по нашему мнению, заслуживает внимания практика, когда суд после принятия искового заявления к производству устанавливает истцу срок не позднее даты проведения предварительного судебного заседания для представления документа о направлении искового заявления и приложений к нему прокурору³.

А самым лучшим решением, на наш взгляд, было бы внесение дополнений в ч. 1 ст. 149 ГПК РФ, регламентирующую процессуальные действия истца, направленные на подготовку гражданского дела к судебному разбирательству и обеспечивающие его правильное и своевременное рассмотрение. В частности, о дополнении ч. 1 пунктом 3 следующего содержания: «Представляет уведомление о вручении или иные документы, подтверждающие направление лицам, привлеченным судом к участию

в деле, копий искового заявления и приложенных к нему документов». Речь может идти не только о прокуроре, но и о третьих лицах, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, об органах государственной власти и органах местного самоуправления, участвующих в деле в порядке ст. 47 ГПК РФ.

2. Привлечение судом прокурора к участию в делах «необязательной категории».

Дела «необязательной категории» — это дела, участие прокурора в которых не предусмотрено ни нормами ГПК РФ, ни нормами других федеральных законов. Однако на практике встречаются случаи, когда суды, вопреки положениям гражданского процессуального законодательства, привлекают прокурора к участию в деле. Иллюстрацией подобной практики служат постановления судов по двум схожим делам, отмененные второй кассацией — Судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации⁴. Суть дел следующая. Истцы обращались с иском к одному и тому же банку о взыскании долга по договорам вклада, процентов по вкладам, штрафа и компенсации морального вреда. Банк, в свою очередь, предъявлял встречные иски о признании договоров банковского вклада незаключенными. В удовлетворении первоначальных исков судом было отказано, а встречные иски удовлетворены.

Отменяя состоявшиеся по делам судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, кассационного суда общей юрисдикции, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не обошла стороной и вопрос относительно участия в рассмотренных делах по искам граждан-потребителей к коммерческой

¹ Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 15 ноября 2021 г. № 88-9423/2021 ; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 февраля 2023 г. № 88-3057/2023. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

² Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 26 марта 2021 г. по делу № 88-7446/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 5 мая 2022 г. № 33-11138/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2022 г. по делу № 21-КГ22-7-К5 ; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2023 г. № 21-КГ22-11-К5. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

организации прокурора, возражавшего против удовлетворения заявленных исцами требований.

Отказывая в удовлетворении требований по первоначальным искам, судебные инстанции сослались в том числе и на заключение прокурора. При этом, как указано в определениях Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, участие в делах прокурора, исходя из положений ст. 45 ГПК РФ, не нашло отражения в материалах дела. Более того, в определениях подчеркивается, что данное обстоятельство могло повлиять на результат разрешения дел не в пользу граждан-потребителей. Представляется, что данный вывод далеко не бесспорен, поскольку заключение прокурора не носит обязательного характера для суда.

Тем не менее на вышеуказанные нарушения процессуальных норм высшая судебная инстанция посчитала нужным обратить внимание судов апелляционной и кассационной инстанций.

Таким образом, чтобы не оказаться в центре внимания высшей судебной ин-

станции, прокурору, привлеченному судом к участию в деле «необязательной категории», ничего не остается, как заявить ходатайство о выходе из процесса по делу, т. е. об исключении его из состава участвующих по делу лиц.

Ходатайство о выходе из процесса по делу может быть заявлено прокурором и в ситуациях, когда меняется категория дела, т. е. когда рассматриваемое судом дело уже не относится к делам «обязательной категории». Причем это может произойти не только в суде первой инстанции при изменении предмета иска, но и в суде апелляционной инстанции. Например, когда отменяется решение суда первой инстанции в части заявленных требований и суд переходит к новому рассмотрению дела, и уже исходя из предмета иска дело не относится к категории дел, рассматриваемых с обязательным участием прокурора.

Подытоживая изложенное, отметим, что участие прокурора в делах «обязательной категории» может быть представлено и другими не менее актуальными вопросами.

Список источников

1. Андреева О. А., Яновский Е. С. Институт участия прокурора в гражданском процессе в истории российского государства и права // История государства и права. 2012. № 21. С. 38–41.
2. Хасашин И. А. Реализация процессуальных гарантий в стадии возбуждения дела в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 4. С. 18–20.
3. Широкин П. Ю. Об искомом заявлении // Фундаментальные и прикладные разработки естественных и гуманитарных наук, современные концепции, последние тенденции развития : материалы XV Всерос. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 24 сентября 2018 г.). Сб. науч. ст. В 4 ч. Ч. 2. Ростов-на-Дону : Южный ун-т (ИУБиП), 2018. С. 26–34.
4. Батурина Н. А. К вопросу о направлении копий искового заявления и приложенных к нему документов лицам, участвующим в деле // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 42–47.
5. Моисеев С. О праве истца привлечь третьих лиц // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 8. С. 19–21.

Информация об авторе

Н. А. Васильчикова – заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

N. A. Vasilchikova – Head at the Department of civil law disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 347.1

ГЕНЕЗИС И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ
НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК, СОВЕРШЕННЫХ С ЦЕЛЬЮ,
ПРОТИВНОЙ ОСНОВАМ ПРАВОПОРЯДКА

Эдуард Асхатович КУЗБАГАРОВ¹, Виталий Алексеевич МАКСИМОВ²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ekuzbagarov@yandex.ru

²maximovva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию практики разграничения недействительных сделок, противоречащих требованиям закона и противных основам правопорядка. Прокурорская практика в основном ориентирована на обращение полученного по недействительной сделке в доход государства. Новейшая судебная практика исключила старый подход и ориентирует прокурора определять судьбу предмета недействительной сделки в рамках уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: прокурор, недействительность сделок, основы правопорядка, нравственность, сделки, противоречащие закону

Для цитирования: Кузбагаров Э. А., Максимов В. А. Генезис и практика применения последствий недействительности сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 137 – 145.

Original article

GENESIS AND PRACTICE OF APPLYING THE CONSEQUENCES
OF INVALIDITY OF TRANSACTIONS MADE FOR PURPOSES CONTRARY
TO THE FUNDAMENTALS OF LAW AND ORDER

Edward A. KUZBAGAROV¹, Vitaly A. MAKSIMOV²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ekuzbagarov@yandex.ru

²maximovva@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the practice of applying and delimiting invalid transactions that are contrary to the requirements of the law and contrary to the fundamentals of law and order. The use in prosecutorial practice of offenses contrary to the fundamentals of the rule of law is mainly focused on turning what was received under an invalid transaction into state income. The latest established judicial practice has eliminated the old approach, and guides the prosecutor to determine the fate of the subject of an invalid transaction within the framework of criminal proceedings.

Keywords: prosecutor, invalidity of transactions, fundamentals of law and order, morality, transactions contrary to the law

© Кузбагаров Э. А., Максимов В. А., 2024

For citation: Kuzbagarov E. A., Maksimov V. A. Genesis and practice of applying the consequences of invalidity of transactions made for purposes contrary to the fundamentals of law and order. *Criminalist*. 2024;3(48):137-145. (In Russ.).

1. Генезис сделок, противных основам правопорядка.

В цивилистической доктрине сделки, противные основам правопорядка или нравственности, антисоциальные сделки и сделки против добрых нравов имеют разные подходы понимания. В рамках данной работы авторы отождествляют эти понятия. Понятие антисоциальных сделок было введено в научный оборот профессором О. А. Красавчиковым [1, с. 127]. Западной доктриной права широко используется понятие добрых нравов. Этот состав фигурировал и в Своде законов Российской империи (ст. 1528), который устанавливал требование к договору о том, что его цель не должна противоречить законам, благочинию, публичному порядку. В дальнейшем идея об антисоциальных сделках перекочевала в Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. Статьей 30 ГК РСФСР 1922 года установлено, что «недействительна сделка, совершенная с целью, противной закону или в обход закона, а равно сделка, направленная к явному ущербу для государства». Новой для того времени стала идея о необходимости взыскания всего полученного по такой недействительной сделке в доход государства. Статья 147 ГК РСФСР 1922 года предусматривала, что ни одна из сторон не вправе требовать от другой возврата исполненного по договору по ст. 30. Несомнительное обогащение взыскивается в доход государства. Что придало составу иной путь развития, нежели откуда она была заимствована (из западной доктрины права). В дальнейшем данное правило перекочевало в ГК РСФСР 1964 года, а именно в ст. 49: «Если сделка совершена с целью, заведомо противной интересам социалистического государ-

ства и общества, то при наличии умысла у обеих сторон — в случае исполнения сделки обеими сторонами — в доход государства взыскивается все полученное ими по сделке, а в случае исполнения сделки одной стороной с другой стороны взыскивается в доход государства все полученное ею и все причитавшееся с нее первой стороне в возмещение полученного; при наличии же умысла лишь у одной из сторон все полученное ею по сделке должно быть возвращено другой стороне, а полученное последней либо причитавшееся ей в возмещение исполненного взыскивается в доход государства».

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) продолжает советскую традицию признания недействительными антисоциальных сделок с взысканием полученного в доход государства — ст. 169 ГК РФ. Данная статья претерпела ключевые изменения после реформы ГК РФ в 2013 году.

Прежде чем перейти к следующему вопросу, хотелось бы обратить внимание на практику применения правил о недействительности сделок, противных добрым нравам, на примере Германии. Послевоенная Германия 1945 года нуждалась в восстановлении. Вместе с поступлением инвестиций на ее восстановление в Германии началась активная деятельность американских рейдеров, которые при помощи агрессивных юридических техник занимались недружественным поглощением предприятий. При этом схемы, по которым они действовали, не противоречили законам Германии и в целом выглядели как законные сделки. Верховный суд ГДР, рассматривая дела об оспаривании заключенных сделок, ставших результатом

рейдерской деятельности, понимал, что эти сделки законны и не противоречат законам Германии, но то, как они были заключены и при каких обстоятельствах, явно свидетельствует о противности добрым нравам, и признал такие сделки недействительными.

2. Антисоциальные сделки до 2013 года.

Статья 169 ГК РФ до 2013 года имела редакцию, согласно которой сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна, а полученное по такой сделке должно быть обращено в доход государства безоговорочно. В таком виде статья не отвечала требованиям нормального гражданского оборота, по сути, она была «мертвой».

На фоне примера с рейдерством в послевоенной Германии приведем пример из современной российской практики, когда нужно было бы использовать ст. 169 ГК РФ для защиты интересов, но предусмотренная статьей санкция в виде обращения в доход государства не позволяла ее применить. Один из таких примеров известен как «Дело санатория „Переделкино“»¹. ЗАО «Кардиологический санаторный центр „Переделкино“» (далее — санаторий) заключило с ООО «Диамант Групп» (далее — общество) договор купли-продажи здания по цене ниже рыночной, который впоследствии санаторий оспорил. После продажи здания санаторий более не мог нормально функционировать, поскольку в здании располагалась столовая, из-за чего санаторию пришлось заключить договор аренды проданного здания для продолжения деятельности санатория по цене за три месяца арендных платежей, превосходящей стоимость продажи самого здания. Из-за ряда просроченных платежей по договору аренды здания обще-

ство обратило в свою пользу остальные здания санатория. Акционеры санатория обратились с иском в суд о признании договора купли-продажи недействительным. При этом суду очевидно, что сделка по продаже была законна, как и все сомнительные обстоятельства при ее осуществлении, свидетельствующие о явной нечестности и недобросовестности. Поэтому была разработана следующая правовая конструкция: ст. 10 плюс ст. 168 ГК РФ, где ст. 10 ГК РФ — это положение закона, которое не допускает осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом), а ст. 168 ГК РФ устанавливает, что сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой. На основе этой конструкции акционеры получили защиту в суде, и в дальнейшем такой подход применялся как альтернатива ст. 169 ГК РФ [2, с. 136].

В дальнейшей судебной практике были и иные ситуации, когда для защиты было бы необходимо применить ст. 169 ГК РФ, но предусмотренная ею санкция не позволяла ее применить и использовалась конструкция ст. 10 плюс ст. 168 ГК РФ. Фактически в судебной практике ст. 169 ГК РФ и ст. 10 плюс ст. 168 ГК РФ рассматривались как тождественные составы, но последний не предусматривал дополнительного последствия недействительности сделки в виде обращения в доход государства полученного по сделке.

3. Разграничение антисоциальных сделок и сделок, нарушающих требования закона.

Авторы проекта Федерального закона от 7 мая 2013 года № 100-ФЗ, внесшего изменения в ГК РФ, ст. 169 ГК РФ в том числе, понимали, что замена ст. 169

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 мая 2008 г. № 15756/07. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ГК РФ конструкцией ст. 10 плюс ст. 168 ГК РФ, во избежание применения санкции в виде обращения полученного в доход государства, в целом не совсем правильный целенаправленный подход. Судебная практика нуждается в применении ст. 169 ГК РФ так, чтобы предусмотренный ею арсенал использовался ограниченно и органично. Поэтому ст. 169 ГК РФ в 2013 году изменяют так, что реституция является общим последствием ничтожной сделки. Последствие в виде обращения в доход государства становится возможным в случае, если это предусмотрено законом. При этом надо понимать, что предмет регулирования такого закона в том числе должен совпадать с предметом регулирования гражданского законодательства, т. е. это должны быть имущественные, личные неимущественные отношения, корпоративные и предпринимательские (ст. 2 ГК РФ), регулирование которых, в свою очередь, подчинено основным началам — принципам гражданского законодательства, таким как равенство сторон, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечение восстановления нарушенных прав, их судебная защита (ст. 1 ГК РФ).

Сформированная судебная практика применения ст. 169 ГК РФ демонстрирует понимание данной нормы несколько отличное от того, которое закладывалось законодателем. Кроме того, некоторые правоприменители имеют недостаточно полное представление о разграничении ст. 168 и ст. 169 ГК РФ. Поэтому предлагается для начала определиться с назначением ст. 168 ГК РФ. Эти составы еще сравнивают как «фильтр грубой и тонкой очистки».

Статья 168 ГК РФ (ограниченный состав) признает недействительными только сделки, нарушающие требования за-

кона или иного правового акта. С учетом всех установленных законом процедур по принятию, подписанию и опубликованию принимается законодательным органом нормативный правовой акт (закон) или другим уполномоченным органом власти — правовой акт, которые представляют собой объект нарушения. Результатом «запуска» механизма по нормотворчеству являются принятые в установленном порядке документы, содержащие в себе нормы права, т. е. правила поведения в обществе, и общество желает видеть именно такое поведение или воздержание от поведения, на которое наложен законодательный запрет. Дальнейшее поведение участников гражданского оборота должно соответствовать сформированным нормам и не противоречить им. Например, совершать сделки личного характера через представителя не допускается (п. 4 ст. 182 ГК РФ), не допускается использование самовольной постройки (п. 2 ст. 222 ГК РФ), не допускается уступка преимущественного права покупки доли (п. 4 ст. 250 ГК РФ) и др.

Таким образом, признать недействительными по ст. 168 ГК РФ можно лишь те сделки, которые не соответствуют законодательно установленному требованию или запрету, выраженному объективно в форме закона или иного правового акта, принятого в установленном порядке.

Статья 169 ГК РФ («резиновый» состав) признает недействительными сделки, совершенные с целью, противной основам правопорядка или нравственности. В рамках указанной статьи ГК РФ вопросов о ее правоприменении гораздо больше, чем ст. 168 ГК РФ. Во-первых, необходимо понять, что такое основы правопорядка и чем они отличаются от закона и иного правового акта. Если следовать формальной логике, то законодатель не просто так произвел разделение ст. 168 и ст. 169 ГК РФ как два принци-

пильно разных состава недействительности сделок, поскольку в противном случае необходимости в таком разделении и не было бы, все охватывалось бы составом ст. 168 ГК РФ. Но законодатель все же отличает их друг от друга. Следовательно, противность основам правопорядка или нравственности нельзя приравнивать к обычному несоответствию сделки требованиям закона. Ни закон, ни Конституционный Суд Российской Федерации в своем Определении от 8 июня 2004 года № 226-О при рассмотрении жалобы по данному вопросу не дает даже общего представления об основах правопорядка и нравственности. А. В. Егоров полагает, что назначение ст. 169 ГК РФ состоит в том, чтобы восполнять законодательные пробелы, когда нет ни одной нормы права, которая регулировала бы сложившееся правоотношение. По его мнению, вместо норм используются дух закона, его основополагающие идеи, находящие свое воплощение в конкретных нормах, — по сути, это принципы права либо базовые моральные ценности общества [3, с. 44]. Принципы права и базовые моральные ценности и являются объектом, на который посягает недействительная сделка, квалифицируемая по ст. 169 ГК РФ, как недействительная сделка, нарушающая требование закона (ст. 168 ГК РФ), посягает на объективно выраженные в законе или ином правовом акте правила поведения. К. И. Скловский считает, что основы правопорядка и нравственности не формируются в виде запретов или требований, как это видно из ст. 168 ГК РФ, более того, они не имеют законодательного выражения. Также он разделяет точку зрения И. А. Покровского, который относил основы правопорядка к критерию незаконному [4]. Сам же И. А. Покровский был противником ничтожных сделок против добрых нравов (используется как аналог названия сделок, противных основам правопорядка

или нравственности) и называл анализируемые нормы «резиновыми» нормами [5, с. 262]. Применительно к нравственности, думается, споров не должно возникать, она не является законом и, более того, не имеет объективного выражения. Нравственность представляется лишь в наших ощущениях и нашем отношении к происходящему. Поэтому в названии ст. 169 ГК РФ и ее контексте используется термин «противный», а не «нарушающий» или «не соответствующий», поскольку как такового нарушения закона не происходит. Значение «противный» можно сопоставить с «враждебный», «полярный», «обратный».

Таким образом, назначение ст. 169 ГК РФ заключается в восполнении законодательных пробелов в отношении сделок, которые хотя и не противоречат ни одной действующей норме права, но в то же время существо сделки не укладывается в картину мира окружающего общества, последнее не желает видеть подобные сделки в числе законных и признает их недействительными.

Рассмотрим конкретный пример применения ст. 169 ГК РФ. Судом установлены следующие обстоятельства дела. Бывшие супруги разделили совместно нажитую квартиру в равных долях, т. е. по 1/2. У них двое несовершеннолетних детей, которые зарегистрированы в спорной квартире. Сам бывший супруг в квартире не проживал длительное время (более 7 лет). По договору дарения бывший супруг отчуждает свою долю в квартире третьему лицу, что становится поводом для обращения бывшей супруги в суд. По ее мнению, сделка совершена в нарушение закона, поскольку не согласована с органом опеки и попечительства, а также совершена с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности, нарушает права ее несовершеннолетних детей. Первая и вторая инстанции отказали в удовлетворении иска. Верховный Суд Россий-

ской Федерации отменил решение и определение нижестоящих инстанций и вернул дело на новое рассмотрение. При этом Верховный Суд обратил внимание на позицию Конституционного Суда Российской Федерации, изложенную в Постановлении от 8 июня 2010 года № 13-П, согласно которой создание немотивированного жизненного дискомфорта для ребенка является выражением ущемления его прав, что противно конституционным основам, согласно которым обязанностью родителей является забота о детях и их воспитание (ч. 2 ст. 38 Конституции Российской Федерации). Отчуждение родителем жилого помещения не должно произвольно и необоснованно ухудшать жилищные условия проживающих совместно с ним несовершеннолетних детей, и во всяком случае его действия не должны приводить к лишению детей жилища. При отчуждении собственником жилого помещения, в котором проживает его несовершеннолетний ребенок, должен соблюдаться баланс их прав и законных интересов¹. Положения ст. 63, 64, 65 Семейного кодекса Российской Федерации усиливают избранную Верховным Судом Российской Федерации позицию, устанавливая, что родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей; они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей; защита прав и интересов детей возлагается на их родителей; обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей. Верховный Суд Российской Федерации делает вывод, что при безвозмездном отчуждении жилого помещения бывшим супругом чужому третьему лицу, не являющемуся членом семьи, не учтены права его не-

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 октября 2013 г. № 5-КГ13-88. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

совершеннолетних разнополых детей, которые будут вынуждены соседствовать в одной квартире с посторонними людьми, тем самым для детей будет создан жизненный дискомфорт. При этом бывший супруг действовал намеренно. Таким образом, бывший супруг при заключении сделки по отчуждению своей доли в квартире не нарушил ни одной действующей правовой нормы, но исходя из духа закона и возложенных на него обязанностей родителя складывается общая картина противности сложившимся в обществе основам правопорядка и нравственности.

Один из выводов Верховного Суда Российской Федерации, приведенный в Определении от 15 октября 2013 года № 5-КГ13-88, состоит в признании заключенной сделки бывшим супругом нарушающей основополагающие принципы российского правопорядка, определенные в Конституции Российской Федерации. Следовательно, Конституция Российской Федерации хотя и является документом, принятым с соблюдением установленной законом процедуры, но ее положения, как принято говорить, имеют действие непрямого характера и конкретизируются в принимаемых федеральных законах. Однако бесспорно, что Конституция Российской Федерации является основой, закрепляющей правопорядок в Российской Федерации.

4. Прокурорская деятельность по пресечению антисоциальных сделок.

Прокуратура Российской Федерации в рамках прокурорского реагирования систематически обращается в органы правосудия для признания сделок ничтожными по ст. 169 ГК РФ. В качестве применения последствий ничтожной сделки прокурор просит взыскать в доход государства все полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно. Так, Апелляционным определением Пермского краевого суда

от 3 октября 2016 года по делу № 33-11758/2016 установлено, что один из руководителей общества с ограниченной ответственностью (далее — общество), пользуясь своим служебным положением, получил от контрагента денежные средства за заключение договоров перевозки в интересах последнего, о чем стало известно прокурору. В рамках уголовного дела, рассмотренного судом, руководитель общества был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 204 Уголовного кодекса Российской Федерации (коммерческий подкуп), и ему назначено соответствующее наказание. Поскольку сумма подкупа является предметом ничтожной сделки, прокурор обратился в суд с иском в защиту интересов Российской Федерации о взыскании с руководителя общества в доход государства денежных средств, полученных в результате преступления. Ответчик был не согласен с иском прокурора и указал, что он уже привлечен к уголовной ответственности, в связи с чем его нельзя привлекать еще к гражданско-правовой ответственности. Однако заявленный прокурором иск был удовлетворен, а сумма коммерческого подкупа обращена в доход государства¹. В рассмотренном примере прослеживается известная проблема соотношения уголовно-правовой меры в виде конфискации имущества и последствия ничтожной сделки в виде обращения полученного в доход государства.

Применение ст. 169 ГК РФ с обращением в доход государства полученного по недействительной сделке отмечается и в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 года № 84-КГПР13-2². Судом установле-

¹ Апелляционное определение Пермского суда от 3 октября 2016 г. № 33-11758/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 84-

но, что лицо организовало проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны, чем извлекло доход в крупном размере. Организатор был привлечен к уголовной ответственности. Поскольку организатор получил доход от ряда гражданско-правовых сделок, прокурор обратился в суд с требованием о признании сделок ничтожными и применении последствий их недействительности в виде обращения денежных средств в доход Российской Федерации. Суд первой инстанции требование прокурора удовлетворил. Однако суд апелляционной инстанции пришел к противоположным выводам и отменил решение в связи с недоказанностью процессуальным истцом факта заключения между ответчиком и определенными участниками азартных игр сделок с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводом суда апелляционной инстанции, указав, что сделки, заключенные в ходе проведения азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны, ничтожны, поскольку заключены в нарушение закона, и поддержал решение суда первой инстанции, поскольку вина в совершении преступления установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Е. А. Кузьмичева, комментируя данное решение суда, полагает, что признание того, что заключение сделок в нарушение законодательного акта само по себе является совершением действий, противных основам правопорядка, представляется не совсем точным подходом. Нарушение закона еще не свидетельствует о том, что стороны (или одна из них) преследовали цель, противную основам правопорядка или нравственно-

КГПР13-2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сти. Такую позицию можно вывести из абз. 3 п. 85 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Получается, что в этой части Верховный Суд Российской Федерации сам себе противоречит. Более того, ст. 169 ГК РФ в ее подлинном смысле должна пониматься как «резиновая» норма, позволяющая не допускать заключения антисоциальных сделок в отсутствие прямого законодательного запрета. При этом несоответствие сделки основам правопорядка или нравственности должно следовать из ее существа, а не зависеть от переменных факторов, таких, например, как место ее совершения [6].

Особенно хотелось бы обратить внимание на изменение ранее сложившейся практики применения ст. 169 ГК РФ с обращением в доход государства полученного по сделке. Первый случай встречается в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 13 июня 2023 года № 88-КГ23-2-К8¹. Так, при рассмотрении дела Верховный Суд Российской Федерации занял диаметрально противоположную позицию. Прокурор обратился в суд с иском к физическому лицу, которое, являясь должностным лицом, получило взятку, в связи с чем привлечено к уголовной ответственности. Требование прокурора заключалось

в признании факта передачи денежных средств недействительной сделкой и взыскании полученного в доход государства. Нижестоящие инстанции удовлетворяли иски о признании недействительности сделки для ст. 169 ГК РФ является реституция. В случаях, предусмотренных законом, допускается обращение полученного в доход государства. Однако такой закон суды не указали. Использование института конфискации применительно к гражданским правоотношениям недопустимо, поскольку конфискация является уголовно-правовой мерой и может применяться только на основании обвинительного приговора по результатам рассмотрения уголовного дела. Подобная позиция Верховного Суда Российской Федерации не является случайной, она прослеживается в дальнейших решениях, например в Определении от 5 декабря 2023 года № 51-КГ23-6-К8².

Таким образом, в настоящее время понимание и практика применения Верховным Судом Российской Федерации ст. 169 ГК РФ несколько изменились. В связи с чем теперь прокурору при поддержании государственного обвинения надлежит позаботиться о судьбе вещественных доказательств в рамках рассмотрения уголовного дела и не использовать гражданское судопроизводство для достижения целей уголовного.

Список источников

1. Гражданский кодекс РСФСР. Учеб.-практ. пособие. В 2 ч. Ч. 1 / Свердлов. юрид. ин-т ; отв. ред. О. А. Красавчиков. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1965. 430 с.
2. Кузбагаров Э. А. О разграничении случаев недействительности сделок по ст. 168 и 169 Гражданского кодекса РФ // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 3. С. 134–139.

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 июня 2023 г. № 88-КГ23-2-К8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2023 г. № 51-КГ23-6-К8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Егоров А. В. Сделки, противные основам правопорядка и нравственности: в России и за рубежом // Трансграничный торговый оборот и право : Liber Amicorum в честь 50-летия А. Н. Жильцова : сб. ст. и эссе / сост. и науч. ред. А. И. Муранов, В. В. Плеханов. Москва : Инфотропик Медиа, 2013. С. 41 – 66.

4. Скловский К. И. О пределах действия нормы ст. 169 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 131 – 243.

5. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Москва : Статут, 1998. 349, [1] с.

6. Кузьмичева Е. Сделка противоречит основам правопорядка. Семь дел, в которых стороне удалось ее аннулировать // Арбитражная практика. 2017. № 2. С 26 – 33.

Информация об авторах

Э. А. Кузбагаров – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук;

В. А. Максимов – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

E. A. Kuzbagarov – Senior Lecturer at the Department of civil law disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law);

V. A. Maksimov – Associate Professor at the Department of civil law disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ

Обзорная статья
УДК 34

ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПОСТКЛАССИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВА» НА ТЕМУ «АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА КАК ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА»

Илья Львович ЧЕСТНОВ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, ichestnov@gmail.com*

Аннотация. В обзоре излагаются основные положения докладов и сообщений спикеров Всероссийской научно-практической конференции «Постклассические исследования права» на тему «Антропология права как постклассическая научно-исследовательская программа», которая прошла 19 апреля 2024 г. в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Ключевые слова: антропология права, правопонимание, человекомерность права

Для цитирования: Честнов И. Л. Обзор Всероссийской научно-теоретической конференции «Постклассические исследования права» на тему «Антропология права как постклассическая научно-исследовательская программа» // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 146 – 154.

Review article

REVIEW OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND THEORETICAL CONFERENCE «POSTCLASSICAL STUDIES OF LAW: „ANTHROPOLOGY OF LAW AS A POSTCLASSICAL RESEARCH PROGRAM”»

Ilya L. CHESTNOV

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, ichestnov@gmail.com*

© Честнов И. Л., 2024

Abstract. The review outlines the main provisions of the reports and reports of the speakers of the All-Russian Scientific and Practical Conference «Postclassical Studies of Law on “Anthropology of Law as a postclassical scientific research program», which was held on April 19, 2024 at St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor’s office of the Russian Federation.

Keywords: anthropology of law, legal understanding, humanitarianism of law

For citation: Chestnov I. L. Review of the All-Russian scientific and theoretical conference «Postclassical studies of law: “Anthropology of law as a postclassical research program”». *Criminalist*. 2024;3(48):146-154. (In Russ.).

19 апреля 2024 г. в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации (далее — Институт) состоялась ежегодная Всероссийская научно-теоретическая конференция «Постклассические исследования права» на тему «Антропология права как постклассическая научно-исследовательская программа».

В работе конференции приняли участие студенты, магистранты, аспиранты и профессорско-преподавательский состав Института, ведущие крупнейшие теоретики права страны М. А. Беляев, Ю. Ю. Ветютнев, Е. Ю. Калинина, Е. М. Крупеня, И. Б. Ломакина, Н. В. Малиновская, А. В. Поляков, Р. А. Ромашов, Н. В. Разуваев, Е. В. Тимошина, Е. Н. Тонков, Л. А. Харитонов, И. Л. Честнов, а также историки права А. А. Дорская, Д. А. Пашенцев, специалисты отраслевых юридических наук Я. И. Гишинский, Д. В. Мирошниченко, А. В. Холопов, представители Санкт-Петербургского государственного университета, Московского городского педагогического университета, Воронежского государственного университета, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Северо-Западного института управления РАН-ХиГС и других вузов страны.

Во вступительном слове ведущий конференции профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юриди-

ческих наук, профессор. И. Л. Честнов показал важность антрополого-правовых исследований и проблему их институционализации. Перспективы антрополого-правовых исследований, по его мнению, обладают как фундаментальными, так и практическими обстоятельствами. Любое правопонимание всегда связано с образом (или представлением) человека. Поэтому человекомерность присутствует в нормах права как правовой статус акторов, которые его — статус — призваны осуществлять. Одновременно конструирование и реализация права имманентно персоналистичны: и то и другое — это действия (шире — активность) людей. И тут заключается практическая важность антрополого-правовых исследований: только учет того, как люди — носители статуса субъектов права — означивают и осмысливают правовую ситуацию, позволяет выявить эффективность действия права (в этой расхожей фразе-топосе классической теории права скрывается реификация правовых понятий: право само по себе не «действует», в нашем «лучшем из миров», действуют только люди в соответствии с тем, что сформулировано в нормах права или вопреки тому).

И. Л. Честнов также затронул проблему институционализации антропологии права. По его мнению, сегодня, в силу множества обстоятельств, невозможна такая самостоятельная дисциплина, однако важно развивать антрополого-правовую методологию как подход к более

глубокому, постклассическому изучению правовой реальности.

С основным докладом «Философская антропология права и традиционные ценности (по концепции Ивана Ильина)»¹ выступил профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук А. В. Поляков. Доклад был посвящен обоснованию необходимой связи между антропологией, правом, правосознанием и традиционными российскими духовно-нравственными ценностями с позиции учения русского философа и правоведа И. А. Ильина.

По мнению докладчика, аксиомы правосознания И. А. Ильина основываются на антропологическом представлении о праве как системе диалогических коммуникативных отношений, в рамках которых каждый субъект сохраняет свою свободу (субъективные права), достоинство (основанное на автономии) и правовые обязанности (порождающие чувство солидарности с другими, в том числе гражданские, семейные, патриотические и иные правовые и нравственные обязанности).

Эти идеи в своей основе релевантны аксиомам интуитивного права Л. И. Петражицкого и естественно-правовым идеям русской философии возрожденного естественного права, включая концепции В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева и С. Л. Франка, и коммуникативной философии права самого докладчика. По замыслу И. А. Ильина, именно здоровое правосознание (являясь в своей основе и сознанием нравственным) отражает природу человека и формирует представление о традиционных российских духовно-нравственных ценностях, соединяясь в единую систему и получая свой нравственный и правовой смысл через идею взаимного духовного признания.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00976 URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00976/> (дата обращения: 17.06.2024).

А. В. Поляков выразил уверенность в том, что изложенные им идеи И. А. Ильина представляют собой полную противоположность любым тоталитарным (фашистским и национал-социалистическим) идеологиям и позволяют по-новому взглянуть на понятие традиционных российских духовно-нравственных ценностей, выделив в них как системообразующую ценность человека в его коммуникативных отношениях с другими людьми.

И. Б. Ломакина, профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор сформулировала ряд вызовов, на которые постклассической антропологии права предстоит ответить. Одним из таких вызовов выступает проблема свободной воли индивида в современном обществе. Эта проблема актуализирует как минимум несколько аспектов понимания субъекта права и в индивидуальном, и в его групповом выражении. Другим вызовом постклассической социокультурной антропологии права, по ее мнению, является бесконечное разнообразие форм существования человека в рамках его гендерных предпочтений, а расширение соматических прав и хай-гумо технологий только усугубляют положение, в котором человек лишается своего привычного статуса человека. Поэтому постклассическая социокультурная антропология должна стать адекватным ответом всем трансгуманистическим практикам и их новым методологическим постгуманистическим основаниям.

В докладе заведующего кафедрой гражданского и трудового права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Н. В. Разуваева были рассмотрены антропологические основания таких признаков права, как нормативность и

системность. По мнению Н. В. Разуваева, право, рассматриваемое с антропологических позиций, представляет собой изменяющийся, эволюционирующий феномен, причем эти изменения затрагивают не только отдельные аспекты и стороны правового бытия, но самые его понятие и признаки. Вот почему к историческим правопорядкам прошлого (например, к римскому праву, правовым порядкам средневековой Европы, древнерусскому праву и т. п.) неприменима современная дефиниция права как «системы норм».

Это особенно хорошо видно на примере римского права, в рамках которого невозможно обособить отрасли, подотрасли и институты, поскольку традиционно выделяемые *ius naturale*, *ius gentium* и *ius civile* отраслями права, строго говоря, считаться не могут. О неприменимости к римскому праву системных характеристик права современного общества писал в свое время такой крупный специалист, как И. С. Перетерский, по словам которого задача исследователей состоит в том, чтобы «дать наглядное представление о римском частном праве в том виде, как оно действительно существовало, а не извлекать из римских памятников некую сумму абстрактных правил, располагая их в неведомой римскому праву системе» [1, с. 10].

Столь отчетливые различия исторических и современных правопорядков, проявляющиеся на уровне их понятия и признаков, позволяют рассматривать эволюцию права в контексте теории Ж. Б. Ламарка, основными идеями которой являются целенаправленность развития эволюционирующих феноменов, в данном случае права, во-первых, и наследование признаков, приобретаемых в процессе эволюции, во-вторых. Результатом применения данной концепции становится различие двух исторических типов (образов) права, которые условно

можно назвать «право-система (или иерархия)» и «право-жизненный мир».

Право-иерархия представляет собой абстрактную систему формально определенных общезначимых правил поведения, пронизанную вертикальными связями между элементами и обладающую высокой степенью сложности в плане своей внутренней организации [2]. Отмеченные особенности в целом коррелируют со структурными характеристиками общества эпохи модерна, сформировавшимися в условиях перехода от классической рациональности к рациональности неклассической. Право-жизненный мир, со своей стороны, является неиерархической структурой, в которой ведущую роль играют не вертикальные, а горизонтальные связи. Основными элементами в этой структуре являются не нормы, а юридические факты и зачастую неотделимые от них субъективные права и обязанности участников правовой коммуникации.

По мнению Н. В. Разуваева, трансформация права из жизненного мира в иерархию представляет собой радикальный культурно-исторический поворот, вполне сопоставимый по своим масштабам с лингвистическим, прагматическим и цифровым поворотами и в какой-то мере являющийся их первопричиной. При этом важно осознавать, что структурная перестройка правопорядков и рост количества вертикально-иерархических связей не означает исчезновения связей горизонтальных (неиерархических). В современных условиях иерархия и жизненный мир являются не просто альтернативными моделями теоретического описания права, но взаимодополняющими и равно необходимыми модусами бытия правовой реальности.

Профессор Московского городского педагогического университета, доктор юридический наук Е. М. Крупеня в рамках своего выступления акцентировала внимание на системе факторов,

которые актуализируют тему субъекта юридического конфликта в контексте эвристических ресурсов постклассической программы исследования. В их числе ею были указаны: социальный, т. е. состояние самого общества, одним из ключевых аспектов которого признается конфликтность; социально-психологический, обусловленный конфликтогенностью. Тренды на увеличение конфликтности в обществе — это прямой вызов функциональной достаточности институциональной среде и социокультурной регулятивной системе, в их числе — государству и праву.

Научно-теоретический фактор, подерживающий своевременность темы, объединяет два сюжета: первый касается конфликтологии в системе глобальной социологии; второй — юридической конфликтологии и ее фундаментальных понятий и категорий. Докладчиком было высказано мнение о том, что конфликтология переживает не лучшие свои времена, что негативно сказывается и на юридической конфликтологии. Тем не менее последняя получает значительный импульс для развития как комплексная сфера знания в системе правоведения, что проблематизирует ее методологию. В свою очередь, это детерминирует разработку и применение современных подходов к анализу субъектов юридических конфликтов.

На основе признаков постнеклассической исследовательской программы, которые объективируются в сравнении с классическим подходом к исследованию сущности права (динамизм в противоположность эссенциализму, конструированность (конституирование) — юридической данности, текстуальность — нормативности, смысловое наполнение — знаковости, интерпретативность — смыслождественности, процессуальность — стабильности), и выдвигения на передовые позиции при конструировании методологической основы исследования такого признака, как человекомерность «субъектности»

права, установлены связи с антропологической исследовательской программой.

Главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Д. А. Пашенцев в своем выступлении отметил, что антропологический поворот в науке представляется принципиально важным для развития современной истории права. Это проявляется в двух аспектах. Во-первых, историческое знание конструируется с учетом современных представлений, и ученые — историки права неизбежно приносят в такое конструирование собственные позиции и подходы. Во-вторых, акцент в историко-правовых исследованиях закономерно смещается с норм и институтов на правовое поведение в исторической ретроспективе на повседневную деятельность тех субъектов, которые своими действиями конструировали историко-правовую реальность в каждую конкретную эпоху. Также было предложено различать антропологию права и антропологический подход к праву. В последнем случае речь идет о целостной методологической программе, которая может использоваться для исследования различных аспектов как истории, так и теории, и даже практики правового развития.

Доцент Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, кандидат философских наук, доцент М. А. Беляев выступил с докладом об антропологии права как ресурсе принятия решений властного и невластного характера. В основе антропологического подхода к правовым явлениям лежит не специфика метода, а скорее, особенности того, что Гуссерль называет «естественной установкой исследователя». Под ней в случае антропологии права целесообразно понимать неустранимое представление о неодинаковости наблюдающего, принадлежащего одной правовой культуре и имеющего правосознание с опреде-

ленными интенциями, и наблюдаемого, принадлежащего иной правовой культуре и вообще по всем параметрам своего юридического бытия выступающего «иным», «другим», «чужим». Онтологические принципы права не согласуются с данной естественной установкой, однако она крайне важна при разработке долгосрочных регуляторных решений, поскольку позволяет хотя бы в статусе гипотезы предполагать наличие коммуникативных сообществ, иначе, нежели государство, понимающих смысл и ценность отдельных социальных, в том числе нормативных институтов. Когда государство адресует населению свои правовые решения, оно не может не учитывать этой «низовой» самоорганизации социума, его альтернативного структурирования, не может не изучать смыслы, циркулирующие внутри таких сообществ. В противном случае эффективность регулирования останется невысокой, а неформальные практики будут преобладать — на местах — над формальными.

Доцент Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент Л. А. Харитонов придерживается точки зрения, что «антропологический поворот» в юриспруденции привел к осознанию того, что субъект перестал восприниматься как «безмолвный зритель» процессов, происходящих на «сцене», в качестве которой выступала правовая реальность. Он становится не только главным актором этих процессов, а «демиургом» всех юридически значимых явлений. Само появление права в качестве регулятора, вероятнее всего, является результатом «двойного наследования» (генетического и культурного) значимых образцов поведения в обществе. На ранних стадиях существования человечества результат конструирования правил в целом не требовал от субъектов ни особых знаний, ни специальных навыков. Каждый член общества (*homo juridicus*) способен был

их воспринимать и выстраивать свое поведение в соответствии с принятыми стандартами, а также находить адекватные решения в случае возникновения конфликтов. Лишь усложнение общественных структур (экономических, политических и т. д.) приводит к появлению «*homo juridicus 2.0*» — юристов, поскольку усложнение процесса конструирования правовых норм приводит к необходимости их последующего реконструирования. Таким образом, процесс «жизни права» представляет собой имманентный процесс конструирования и реконструирования права.

Доцент Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук И. И. Осветимская в своем выступлении отметила, что истоки человекообразности мира можно найти еще у античных философов (у Протагора «человек — мера всех вещей», у Платона — «осуществленный идеал красоты»). В каждую последующую эпоху данное понятие наполнялось новыми смыслами. В Средние века оно было вытеснено теоцентризмом. Но уже в Новое время человек обретает уверенность в том, что его потенциал формирования человекообразного мира безграничен. Кризис классического идеала рациональности и переход к постклассической науке определили человекообразность как основополагающий принцип культурной, политической, социальной, правовой жизни. М. К. Петров считал данный принцип неустранимой характеристикой социальных реалий, выступающей условием осуществимости любой коллективной деятельности. В. С. Стёпин полагал, что человекообразные системы предполагают включение аксиологических факторов для своего объяснения.

В классической юридической науке человек никогда не воспринимался центром права. Для юридического позитивизма основополагающим элементом права выступают приказы суверена (И. Бентам, Дж. Остин), правопорядок

(Г. Кельзен). Для классического юснатурализма определяющим источником права выступает природа (Античность), Божественная воля (Средние века), разумное устройство человека (Новое время). И только в постклассических правовых исследованиях человек воспринимается центром правовой системы (И. Л. Честнов), активным правовым деятелем (А. В. Поляков). Принцип человекоразмерности позволяет увидеть существование человека-вправе (В. И. Павлов), обосновать право как способ человеческого бытия (С. И. Максимов).

В постклассических правовых исследованиях право предстает как имманентное свойство человека, феномен, имеющий человекоразмерные онтологические основания. Качественное содержание данного принципа заключается в пределах осуществления человеческой деятельности (золотое правило нравственности И. Канта), которое реализуется в праве посредством принципа взаимного правового признания.

Профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Я. И. Гишинский выступил с докладом на тему «Антропологическая составляющая криминологии постмодерна (постсовременности)». В истории криминологии, отметил докладчик, со времен Чезаре Ломброзо (1835 – 1909) существует «биологическое (антропологическое) направление», ориентированное на объяснение преступности антропологическими факторами. В современной криминологии постмодерна преобладает социологическое объяснение того, что именуется «преступлениями», но не без антропологической составляющей. Так, благодаря технологической революции мы живем в двух параллельных мирах – реальном и виртуальном. Преступность с нарастающей скоростью перемещается из реального мира в виртуальный (мошенничество в Интернете выгоднее

уличных грабежей и разбойных нападений). Но кто скорее и в большем объеме осваивает цифровое пространство – по возрасту, интеллекту и даже полу?

Эпохе постмодерна присуща неопределенность социального мира. Возможности жизнедеятельности в мире неопределенности по-разному воспринимаются в зависимости от возраста, пола, психологических особенностей индивидов, что может с большей или меньшей вероятностью приводить к криминальному или суицидальному поведению. Обществу постмодерна присуща новая фрагментаризация населения на меньшинство включенных в активную экономическую, политическую культурную жизнь и большинство исключенных из нее. При этом основную социальную базу преступности (а также самоубийств, наркопотребления и других негативных явлений) составляют исключенные. Исключенность есть следствие, в первую очередь, социальных факторов (социальное, экономическое неравенство), но и антропологических – зависимость от интеллекта, возраста, психологических особенностей личности.

Постмодерну присуща и определенная временная дисхронизация. Кто в каком времени находится, зависит прежде всего от возраста. Но также от интеллекта и психологических особенностей индивида. Временная дисхронизация существенно влияет на отношения между взрослыми, родителями, и детьми, подростками. Взаимное непонимание нередко приводит к правонарушающему поведению молодых. С другой стороны, взрослые, пожилые люди нередко не понимают и не хотят понимать современный мир подростков и молодежи.

Заведующий криминалистической лаборатории Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент А. В. Холопов посвятил свое

выступление концепции «ментальное преступление» и контуры ментальной безопасности в социальных системах. Если рассматривать преступление как социальную энтропию, отметил докладчик, то с точки зрения теории социальных систем Н. Лумана в информационно-смысловой среде обитания в индивидуальном и массовом сознании происходят энтропийные процессы, приводящие к искажению или потере способности к восприятию внутреннего системного кода, выработанного социумом, транслирующим так называемую деонтологическую модель развития системы. Одним из негативных явлений социальной энтропии в социуме является противоправное поведение — преступление. Прежде этапа формирования преступного умысла и мотива в сознании личности происходят сложные процессы искажения или потери негэнтропийного образа нормального (эталонного) состояния индивида как элемента социальной системы, что в целом можно назвать совершением ментального (от лат. *mens* — сознание, ум, образ или стиль мышления) преступления. Иными словами, сначала человек совершает преступление в сознании, преодолевая ментальные ценностные барьеры, установленные социальной системой.

Социальной системе для обеспечения безопасности функционирования и развития необходимо выработать механизмы, противодействующие энтропийным процессам формирования ментального преступления в индивидуальном и массовом сознании. Противодействие ментальному преступлению необходимо организовывать не только во внутреннем пространстве социальной системы, но и за пределами ее границ. Социальной системе для обеспечения безопасности необходимо оказывать организованное педагогическое информационно-смысловое воздействие на социумы, находящиеся за пределами своих политических

границ. Это необходимо для недопущения (предупреждение и профилактика) ментального преступления, например, в части формирования образа врага, что способствует преступлениям террористического характера. Это можно назвать внутренним и внешним контуром ментальной безопасности социальной системы.

Тема выступления младшего научного сотрудника Санкт-Петербургского государственного университета, кандидата юридических наук М. В. Куликовой — «Метаправовые основания и антропологическая методология в современных правовых исследованиях». Подход, ограничивающий право формулами законов и юридическими процедурами, игнорирующий социальные реалии, по ее мнению, отдаляет в научном аспекте теорию от нужд практики, а в практическом аспекте — правоприменителя от нужд общества. Однако такая позиция глубоко проникла в отечественное правосознание, что провоцирует кризис в правоведении. Поэтому эти укоренившиеся представления о праве следует демифологизировать, пытаясь изменить в целом курс развития науки и практики.

Учет культурного контекста должен стать не пожеланием, а непременным требованием в деятельности любого юриста, и судьи в том числе. Судья не может принять решение, базируясь только на правовой норме, какой бы авторитетной властью она ни была создана, поскольку судебные решения должны быть основаны на консенсусе между рационализмом и эмпиризмом.

Именно человекомерность современной юриспруденции своим адекватным ответом на научный релятивизм предполагает интеграцию знаний из разных научных областей. Такие метаправовые основания позволят сформировать наиболее полное представление о правопорядке, а выявление и учет данных метаправовых оснований возможен в

рамках антропологических правовых исследований.

Однако методология таких исследований влечет за собой ряд рисков: 1) метод включенного наблюдения влечет за собой риск неразличения фактов и их смыслов, тем самым упуская из сферы исследования большой объем правовых явлений, явно не наблюдаемых (например, факт открытия наследства); 2) анализ культурного контекста влечет за собой риск утверждения тезиса о самобытности, уникальности права, тем самым не допуская возможности проведения содержательного анализа, что существенно обедняет возможность научных выводов; 3) фиксация существующего правопорядка, содержание которого основывается на действующих в обществе нормах, позволяет утверждать, что право существует только в динамике (либо статика и динамика отождествляются), при этом действительность предшествует теории, а не наоборот, что позволяет говорить о подмене причины следствием; 4) роль человека мультиплицируется на субъекта, объекта исследования, причину, средство и цель, а также на «индивида», что влечет риск подмены одного понятия другим.

В демифологизации догматов юриспруденции преуспели различные направления в теории права. В этом смысле кризис юриспруденции, казалось бы, был преодолен. Однако демифологиза-

ция не является уникальной характеристикой антропологии права. Представляется, что в современной науке стоит продолжить развивать именно идею антропологической методологии и антропологии права как таковой, поскольку только она позволяет учесть максимальный объем неправовых, метаправовых факторов (в качестве неизбежной причины и одновременно цели), влияющих на конечный результат исследований, при условии принятия во внимание соответствующих рисков.

Доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент А. Э. Черноков затронул проблемы типологии правовой системы России сквозь призму ее социально-антропологического измерения. По мнению выступающего, несмотря на определенные особенности, российская правовая система относится к романо-германскому типу. В силу различного исторического контекста формирования и эволюции права России и континентальной Европы допустимо говорить о том, что Россия есть «другая Европа», но в целом вектор развития примерно определим. Система источников права России почти идентична европейским аналогам, а специфика их понимания и применения обусловлена правосознанием общества и его социально-экономическим уровнем.

Список источников

1. Римское частное право / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. Москва : КНО-РУС, 2014. 607 с.
2. Разуваев Н. В. Право как система и жизненный мир // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 2 (16). С. 4–7.

Информация об авторе

И. Л. Честнов – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

I. L. Chestnov – Professor at the Department of theory and history of the state and law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor.

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Научная статья
УДК 8.81

УЧЕТ ЛАКУНАРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ В ЯЗЫКОВОЙ ПАРЕ АНГЛИЙСКИЙ – РУССКИЙ

Павел Борисович КОНДРАТЬЕВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, pbkon@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются сложности перевода, которые могут возникать при передаче языковых лакунарных областей, имеющих место в текстах, относящихся к правовой системе английской и русской традиции. На основе этимологического, исторического и семантического анализа некоторых примеров (термины *полиция* в русском и *police* в английском, английские понятия *orders* (приказы), *regulations* (положения), *rules* (правила)) проиллюстрирована неочевидная сложность, которая возникает при переводе с английского языка на русский и наоборот контекстов, содержащих данные понятия. На основе варианта передачи с одного языка на другой текстов законов (Федеральный закон № 3-ФЗ «О полиции» / Federal Law № 3-FZ «On Police»; Contracts (Rights of Third Parties) Act 1999 / Закон о договорах (права третьих лиц) 1999 г.), предложенного профессиональными переводчиками, комментируется успешность того или иного переводческого решения при трансляции языковых лакун, которые номинируют те или иные юридические практики или явления, отсутствующие в традиции другой страны.

Ключевые слова: лакуна, юридическая терминология, способ перевода, алгоритм перевода, языковая реальность

Для цитирования: Кондратьев П. Б. Учет лакунарных особенностей юридической терминологии при переводе в языковой паре английский – русский // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 155 – 161.

© Кондратьев П. Б., 2024

Original article

TAKING INTO ACCOUNT THE LEXICAL GAPS IN LEGAL TERMINOLOGY
IN THE PROCESS OF TRANSLATION IN THE ENGLISH-RUSSIAN
LANGUAGE PAIR

Pavel B. KONDRATIEV

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, pbkon@list.ru

Abstract. The article deals with the difficulties of translation that may arise in rendering language lacuna areas that take place in texts related to the legal system in the English and Russian traditions. Drawing on the etymological, historical and semantic analysis of some examples (the terms *politsiya* in Russian and *police* in English, the English notions *orders, regulations, rules* the non-obvious complexity is illustrated that arises when translating contexts containing these concepts from English into Russian and vice versa. Based on the translation version from one language to another of the texts of laws (the Russian Federal Law № 3-FZ «On Police» and the British Contracts (Rights of Third Parties) Act 1999), proposed by competent professional translators, comments are made on the success of one or another translation solution when translating language gaps in denoting certain legal practices or phenomena that are absent in the tradition of another country.

Keywords: Lexical gap, legal terminology, method of translation, translation algorithm, linguistic reality

For citation: Kondratiev P. B. Taking into account the lexical gaps in legal terminology in the process of translation in the english-russian language pair. *Criminalist*. 2024;3(48):155-161. (In Russ.).

Любой перевод с одного языка на другой неизбежно включает в себя две культуры, т. е. две системы норм, в которых есть некоторые требования, определяемые двумя различными системами, часто несовместимыми, если не диаметрально противоположными друг другу [1, с. 52]. Проблема перевода культурно-специфических элементов языка, которые также номинируются как лакуны, обсуждалась рядом теоретиков и практиков перевода. Однако их внимание было сосредоточено в основном на трансляции культурно-маркированных лексем в рамках художественных произведений, где они выполняют особую коннотативную роль, при этом в поле зрения едва попадает изучение узкоспециального профессионального жанра, хотя представляется, что тексты такого рода также в значительной степени демонстрируют уникальный

культурный и исторический опыт, накопленный представителями той лингвокультуры, где он был создан [2]. Эквивалентный и адекватный перевод таких элементов в профессиональном дискурсе приобретает особое значение, поскольку основная коммуникативная задача любого профессионального текста — трансляция когнитивных знаний, а целью перевода становится максимальное сохранение всех смыслов и интенций оригинала. Однако при этом следует отметить отсутствие единого алгоритма распознавания и передачи при переводе лакунарных областей в языковой паре английский — русский, что предопределяет необходимость исследования, направленного на описание потенциальных ошибок при переводе лексем, характеризующихся культурно-маркированным значением, допущение которых может привести к

искажению когнитивного смысла текста оригинала. На основе лингвокультурологического, переводческого анализа и систематизации положений, сформулированных рядом исследователей, таких как Дж. Тори (G. Toury) [1], А. А. Рыбина [2], А. Ю. Ряховская [3], С. П. Фокина [4], Дж. Ф. Айшела (J. F. Aixelá) [5], П. Ньюмарк (P. Newmark) [6], попытаемся установить культурно-исторический потенциал некоторых отдельных терминов юридического дискурса на примере терминов *полиция* в русском и *police* в английском, понятий *приказы (orders)*, *положения (regulations)*, *правила (rules)* в аспекте перевода с английского языка на русский и наоборот на материале Федерального закона № 3-ФЗ «О полиции» на русском языке и его перевода на английский язык — Federal Law № 3-FZ «On Police», а также закона Contracts (Rights of Third Parties) Act 1999 на английском языке и его перевода на русский язык — Закон о договорах (права третьих лиц) 1999 г.

Определим границы изучаемого объекта — лакуны в аспекте перевода. Как отмечает Х. Айшела, культурно-специфические элементы — это лингвистические понятия, воплощенные в исходном тексте, которые вызывают проблемы при переводе, поскольку они не существуют в целевой культуре или воспринимаются по-другому [5, с. 56]. Есть ряд категорий лакун, или реалий, предложенных разными учеными. Их классификации различаются, но имеют сходный критерий областей культуры или конкретных областей деятельности, которые в конечном счете соответствуют действиям, уникальным для человека или социальной группы в очень конкретном месте и времени [5, с. 63]. Например, П. Ньюмарк различает пять типов культурно-маркированных слов в соответствии со следующими основными областями: экология, материальная культура, соци-

альная культура, обычаи и организации, а также жесты и привычки [6, с. 94–103]. Многие отмечают, что одной из самых сложных культурных областей для перевода является сфера права, поскольку юридический язык не только культурно специфичен, но и значительно отличается от повседневного или художественного языка в отношении лексики и стиля [2; 3].

Чтобы установить, как проявляется культурно-исторический потенциал в текстах данного жанра, а также какие существуют способы для заполнения лакунарных областей одной правовой культуры средствами другого языка, обратимся к упомянутым выше терминам в качестве примеров.

В российской и английской юридической практике на сегодняшний день широко используются термины *полиция* и *police* соответственно. При всей кажущейся однозначности данных понятий представляется целесообразным заострить внимание на этимологии слова *полиция* в русском языке и *police* в английском. В России 1 марта 2011 года вступил в силу Федеральный закон № 3-ФЗ «О полиции», в рамках реализации которого предусматривалось, в частности, переименование милиции в полицию. Слово *милиция* традиционно употребляется в русском языке в двух основных значениях: а) административное учреждение, в ведении которого находится охрана общественного порядка, государственной и другой собственности, безопасности граждан и их имущества; б) добровольная военная дружина, народное (земское) ополчение (устаревшее). Этимологически слово *милиция* восходит к латинскому *militia* — военная служба, войско, а также военная кампания, поход (по глаголу *milito* — быть солдатом, пехотинцем, тот же корень, что и в слове *милитаризм*). В русский литературный язык слово *милиция* по-

пало через французское или польское посредство (см. старую французскую форму *milicie*, польскую. *milicija*). Термин *милиция* употреблялся еще в Древнем Риме, где он означал прохождение службы солдатами-пехотинцами. В средневековой Европе (середина XV века) милицией назывались отряды ополчения из местного населения, созываемые во время войны.

Таким образом, с точки зрения функциональной нагрузки и семантического значения милиционер — это служащий государственной структуры, который, пользуясь имеющимся милитаристским потенциалом, обеспечивает правопорядок на вверенной ему территории.

Что же касается термина *полиция*, то в русском языке слово *полиция* известно с начала XVIII века. Эта номинация использовалась в царской России для названия административного органа охраны государственной безопасности, общественного порядка. Непосредственно само слово восходит к немецкому *polizei* — полиция, которое происходит от латинского *politia* — государственное устройство, государство. Само же латинское слово *politia* имеет истоком греческое слово *politeia* (*полите́иα*) — государственные дела, форма правления, государство (в его основе лежит слово *polis* (*πόλις*) — первоначально город, а затем — государство). Таким образом, можно сделать вывод, что в русском языке номинанты *милиция* и *полиция* имеют разную семантическую нагрузку, что обуславливается их этимологической нагрузкой.

Если проводить этимологический анализ термина *police* в английском языке, то можно установить, что оно восходит к среднефранцузскому *police*, использовалось в значении организованное правительство, гражданское управление (конец XV века). В среднефранцузском это слово произошло

от латинского *politia* в значении гражданское управление. До середины XIX века используется в Англии для номинации такого явления, как гражданское управление, управление общественным порядком, обеспечение правопорядка в сообществе, организованная гражданская сила для поддержания порядка, предотвращения и раскрытия преступлений. Первой такой силой в Англии была морская полиция, созданная в 1798 году для защиты товаров в лондонском порту. На этом этапе произошел семантический сдвиг и слово стало обозначать группу офицеров, на которую возложена обязанность по обеспечению соблюдения законов, раскрытию преступлений. В своем наиболее распространенном понимании слово *полиция* означает исполнение муниципальных законов и постановлений города с применением в случае необходимости силы для принуждения к повиновению и наказания за нарушение законов. Главной задачей англосаксонской полицейской системы является предотвращение преступлений и преследование правонарушителей, но она также служит и другим целям, таким как пресечение нищенства, сохранение порядка, устранение препятствий и неудобств, а также обеспечение соблюдения тех местных и общих законов, которые относятся к общественному здоровью, порядку, безопасности и комфорту. В конституционном праве власть полиции — это власть правительства ограничивать гражданские свободы и осуществлять сдержанность и принуждение в отношении частных прав, особенно для продвижения или защиты общественного благосостояния.

Таким образом, этимологический анализ слов *полиция*, *police* позволяет установить, что, несмотря на то, что для номинации административной силовой структуры в России и в англосакских странах используется один и тот же

номинант, имеющий одинаковую латинскую основу, они выражают разные объемы значений, что обуславливается различиями исторического и политического развития государств. Принципиальным отличием является то, что в российской традиции полицейский реализует свои полномочия с опорой на милитаристские инструменты, в то время как в английской — на применении силы давления и власти. Однако практика показывает, что при переводе как с английского языка на русский, так и обратно данный этимологический и исторический контекст не учитывается, переводчики при работе с текстами юридических документов используют интернационализмы — *полиция* в русском и *police* в английском. Например:

Полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства (Федеральный закон № 3-ФЗ «О полиции»).

The police is intended for protecting the life, health, rights and freedoms of citizens of the Russian Federation, foreign citizens and stateless persons (Federal Law № 3-FZ «On Police»).

Представляется, что студентам профильных учебных заведений, которые изучают в том числе международное право и английский язык, необходимо разъяснить разницу содержания понятий *полиция* в русском и *police* в английском, что обеспечит более глубокое понимание особенностей организации системы правоохранения в двух странах.

Что же касается англосаксонской традиции, то принципиальным отличием от законодательства России является то, что закон здесь принимает форму статута. Его утверждает британский парламент и одобряет король (королева). Если в тексте статута не указана конкретная дата вступления в силу, то он начинает действовать с момента получения

согласия короля. При указании даты в акте он действует с момента назначения этой даты министром правительства или с момента оформления специального приказа в Тайном совете. Принимая во внимание данный факт, следует заострить внимание на способах перевода таких лакунарных юридических терминов, как *приказы (orders)*, *положения (regulations)*, *правила (rules)*, которые могут представлять неочевидные трудности при передаче на русский язык.

Primary legislation — это термин, используемый для описания основных законов, принятых законодательными органами Великобритании, т. е. это Акты (*Act*) парламента Великобритании, парламента Шотландии, парламента Уэльса и Ассамблеи Северной Ирландии. Он также включает акты (*Act*), принятые историческими парламентами, другие первичные законы (*legislation*) для Северной Ирландии.

Эти типы законодательства иногда называют *статутами (statute)*, а термин *свод законов (the statute book)* относится ко всему статутному праву, действующему в настоящее время. Некоторые законодательные акты (*legislative instrument*), принятые Короной и Тайным советом (*Crown and the Privy Council*) в соответствии с королевской прерогативой — прерогативные приказы (*prerogative orders*), также называются первичным законодательством (*primary legislation*). Прерогативные приказы называются либо *приказами в Совете* (когда они издаются королем по рекомендации Тайного совета), либо *приказами Совета* (когда издаются лордами Тайного совета без какого-либо одобрения короля). Важно обратить внимание на то, что такие приказы также могут быть изданы в соответствии с полномочиями, указанными в уставных документах, а не в соответствии с прерогативой (например,

приказы Совета, содержащие законодательство для Северной Ирландии).

Вторичное законодательство (*secondary legislation*) представляет собой делегированное законодательство, принятое лицом или органом в соответствии с полномочиями, содержащимися в первичном законодательстве. Как правило, полномочия по принятию подзаконных актов могут быть предоставлены министрам, Короне или государственным органам. Например, Управление связи (*The Office of Communications, OFCOM*) наделено такими полномочиями Законом о связи 2003 года.

Существует три основных типа нормативно-правовых актов Великобритании: приказы (*orders*), положения (*regulations*), правила (*rules*), разницу их семантического потенциала необходимо учитывать при переводе с английского языка на русский.

For the purpose of exercising his right to enforce a term of the contract, there shall be available to the third party any remedy that would have been available to him in an action for breach of contract if he had been a party to the contract (and the rules relating to damages, injunctions, specific performance and other relief shall apply accordingly) (Contracts (Rights of Third Parties) Act 1999).

Для целей осуществления указанного права обеспечить принудительное исполнение договорного условия третьим лицам предоставляется средство защиты, доступное им в судебном разбирательстве по вопросам нарушения договора, в котором они входят в число сторон (при этом **правила** о возмещении ущерба, судебных запретах, исполнении в натуре и других средствах защиты применяются соответственно) (Закон о договорах (права третьих лиц) 1999 г.).

Как видим, на русский язык лакунарный правовой термин *rule* передан при помощи регулярного переводческого

соответствия, что представляется необоснованным, поскольку, во-первых, в русском национальном сознании понятие *правило* не вызывает ассоциации с правовой сферой, а во-вторых, не отражает когнитивную нагрузку единицы оригинала, заключающуюся в том, что *rule* в данном контексте номинирует один из типов нормативно-правовых актов Великобритании. Представляется, что в тексте закона неуместно делать какие-либо переводческие пояснения, но видится целесообразным издавать отдельные комментарии к переводным законам, в которых будут описываться нюансы организации правовой системы Великобритании, а также особенности терминологического значения отдельных понятий.

По итогам проведенного анализа можно сделать вывод, что культурно-специфические элементы возникают в языке в ходе эволюции народа, который его использует для повседневного общения и решения задач профессионального характера. Появление лакун — это закономерный и естественный процесс, его результатом становится появление специфических слов-реалий, представляющих сложности при переводе.

Юридическая терминология английского и русского языков содержит множество лакунарных областей, возникновение которых обуславливается спецификой исторического развития и становления административно-правовых органов двух стран. На примерах показано, что лакуны имеют место там, где на первый взгляд может показаться, что можно воспользоваться одним из регулярных переводческих соответствий, однако при таком переводческом подходе утрачивается национальная специфика, заложенная в единицах оригинала.

Список источников

1. Toury G. In Search of a Theory of Translation: The Porter Institute for Poetics and Semiotics. Tel Aviv : John Benjamins, 1995. 289 p.
2. Рыбина А. А. Особенности перевода английских реалий // Актуальные исследования языка и культуры: теоретические и прикладные аспекты : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 9 апреля 2022 г. / отв. ред. Е. А. Денисова. Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. С. 221 – 223.
3. Ряховская А. Ю., Ряховская Я. О. Особенности перевода с учетом реалий Великобритании // Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы : сб. науч. тр. / под ред. Н. Н. Гавриленко. Москва : РУДН, 2022. С. 302 – 312.
4. Фокина С. П., Долганова Н. В. Лексические особенности перевода юридического текста (на материале английского языка) // Глобальный научный потенциал. 2022. № 7 (136). С. 125 – 127.
5. Aixelá J. F. Culture-specific Items in Translation // Alvarez R., Carmen-África Vidal M. (eds.). Translation, Power, Subversion. Clevedon & Philadelphia : Multilingual Matters, 1996. P. 52 – 78.
6. Newmark P. A Textbook of Translation. New York : Prentice-Hall International, 1988. 389 p.

Информация об авторе

П. Б. Кондратьев – старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

P. B. Kondratiev – Senior Lecturer at the Department of general humanitarian and socio-economic disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья
УДК 378.147

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ ЮРИСТОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОФИЛЯ: КОМПЕТЕНТНОСТНЫЕ МАРКЕРЫ КАК КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Пётр Валерьевич ВОЛОШИН¹, Юлия Ивановна СИМОНОВА²

¹ Московский финансово-юридический университет (МФЮА), Москва, Россия,
voloshin_pv@mail.ru

² Костанайский филиал Челябинского государственного университета, Костанай,
Республика Казахстан, yuliya_sim@list.ru

Аннотация. В статье исследуются отдельные фрагменты практико-ориентированного подхода при организации учебного процесса в вузах неведомственного образования для подготовки юристов уголовно-правового профиля. Обозначается дилемма в вопросах достижения необходимых компетентностных маркеров при условии существующей системы академического юридического образования. Приводятся отдельные частные формы организации учебных занятий и их оценка в контексте достижимости требуемого набора компетенций выпускника-юриста, обучающегося по уголовно-правовому профилю подготовки. В качестве наиболее проблемных «зон» обозначены те учебные дисциплины в рамках уголовно-правового профиля подготовки, которые в наибольшей степени значимы уже на первоначальных этапах профессиональной деятельности. Акцентировано внимание на проблемах достижения отдельных общепрофессиональных и профессиональных компетенций при недостаточно сбалансированной интеракции теоретической и практической части учебного процесса.

Ключевые слова: практико-ориентированный подход, конкурентность компетенции, кейс-технологии, беседа, иммерсивность

Для цитирования: Волошин П. В., Симонова Ю. И. Практико-ориентированный подход в подготовке юристов уголовно-правового профиля: компетентностные маркеры как критерий эффективности // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 162 – 170.

© Волошин П. В., Симонова Ю. И., 2024

Original article

A PRACTICE-ORIENTED APPROACH IN TRAINING
LAWYERS SPECIALIZING IN CRIMINAL LAW:
COMPETENCE MARKERS AS A CRITERION OF EFFECTIVENESS

Pyotr V. VOLOSHIN¹, Yulia I. SIMONOVA²

¹ Moscow University of Finance and Law (MFUA), Moscow, Russia,
voloshin_pv@mail.ru

² Kostanay Branch of Chelyabinsk State University, Kostanay, Republic of Kazakhstan,
yuliya_sim@list.ru

Abstract. The article explores some fragments of a practice-oriented approach in organizing the educational process in non-departmental higher education institutions for criminal lawyers training. The dilemma of achieving the necessary competence markers under the existing system of academic legal education is identified. The authors present some particular forms of organizing training sessions and their evaluation in the context of the achievability of the required set of competences of a law graduate studying in criminal law. The most problematic «zones» are those disciplines within the criminal law profile of training that are most important already at the initial stages of professional activity. Special attention is focused on the problems of achieving certain general professional and professional competences with insufficiently balanced interaction between the theoretical and practical parts of the educational process.

Keywords: practice-oriented approach, competencies competitiveness, case technology, conversation, immersiveness

For citation: Voloshin P. V., Simonova Y. I. A practice-oriented approach in training lawyers specializing in criminal law: competence markers as a criterion of effectiveness. *Criminalist*. 2024;3(48):162-170. (In Russ.).

Конкурентность на современном рынке труда для начинающих юристов является беспрецедентной. Скорость социальных процессов приводит к тому, что и государственные структуры, и частный сектор максимально заинтересованы, чтобы молодой специалист был изначально готов к выполнению служебных задач. Однако сохраняющаяся ориентация на преобладание теоретической подготовки в обучении юристов не способствует тому, что соответствующие компетенции будут продемонстрированы выпускником в необходимой комплектации. При этом в настоящее время имеет место стабильный «перевыпуск» специалистов по юридическим специальностям, который, по некоторым оценкам, превышает потребность рынка труда на 500–600 %. Именно это обстоя-

тельство приводит современных авторов к выводу о необходимости формирования «субъектного профессионального опыта будущего специалиста» [1, с. 30].

Обучение юристов уголовно-правового профиля имеет дополнительные риски в плане дальнейшей профессиональной самореализации выпускников, поскольку данный профиль подготовки преимущественно ограничивается такими видами будущей профессиональной деятельности, как служба в правоохранительных органах, в органах прокуратуры, занятие адвокатской практикой, а также работа в судебной системе. Учитывая тот факт, что кадры правоохранительной системы в значительном объеме формируются из выпускников ведомственных учебных заведений, перед гражданскими вузами стоит задача

по повышению практико-ориентированного подхода при организации учебного процесса. Это особенно касается тех дисциплин, которые непосредственно связаны с формированием образовательных компетенций с максимально выраженным деятельностным подходом (уголовное право, уголовно-процессуальное право, криминалистика, криминология, оперативно-разыскная деятельность, прокурорский надзор, уголовно-исполнительное право и некоторые другие).

Таким образом, стремление к обеспечению качественной подготовки специалистов уголовно-правового профиля ставит перед профессорско-преподавательским составом сложную задачу — сформировать такие компетенции, которые фактически могут образовываться только в реальных условиях практической деятельности. Вместе с тем, как показывает практика большинства неведомственных (так называемых «гражданских») вузов, студенты демонстрируют стабильный интерес именно к уголовно-правовому профилю подготовки. В соответствующих условиях только рациональный практико-ориентированный подход способен привести к формированию таких образовательных компетенций, которые дадут студенту по крайней мере первичные профессиональные навыки, достаточные для успешной адаптации на начальных этапах профессиональной деятельности. В последние годы принято говорить об иммерсивных практиках в процессе профессионального обучения, которые не только конструируют среду, приближенную к будущей деятельности, но и позволяют сделать ее динамичной, многокомпонентной, что неизбежно отражается на мотивации обучающихся [2, с. 181]. Как отмечается в исследованиях последних лет, иммерсивный подход приводит к трансформации самого образовательного компонента, причем

взаимодействие несколько смещается с интеракции преподавателя и студента на интеракцию студента и созданной среды [3, с. 19].

Некоторые из приведенных ниже примеров в той или иной вариативности уже достаточно активно используются в практическом обучении студентов в различных вузах. В частности, очень эффективной формой проведения практических занятий является использование кейс-технологий, которые позволяют реализовать преемственность между темами курса именно в практической части обучения. Например, по дисциплине «Уголовный процесс» кейсы включают следующие основные блоки:

1. Возбуждение уголовного дела (составление необходимой документации, в том числе непосредственно процессуальных документов, запросов в компетентные органы, оформление результатов первоначальных следственных действий, принятого решения и т. д.).

2. Непосредственно проведение досудебного расследования (составление протоколов следственных действий, протоколов допроса потерпевших, свидетелей, обвиняемого, рассмотрение ходатайств и т. д.). Заканчивается работа на данном этапе составлением обвинительного заключения.

3. Стадия судебного разбирательства. На практическом занятии по темам, связанным с судебным разбирательством, используется метод деловой игры, в ходе которой участники на основе подготовленных на предыдущих занятиях кейсов проводят в игровой форме судебное заседание по рассмотрению материалов соответствующего уголовного дела (на основе отраженных в кейсах процессуальных документов).

Основные правила реализации данной формы работы.

1. Преподаватель обеспечивает учебный процесс образцами процессуальных документов, на основе которых студен-

ты должны формировать собственные кейсы.

2. Наличие на всех этапах работы сбалансированного сочетания теоретического блока и выполнения соответствующих практических заданий.

3. Оценка правильности заполнения процессуальных документов должна производиться на постоянной основе в целях своевременного устранения логических и юридических ошибок.

4. Предпочтительным является использование одновременно групповой формы работы, когда одна группа работает над одним кейсом [4, с. 305]. Это позволяет: а) сделать кейс более объемным и показательным за счет объединения сил участников группы; б) параллельно проводить работу по нескольким объемным кейсам, в результате чего у участников будет возможность не только отработать свой кейс, но и наблюдать продвижение работы в других группах; в) формировать умение работать в команде, присоединять свои усилия к усилиям других участников группы, развивать лидерские качества; г) снизить риск допущения ошибок при выполнении практических заданий за счет работы нескольких студентов над одним кейсом.

5. Фабула, а также примерный (ориентировочный) перечень необходимых действий студентов при подготовке кейса определяется преподавателем. Студенты могут в рамках фабулы производить дополнения (например, расширить перечень мероприятий), но их действия должны быть аргументированы. Таким образом, следует допускать творческий подход при заполнении кейса.

6. Преподаватель выполняет роль внешнего регулятора работы студентов над кейсом. В частности, для усложнения задачи он может по ходу работы вводить новые задания, выступать в роли инстанций, что должно изменить характер и направление осуществляемой студентами работы. Например, в

ходе заполнения кейса преподаватель передает студентам документ, в соответствии с которым в отношении обвиняемого имеется приостановленное уголовное дело по обвинению по другой статье Уголовного кодекса Российской Федерации. Студенты должны принять, оценить данное новое обстоятельство и внести коррективы в свою работу над кейсом. Это позволит приблизить учебную работу к реальной практической деятельности. При достаточном уровне теоретической подготовки студентов всей учебной группы (или некоторых студентов) преподаватель может делегировать данную динамичную функцию самим студентам, однако при обязательном внешнем наблюдении за процессом.

В приведенных тезисах имеет место обоснование того, что использование кейс-метода в рамках практических занятий по уголовному процессу более выигрышно в том случае, когда включен не только исполнительно-накопительный компонент (студент заполняет в надлежащем виде все предложенные ему процессуальные документы), но и компонент динамичного свойства (изменение хода расследования в силу появления новых фактических данных или процессуальных обстоятельств).

Итак, какие компетенции можно сформировать посредством подобной формы проведения практических занятий по уголовно-процессуальному праву? На поверхности — формирование навыков подготовки юридических документов. В данном случае речь идет не только о собственно процессуальных документах (шаблонах), но и о грамотном составлении запросов в различные инстанции, ответов на жалобы, ходатайств и т. д.

Одновременно формируется ряд общепрофессиональных компетенций¹:

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по на-

ОПК-2 – студенты приобретают навыки по применению нормативных правовых актов, реализации норм материального и процессуального права в профессиональной деятельности. В частности, в ходе работы над кейсами возникает необходимость обращения к нормам Уголовного кодекса Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, официальным разъяснениям высших судебных инстанций, к судебной-следственной практике;

ОПК-3 – формируется, в частности, при проведении игрового судебного заседания, когда необходимо проявить способность участвовать в экспертной юридической деятельности в рамках поставленной задачи. Принятие решения судьей должно быть основано на способности формировать собственную правовую позицию по рассматриваемому делу, учитывать личность подсудимого, его отношение к совершенному преступлению и другие факторы;

ОПК-4 – закрепляется сформированная при изучении дисциплины «Уголовное право» способность профессионально толковать нормы права. В данном случае задача преподавателя не просто использовать ранее полученные навыки по квалификации преступных деяний, но и развивать их в динамике. Например, посредством трансформации тех или иных фактических обстоятельств, которые приведут к изменению квалификации содеянного уже в ходе подготовки кейсов. Это позволит не только правильно изменить квалификацию деяния, совершенного виновным лицом, но и правильно оформить это изменение в процессуальных документах;

правлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция : Приказ Минобрнауки России от 13 августа 2020 г. № 1011: текст с изм. и доп. на 27 февр. 2023 г. URL: https://www.rea.ru/ru/org/managements/uchmetupr/Documents/Standarts/FGOS%20VO/Bakalavriat/Standart_40.03.01_Urisprudentsia_2020.pdf (дата обращения: 10.04.2024).

ОПК-8 – студенты учатся самостоятельно принимать решения и совершать юридические действия в точном соответствии с законодательством Российской Федерации. При составлении любого документа студентам придется обращаться к тексту Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации для того, чтобы уточнить, какие именно реквизиты (сведения) должны быть указаны в соответствующем документе. Не исключено, что придется воспользоваться и данными, содержащимися в доступных информационно-коммуникационных ресурсах (например, поиск аналогичных процессуальных документов, которые составлялись по реальным уголовным делам). Это одновременно формирует универсальную компетенцию, связанную с навыками осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач (УК-1). Дополнительно развиваются навыки работы в команде, деятельности, направленной на достижение общего результата, что предполагает формирование толерантности, общей коммуникационной культуры у студентов.

Значительных результатов в формировании профессиональных компетенций у юристов уголовно-правового профиля позволяет достичь такая форма проведения практических занятий, как моделирование (инсценировка) определенных событий, на основе которого студентам предлагается произвести ряд действий правового характера для установления скрытого факта. Здесь учитывается то обстоятельство, что в практической деятельности студенту придется самостоятельно решать конкретные служебные задачи по установлению следов преступления, причастных к нему лиц, других обстоятельств преступления. Соответствующие навыки формируются в ходе проведения занятий по криминалистике. Справедливы указания авторов специальных исследований, что одним

из наиболее эффективных методов при обучении криминалистике является использование полигонов [5, с. 30], однако их вариативность даже в ведомственных вузах, как правило, ограничена. Содержание практических заданий, как один из возможных вариантов, может быть сконструировано следующим образом:

1. В рамках конкретной темы студентам предлагается самостоятельно найти как можно больше информации криминалистического характера относительно того, какой должна быть обстановка на месте совершения того или иного преступления (например, какие изменения могут быть в помещении, в котором произошло убийство на бытовой почве).

2. Производится совместная оценка собранной и проанализированной информации студентом и преподавателем. Принимается решение, как можно смоделировать данную ситуацию непосредственно в учебной аудитории или посредством вербального описания, которое студент должен представить для других обучающихся учебной группы. Не всегда есть возможность воссоздать картину происшествия в демонстрационном режиме. Студент может использовать найденные в доступных информационных ресурсах фотоматериалы, которые отражают необходимую информацию. Демонстрация фотоматериалов сопровождается вербальным разъяснением деталей, по которым студенты должны принимать соответствующие решения.

3. Заключительная стадия — демонстрация (озвучивание) конкретной ситуации и ее разрешение другими студентами. Как вариант — преподаватель предлагает собственную ситуацию, в которой студентам необходимо применить полученные знания в области криминалистики.

В данном случае одновременно происходит формирование нескольких общепрофессиональных компетенций:

способность анализировать основные закономерности формирования, функционирования и развития права (ОПК-1); способность применять нормы материального и процессуального права при решении задач профессиональной деятельности (ОПК-2); способность профессионально толковать нормы права (ОПК-4); способность логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь с единообразным и корректным использованием профессиональной юридической лексики (ОПК-5). Причем здесь имеет место оценка ретроспективных событий, что требует логического мышления, знания закономерностей протекания тех или иных процессов, а также способности устанавливать причинно-следственные связи между явлениями. Параллельно формируются такие необходимые качества, как наблюдательность, аналитическое и критическое мышление, способность к самостоятельной деятельности и некоторые другие.

Определенные подходы сложились и по поводу формирования такой общепрофессиональной компетенции, как способность соблюдать принципы этики юриста, в том числе в части антикоррупционных стандартов поведения (ОПК-7). Учитывая тот факт, что формирование данной компетенции предполагает определенные виды коммуникаций, в которые студентам придется вступать в будущей профессиональной деятельности, на практических занятиях происходит отработка отдельных навыков. Как показывает опыт преподавания, формирование антикоррупционной устойчивости максимально эффективно при использовании тренинговых форм занятий, которые позволяют не столько закрепить теоретические знания в рамках действующего профильного законодательства, сколько создать атмосферу эмоционального переживания той или иной конкретной ситуации (вплоть до

умеренной стрессовой обстановки). В качестве вспомогательного инструментария здесь уместны показ кадров из художественных фильмов, апеллирование к личному опыту, к информации, поступающей из соцсетей, и т. д.

Что касается формирования этических стандартов поведения юриста, то в данном случае одним из наиболее эффективных методов остается деловая (ролевая) игра, в которой элемент импровизации служит весьма значимым триггером для выявления тех или иных ошибочных сценариев поведения. В частности, одним из интересных вариантов является проведение беседы с осужденным (в рамках преподавания криминологии, уголовно-исполнительного права) или с жертвой преступления (криминология, виктимологическая профилактика преступлений). Как совершенно справедливо указывается в смежных исследованиях, юрист может быть эффективным в том случае, когда он работает не только с законами, но и с конкретными людьми [6, с. 140].

В контексте использования данной формы занятия имеются некоторые риски: студенты могут воспринимать ее как не вполне серьезное задание и допускать элементы неуместного гротеска, иронии, карикатурности в поведении и т. д. Однако, как показывает опыт, в большинстве случаев данная практическая форма все-таки позволяет достичь поставленных целей при условии тщательной подготовки: предоставление студентам памятки относительно правил проведения беседы; включение элементов внешней оценки со стороны других студентов; демонстрация примера проведения беседы самим преподавателем и т. д. Кроме того, при выполнении данного задания формируются навыки устного общения юриста, что предполагает спектр дополнительных компетенций, связанных с речевым по-

ведением [7, с. 40]. В целом содержание данного задания включает следующие основные аспекты:

1. Преподаватель заранее представляет студентам ситуацию, указывая обстоятельства жизни конкретного осужденного, характер совершенного преступления, оценку поведения осужденного в период отбывания наказания и т. д. Если имеет место беседа с жертвой преступления, то предоставляются аналогичные данные, необходимые для построения диалога.

2. Студенту предлагается проанализировать ситуацию, разработать примерный план профилактической беседы (какие вопросы будут обсуждаться, какие методы воспитательного воздействия будут применены и т. д.). Результаты работы могут быть обсуждены с преподавателем до непосредственного «обыгрывания» соответствующей беседы на занятии, однако допустимы и импровизационные сценарии, которые нередко позволяют выявить гораздо более интересные и поучительные варианты поведения — в данном случае все зависит от определенных преподавателем целей.

3. Беседа демонстрируется на практическом занятии по соответствующей тематике. Другие студенты наблюдают и оценивают беседу в заранее заданных параметрах: достижение цели; количество использованных методов; уровень установленного контакта; коммуникативные навыки студента, проводившего беседу. Предлагается сформулировать прогноз относительно того, как эта беседа может повлиять на поведение осужденного (жертвы преступления) в дальнейшем.

В данном задании формирование компетенции ОПК-7 является наиболее выраженным. Так, профилактическая беседа с осужденным нацелена на то, чтобы он оценил свое поведение, осознал факт нарушения закона, послед-

ствия для своей семьи и самого себя и в будущем воздерживался от совершения правонарушений и преступлений. Что же касается беседы с жертвой преступления, то здесь особо значимым является нацеленность на преодоление страха, чувства собственной вины, стремления закрыться и других негативных переживаний, связанных с последствиями совершенного преступления. В данном случае имеет место явно выраженная трансформация юриста-теоретика в субъекта, который способен продемонстрировать не только набор знаний, но и свою правовую социализацию, человекоцентричность как один из значимых маркеров современной правоприменительной деятельности [8, с. 255].

Параллельно формируются другие навыки и умения, необходимые для практической деятельности: коммуникация с различными субъектами, в том числе с девиантными формами поведения, навыки по саморегуляции (студенты нередко начинают испытывать реальные эмоции по причине «вживания» в ситуацию), критическое мышление и др. Такого рода метод может использоваться и при отработке необходимых навыков в рамках других дисциплин: тактика допроса (криминалистика); беседа для получения оперативной информации (оперативно-разыскная деятельность) и т. п.

Перечисленные формы касаются деятельности самого преподавателя и имеют выраженный «внутренний» характер. Однако они обладают лишь частичной иммерсивностью, поскольку только имитируют, но не воссоздают реальную обстановку соответствующей профессиональной деятельности. Помимо учебных практик, которые обычно организуются в правоприменительных органах, одним из действенных методов является организация выездных занятий (суд, исправительное учреждение, СИЗО

и др.). В данном случае имеется только один существенный риск — трансформация учебного занятия в экскурсию. Однако при грамотной подготовке данный риск практически нивелируется, а эффект от выездного занятия является безусловным за счет действия факторов визуализации, реального включения в соответствующую обстановку, возможности задать вопросы практическому работнику суда, уголовно-исполнительной системы, следственного подразделения и т. д.

Интеракция с практическим аспектом будущей профессиональной деятельности юриста уголовно-правового профиля во многом может быть обеспечена также и привлечением к занятиям на постоянной или иной основе лиц, имеющих опыт работы в правоохранительных органах или судебной системе. Это может иметь место в том числе и в форме приглашения практического работника на одно из занятий (в частности, в бинарной форме его проведения), что всегда должно сопровождаться заблаговременным анонсом для студентов с тем, чтобы они могли заранее сформулировать интересующие их вопросы.

Таким образом, обеспечение достаточно высокого уровня практико-ориентированного подхода в обучении юристов уголовно-правового профиля является трудоемким, но реальным. Для надлежащего стимулирования преподавателей к применению подобных технологий необходимо, во-первых, признать соответствующие формы организации учебных занятий в качестве значимого маркера эффективности преподавательской деятельности (особенно, если в вузе применяется бонусная система оценки); во-вторых, курсы профессиональной переподготовки преподавателей должны быть максимально переориентированы с теоретической части на практические формы обучения.

Список источников

1. Иванова С. В., Родионов Л. А. Практикоориентированный подход к организации образовательного процесса юридического вуза // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2020. Т. 22, № 71. С. 29–33.
2. Сергеев С. Ф. Обучающие и профессиональные иммерсивные среды. Москва : Народное образование, 2008. 434 с.
3. Корнеева Н. Ю., Уварина Н. В. Иммерсивные технологии в современном профессиональном образовании // Современное педагогическое образование. 2022. № 6. С. 17–22.
4. Седых Т. В. Применение интерактивных методов в процессе преподавания дисциплин по уголовному процессу // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 304–306.
5. Ким Д. В. Создание квазипрофессиональных криминалистических систем как основа формирования инновационного научно-образовательного пространства (на примере Барнаульского юридического института МВД России) // Глаголь правосудия. 2018. № 3 (17). С. 29–32.
6. Хачикян Г. Особенности формирования профессиональных психологических компетенций в обучении юристов в современном обществе // Wisdom. 2014. № 1 (2). С. 137–142.
7. Иванова Т. В. Деловое общение юриста: опыт практического обучения // Мир русского слова. 2017. № 3. С. 39–45.
8. Стеценко И. А. Проблемы повышения качества профессиональной подготовки юристов: рефлексивный анализ и перспективы // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 8. С. 252–256.

Информация об авторах

П. В. Волошин – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского финансово-юридического университета (МФЮА), кандидат юридических наук, доцент;

Ю. И. Симонова – доцент кафедры права Костанайского филиала Челябинского государственного университета, кандидат юридических наук.

Information about the authors

P. V. Voloshin – Associate Professor at the Department of criminal law disciplines, of the Moscow University of Finance and Law (MFUA), Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Y. I. Simonova – Associate Professor at the Department of law of the Kostanay Branch of the Chelyabinsk State University, Candidate of Science (Law).

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ ПУБЛИКАЦИЙ, ПОРЯДОК ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

Редакция журнала «КриминалистЪ» принимает к рассмотрению статьи (материалы), отражающие научные взгляды, результаты и достижения фундаментальных и теоретико-прикладных исследований по наиболее перспективным и интересным направлениям юридических наук. Статьи (материалы), не соответствующие тематике Журнала, к рассмотрению не принимаются.

Статьи (материалы) должны носить открытый характер. Наличие ограничительного грифа служит основанием для отклонения статьи (материала) от открытой публикации.

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным (все статьи (материалы) проходят обязательную проверку в системе «Антиплагиат», при оригинальности текста менее 60 % статья (материал) к рассмотрению редакционной коллегией не принимается), не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях, содержащим очевидный элемент создания нового знания и (или) анализ проблем правоприменительной практики и пути их решения, свободным от неправомерного и некорректного заимствования, недобросовестного самоцитирования.

За точность воспроизведения имен, цитат, формул, чисел несет ответственность автор.

Статья (материал) представляется в редакцию Журнала в электронном виде (по электронной почте kriminalist_institut@mail.ru).

Текст должен быть набран на компьютере в редакторе Microsoft Word for Windows.

Рекомендованный объем публикации – от 0,4 до 0,6 учетно-издательского листа (16 000 – 24 000 знаков, включая название статьи, сведения об авторе (авторах), аннотацию, ключевые слова, список источников, пробелы между словами).

Статья должна быть представлена одним файлом.

В рукописи статьи также отражается следующая информация на русском и английском языках: аннотация; список ключевых слов; фамилия, имя, отчество (полностью), должность и место работы (службы), ученая степень и ученое звание автора, номер телефона, адрес электронной почты.

В статье указывается код универсальной десятичной классификации (УДК).

Рекомендуемый объем аннотации – 120–250 слов. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

К рукописи прилагается «Согласие на обработку персональных данных автора и на размещение полнотекстовой версии статьи впервые в открытом доступе в сети „Интернет“» по шаблону, приведенному на сайте <https://www.procuror.spb.ru/krim11.html>.

Обязательно наличие списка научных источников.

Доктора и кандидаты наук имеют право представлять в редакцию свои статьи (материалы) без рецензии.

Статьи аспирантов (соискателей, адъюнктов) должны представляться с рецензией научного руководителя.

Авторы, не имеющие ученой степени, прилагают к статье рецензию и (или) выписку из протокола заседания кафедры (подразделения) с рекомендацией к печати.

Статьи студентов (магистрантов) публикуются только в соавторстве с научными руководителями.

Рукопись научной статьи (материала), поступившая в редакцию Журнала, рассматривается ответственным секретарем на предмет комплектности пакета представленных документов и соответствия рукописи статьи (материала) требованиям редакции, профилю Журнала и правилам оформления. В случае несоблюдения условий публикации статья (материал) может быть отправлена автору на доработку.

Редакция журнала «КриминалистЪ» осуществляет двойное слепое рецензирование всех поступивших статей (материалов). Копия рецензии направляется ответственным секретарем Журнала на электронный адрес автора.

Рецензенты и редакция Журнала не вступают в дискуссию с авторами статьи (материала) по поводу сделанных замечаний.

Статья (материал), направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в установленный редакционной коллегией срок. К переработанной статье (материалу) автору необходимо приложить письмо, содержащее ответы и пояснения в соответствии с замечаниями. Доработанная с учетом замечаний рецензента статья повторно направляется на рецензирование тому же или другому рецензенту, назначенному по усмотрению редакции. Датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения автором доработанной статьи.

Статьи (материалы), авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументированно не опровергают их, не допускаются к публикации.

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей с сохранением научного содержания авторского варианта статьи (материала).

Авторский гонорар не выплачивается.

Редакция не возвращает и не хранит рукописи, не принятые к печати.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

«ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЫБОР УЧЕНЫХ И ПРАКТИКОВ

ЧИТАЙТЕ В КАЖДОМ НОМЕРЕ:

- ◆ ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ
- ◆ НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ
- ◆ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции:

123022, г. Москва,
ул. 2-я Звенигородская, 15

8 (499) 256-71-51

E-mail: vest@msk.rsnet.ru

Индекс в подписном агентстве
«Урал-Пресс»: 82370.

ОТДЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ ЖУРНАЛА ПУБЛИКУЮТСЯ НА ПОРТАЛЕ
СПРАВОЧНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ «КОНСУЛЬТАНТПЛЮС».

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

ОПЫТ КАЖДОГО ПРОКУРОРА
И СЛЕДОВАТЕЛЯ – БЕСЦЕНЕН

Адрес редакции:

123022, г. Москва,
ул. 2-я Звенигородская, 15

8 (499) 253-13-20

www.agprf.org

ДЕЛИТЕСЬ СВОИМ УНИКАЛЬНЫМ ОПЫТОМ С КОЛЛЕГАМИ НА СТРАНИЦАХ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО СБОРНИКА «СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА».

ПРИСЫЛАЙТЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АДРЕСУ: AGP@AGPRF.ORG